

√ 569
604

смер. вое 24/17-81

НЕ КОПИРОВАТЬ

U 604
ЕГИПЕТСКІЯ СКАЗКИ

ЗАПИСИ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА

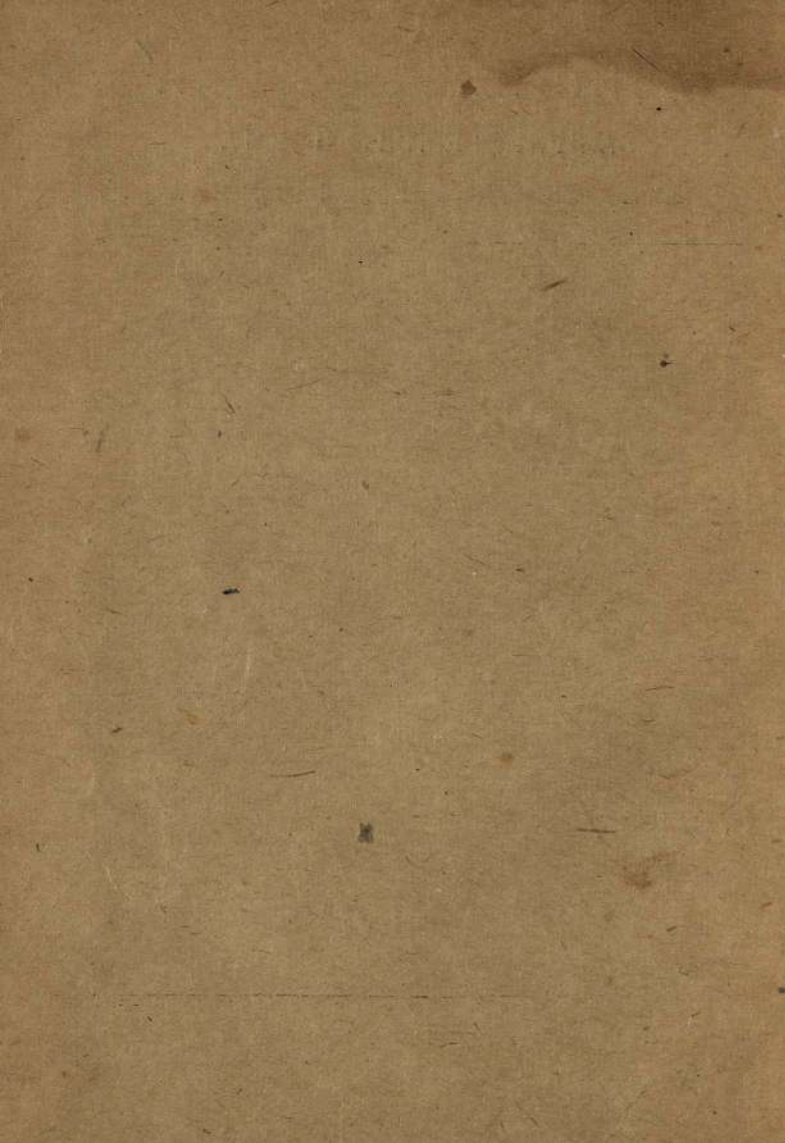
ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕД. К. БАЛЬМОНТА

V 569
604

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

изд. М. и С. Савашниковыми въ Москвѣ

585
604

ЕГИПЕТСКІЯ СКАЗКИ

ЗАПИСИ ДРЕВНЯГО ЕГИПТА

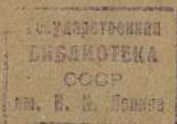
ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕД. К. БАЛЬМОНТА

201-89
45327

ПУШКИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА

изд. М. и С. Савашниковыми въ Москвѣ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

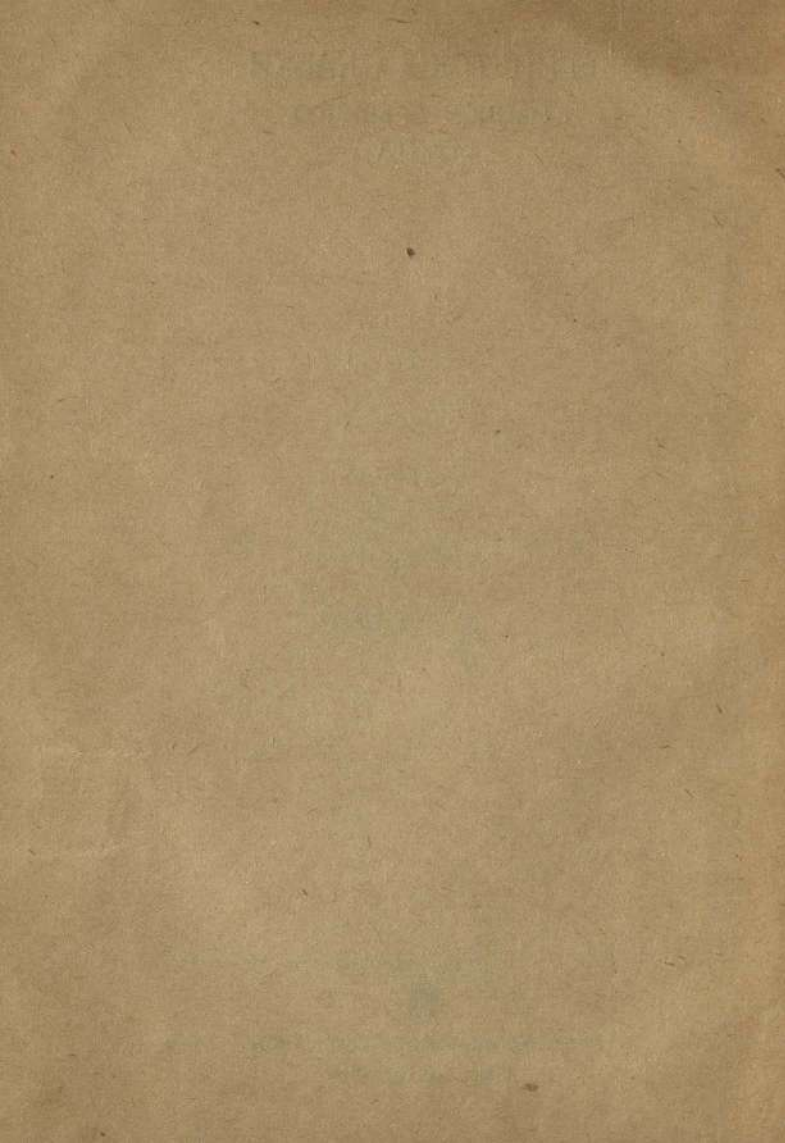
4365-63

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пяменовская ул., соб. д.
МОСКВА—1917.

ЕГИПЕТСКІЯ СКАЗКИ

ЗАПИСИ ДРЕВНЯГО
ЕГИПТА

ПОТЕРПѢВШІЙ КОРАБЛЕКРУШЕНІЕ.

Служитель искусный сказалъ: Во здравіи да будетъ твое сердце, владыка мой, ибо вотъ мы прибыли въ страну. Колотушка взята, коль вбить, корма корабля при- ставлена къ землѣ, были моленія, поклонялись богу, и всѣ обнимаются другъ съ другомъ, и толпа прокричала: „Счаст- ливое прибытіе!“ Наши матросы вернулись къ намъ въ добромъ состояніи, въ числѣ воиновъ нѣтъ недостачи ни въ одномъ. Мы достигли предѣловъ страны Уауантъ, мы прошли Санмуитъ, и мы съ миромъ теперь возвра- щаемся и приходимъ мы въ нашу страну. Слушай меня, владыка мой, ибо только правду я говорю. Соверши омо- веніе, полей себѣ воды на пальцы, потомъ отвѣчай, когда призванъ будешь говорить, и скажи свое сердце царю, и когда будешь говорить, будь твердъ и безъ смущенія, ибо если ротъ человѣка спасаетъ его, слово его закры- ваетъ ему лицо, какъ преступнику. Дѣйствуй согласно движеніямъ твоего сердца, и да будетъ то, что ты ска- жешь, умиротвореніемъ.

Итакъ, повѣдаю я тебѣ точно о томъ, что случилось со мною самимъ. Я направлялся въ копи Властителя, и вышелъ въ море на кораблѣ въ полтораста локтей длины, въ сорокъ локтей ширины, и полтораста на немъ было

матросовъ избранныхъ, изъ страны Египетской. Видѣли они небо, видѣли землю, и были отважнѣе сердцемъ, чѣмъ львы. Сказали они въ предсказаніи, что бури не будетъ, бѣда не придетъ, но буря нагрянула, когда мы были въ открытомъ морѣ, и прежде чѣмъ мы пристали къ землѣ, вѣтеръ усилился, и поднялъ онъ валъ въ восемь локтей. Доску одну—я вырвалъ доску, а корабль погибъ, и всѣ, кто были на кораблѣ, до единого. Я же присталъ къ острову, и свершилъ это морской приливъ. Три дня провель я одинъ, и не было у меня товарища, кромѣ моего сердца, а ночью ложился я въ дупло дерева, и тѣнь облекала меня, потомъ протягивалъ я ноги, чтобы найти что-нибудь для рта моего. Я нашель тамъ смокву и виноградъ, превосходный порей, ягоды и зерна, дыни всякаго рода, рыбъ, птицъ. Нѣтъ такой вещи, которой бы не было тамъ. И такъ насыщался я, клалъ на землю часть того, чѣмъ были обременены мои руки. Я вырылъ яму, зажегъ огонь и воздвигъ костерь, какъ жертвоприношеніе богамъ.

И вотъ услышалъ я голосъ гремящій, и подумалъ я: „Это волна морская!“ Задрожали деревья, земля сотряслась, я открылъ лицо мое и узналъ, что это змѣй приходилъ, въ тридцать локтей длины, борода же его превышала длину двухъ локтей; тѣло его было рѣзное золото, двѣ брови его были изъ камня лазури настоящаго, и еще совершеннѣе былъ онъ, видимый не въ лицо, а сбоку. Онъ открылъ ротъ противъ меня, въ то время какъ я лежалъ, простертый передъ нимъ, онъ сказалъ мнѣ: „Кто привелъ тебя, кто привелъ тебя, данникъ, кто привелъ тебя? Если замедлишь сказать мнѣ, кто привелъ тебя на этотъ островъ, я дамъ тебѣ узнать, что ты есть. Или въ пламени ты станешь незримымъ, или ты скажешь

мнѣ то, чего я не слышалъ и чего я не зналъ до тебя“. Затѣмъ онъ взялъ меня въ свой ротъ, онъ перенесъ меня въ свое логовище, и положилъ меня тамъ, не причинивъ мнѣ ущербъ. Я былъ здоровъ и невредимъ, и не было во мнѣ никакой убыли.

Итакъ, когда онъ раскрылъ ротъ, межъ тѣмъ какъ я лежалъ передъ нимъ распростершись, и когда онъ мнѣ сказалъ: „Кто привелъ тебя, кто привелъ тебя, данникъ, на этотъ островъ морской, чьи два берега суть потоки?“, я отвѣтилъ ему, опустивъ передъ нимъ свои руки, и я сказалъ ему: „Къ копиямъ направлялся я, по порученію Властителя, на корабль въ полтораста локтей длины, въ сорокъ ширины, и было на немъ полтораста матросовъ избранныхъ, изъ страны Египетской. Видѣли они небо, видѣли землю, и были отважнѣе сердцемъ, чѣмъ львы. Сказали они въ предсказаніи, что бури не будетъ, бѣда не придетъ. Каждый изъ нихъ былъ отваженъ сердцемъ и силенъ рукою, сильнѣй, чѣмъ товарищи его, и не было трусливыхъ между нихъ. И вотъ буря нагрянула, въ то время какъ мы были въ открытомъ морѣ, и прежде чѣмъ мы пристали къ землѣ, вѣтеръ усилился, и поднялъ онъ валъ въ восемь локтей. Доску одну—я вырвалъ доску, а корабль погибъ, и всѣ, кто были на кораблѣ, до еди-наго, кромѣ меня, и вотъ я теперь передъ тобою. Я присталъ къ этому острову, и свершилъ это морской приливъ“.

Онъ сказалъ мнѣ: „Не бойся, не бойся, данникъ, не бойся и не омрачай твое лицо! Если ты прибываешь ко мнѣ, это значитъ, что богъ соизволилъ, чтобъ ты жилъ, и онъ привелъ тебя на этотъ Островъ Двойника, гдѣ нѣтъ вещи такой, чтобъ здѣсь ея не было, и который всѣмъ преисполненъ, что есть благое. Вотъ ты проведешь

мѣсяцъ за мѣсяцемъ, пока не проживешь четыре мѣсяца на этомъ островѣ, потомъ корабль придетъ изъ страны твоей съ матросами; ты сможешь отправиться съ ними въ страну, и ты умрешь въ твоемъ городѣ. Разказать—это радость тому, кто прошелъ черезъ печали: Я повѣдаю тебѣ точно о томъ, что есть на этомъ островѣ. Я съ братьями моими на немъ и съ моими дѣтьми, посреди нихъ: Числою насъ семьдесятъ пять змѣй, дѣтей моихъ и моихъ братьевъ, и еще не упоминаю я о юной дѣвушкѣ, которая приведена была мнѣ искусствомъ чародѣйственнымъ. Ибо упала звѣзда, тѣ, что были въ огнѣ вмѣстѣ съ нею, вышли изъ нея, и юная дѣвушка явилась, и я не былъ среди существъ изъ пламени, а не то бы я умеръ отъ этого дѣянiя, но я нашелъ ее потомъ, среди труповъ, одну. Если ты храбръ и сердце твое сильно, ты прижмешь твоихъ дѣтей къ груди твоей, ты обнимешь жену твою, ты увидишь твой домъ, то, что лучше всего—ты достигнешь страны, и ты будешь среди твоихъ братьевъ!“

Тогда я простерся передъ нимъ и коснулся земли и сказалъ ему: „Я опишу твои души Властителю, я ему дамъ узнать твое величiе, и я велю тебѣ доставить румянъ и бѣлизилъ, благовонiя воскликновений, помады, касси, ладана храмового, коимъ снискивается благоволенiе каждаго бога. Я расскажу затѣмъ все, что приключилось со мной, и что довелось мнѣ видѣть, благодаря душамъ твоимъ, и тебя будутъ обожать въ твоемъ городѣ, въ присутствii знатныхъ Всей Земли. Я для тебя приведу быковъ на закланiе, чтобы отдать ихъ огню, птицъ умерщвлю для тебя, и я для тебя приведу корабли, нагруженные всѣми богатствами Египта, какъ это дѣлаютъ богу, другу людей въ странѣ отдаленной, которой люди не знаютъ“.

Засмѣялся онъ надо мной и надъ тѣмъ, что я говорилъ, по причинѣ того, что имѣлъ онъ въ сердцѣ своемъ. Онъ сказалъ мнѣ: „Мало развѣ здѣсь передъ тобою мирры, и все что ты видишь кругомъ, это ладанъ. Ибо я есмь владыка страны Пуанить, и есть у меня мирра. Только вотъ благовоніе воскликновеній, которое обѣщаешь мнѣ послать, не въ изобилии на этомъ островѣ. Но случится такъ, что едва удалишься ты отъ этого мѣста, никогда уже болѣе не увидишь этотъ островъ, ибо онъ превратится въ волны“.

И вотъ, когда пришелъ такъ корабль, имъ предсказанный, я примостился на высококомъ деревѣ и наблюдалъ за тѣми, кто былъ тамъ. Я затѣмъ пошелъ сообщить ему эту вѣсть, но увидѣлъ, что онъ уже зналъ ее. Ибо онъ сказалъ мнѣ: „Счастливо, счастливо, данникъ, къ дому родному, увидь дѣтей твоихъ, и имя твое да будетъ благимъ въ твоемъ городѣ. Вотъ мои пожеланія тебѣ!“ Тогда я простерся на землѣ, руки мои были опущены передъ нимъ, а онъ далъ мнѣ въ даръ мирры, благовонія воскликновеній, помады, кассіи, перца, румянъ и бѣлилль, порошка сурьмы, хвостовъ гиппопотамовъ, слоновыхъ клыковъ, борзыхъ собакъ, павіановъ, жирафъ, всякихъ богатствъ превосходныхъ. Я нагрузилъ все на этотъ корабль, потомъ распростерся во прахъ и поклонился змѣю. Онъ сказалъ мнѣ: „Вотъ ты прибудешь въ страну, черезъ два мѣсяца, ты прижмешь своихъ дѣтей къ груди твоей, а потомъ ты пойдешь въ твою могилу, чтобы снова стать юнымъ“. И вотъ я сошелъ на берегъ къ кораблю, я позвалъ воиновъ, которые находились на этомъ кораблѣ. На берегу я вознесъ достожднымъ образомъ благодареніе владыкѣ этого острова, и тѣ, что были на кораблѣ, сдѣлали то же самое.

Мы возвратились на Сѣверь, къ мѣстопробыванію Властителя, мы прибыли ко дворцу на второй мѣсяць, сообразно съ тѣмъ, что сказалъ змѣй. Я предсталъ передъ Властителемъ и поднесъ ему эти дары, что привезъ съ того острова, и онъ поклонился мнѣ въ присутствіи знатныхъ Всей Земли. И вотъ сдѣлали меня служителемъ, и имѣлъ я въ вознагражденіе красивыхъ рабовъ. Склони на меня свой взглядъ, теперь, какъ я прибылъ въ землю Египта, послѣ того какъ я видѣлъ эти испытанія и прошелъ черезъ нихъ. Слушай меня, ибо вотъ, хорошо слушать людей. Фараонъ мнѣ сказалъ: „Не будь лукавымъ, другъ мой!“ Кто же даетъ воды птицѣ въ утро того дня, когда должно заклатъ ее?

Это кончено, съ начала до конца такъ, какъ было найдено въ написанномъ. Кто написалъ это, написалъ писецъ съ перстами искусными, Амауни-Аману, жизнь, здоровье, сила.

Наслѣдный властитель, царскій подручный, единственный другъ, шакаль, управитель помѣстій царя, и намѣстникъ его у Бедуиновъ, вѣдомый царю въ истинѣ, и тотъ, который любитъ его, слуга Синугить, говорить:—

Я, спутникъ я, что слѣдуетъ за властелиномъ своимъ, слуга царскаго гарема, главный управитель дворца наслѣдной царицы, верховной супруги царской Сануосрити, въ Хнумисуту, царственной дочери Аменемхаита въ Канофирѣ, Нофритѣ, властительницы данниковъ. Года тридцатаго, мѣсяца третьяго Якуита, дня седьмого, богъ взошелъ на свой двойной горизонтъ, царь Саготпіабурійя устремился въ небо, соединившись съ солнечнымъ Дискомъ, и члены бога растворились въ томъ, кто создалъ ихъ. И молчаніе было во дворцѣ, и печаль въ сердцахъ. Двойные Великіе Врата были запечатаны, и въ скорби поникли царедворцы, народъ же горько жаловался. Но Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — отправилъ многочисленное войско въ страну Тимигу, и старшій сынъ его Сануосритъ богъ благой, — жизнь, здоровье, сила, — былъ начальникомъ его. Онъ былъ посланъ, дабы поразить края чужеземные, и привести къ рабству Тигону, и въ это время онъ возвращался, онъ вель за собой

плѣнниковъ, взятыхъ живыми у Тимигу, и всякаго рода скоть безъ числа. Друзья Серая, — жизнь, здоровье, сила, — отправили гонцовъ на Западъ, дабы увѣдомить сына царя, — жизнь, здоровье, сила, — о дѣлахъ, происшедшихъ во Дворцѣ. Вѣстники встрѣтили его на пути, и прибыли къ нему ночью: „Не такое ли это дѣло, чтобы надлежала крайняя поспѣшность, и не улетѣтъ ли ястребу, ни о чемъ не оповѣщая войска? Вотъ почему наказано царскимъ сыновьямъ, состоящимъ при этомъ войскѣ, не сообщать этого никому изъ находящихся тамъ людей“. Я же, я былъ тамъ, я услышалъ голосъ его, пока онъ говорилъ, и убѣжалъ вдаль. Сердце мое разрывалось, руки опустились, страхъ передъ царемъ напалъ на всѣ члены, я ускользалъ окольными путями, ища мѣста, гдѣ бы могъ укрыться. Я пробрался между двумя кустами, расчищая себѣ путь, гдѣ бы мнѣ идти, я шелъ восходя на Югъ, но не сказалъ себѣ: „Я возвращусь во Дворецъ“, ибо не зналъ я, не война ли уже разразилась тамъ. Не вымолвивъ пожеланія жизни тому Дворцу, я, переправился черезъ каналъ Мауити, въ мѣстѣ, что носить имя Сикоморы. Я добрался до острова Санофруи и провелъ тамъ день въ поляхъ, потомъ, еще засвѣтло, я снова пошелъ и продолжалъ путь свой. Какойто человекъ, стоявшій на краю дороги, просилъ меня о пощадѣ, ибо устранился меня. Ко времени ужина я подошелъ къ городу Нагау, переплылъ рѣку на плоту безъ руля, при помощи западнаго вѣтра, и переправился на Востокъ, черезъ округъ Каменоломень, въ мѣсто, что носить имя богини Гаруитъ — Набитъ — Дуу — Доширь, владычицы Красной Горы, потомъ, продолжая путь пѣшкомъ, на Сѣверъ, я достигъ Стѣны Царя, построенной, дабы отразить Саатиу и сокрушить Номіу-Шайю. Я присѣлъ пригнувшись въ кустахъ,

боясь, какъ бы не увидала меня стража, что стоять дозоромъ на вышкѣ укрѣпленій, ежедневно смѣняясь. Я пустился въ путь ночью, а на другой день, съ разсвѣтомъ, достигъ Путени и прилежъ отдохнуть на островѣ Камуэри. И вотъ, жажда напала она на меня и мучила. Я изнемогъ, въ горлѣ захрипѣло, и я сказалъ себѣ уже: „Это вкусъ смерти“!, когда воспрянуло сердце мое, и овладѣлъ я членами моими: Я услыхалъ громкіе голоса стада. Меня увидали Бедуины, и узналъ меня одинъ изъ ихъ шейховъ, бывший въ Египтѣ. И вотъ, онъ далъ мнѣ воды и велѣлъ вскипятить молока, потомъ, вмѣстѣ съ нимъ, пошелъ я въ его племя, и они мнѣ оказали услугу, проводили изъ страны въ страну. Я направился въ страну Суану, достигъ Кадимаи, и провель тамъ полтора года.

Аммуяйнаши, властитель верхняго Тону, послалъ за мной и сказалъ мнѣ: «Хорошо тебѣ будетъ у меня, ибо услышишь ты здѣсь рѣчь Египетскую». Это сказалъ онъ, ибо онъ зналъ, кто я такой, и дошла до него молва о дарованіяхъ моихъ. Египтяне, находившіеся со мной въ этой странѣ, свидѣтельствовали ему обо мнѣ. Вотъ что сказалъ онъ мнѣ: „Какая причина тому, что ты здѣсь? Что такое было? Не путешествіе ли на горизонтъ случилось во дворцѣ царя двухъ Египтовъ, Саготпіабурійи, причемъ неизвѣстно, что произошло по этому случаю?“ Я отвѣчалъ ему съ лукавствомъ: „Да, по-истинѣ, когда я вернулся изъ похода въ страну Тимигу, что-то говорили мнѣ. Сердце мое словно подмѣнили въ груди моей, оно увлекало меня на пути пустыни. Не услышалъ я порицанія, никто не плюнулъ мнѣ въ лицо, я не услышалъ никакой низости, и не слышали имени моего изъ устъ Глашатая! Я не знаю, что привело меня въ эту страну. Это какъ промыселъ бога!“ — „Что станетъ съ землей

Египетской безъ этого бога благого, чей страхъ распро-
страняется по чужимъ краямъ, подобно Сохитъ въ го-
дину чумы“? Я высказалъ ему свою мысль, и отвѣтилъ:
„Богъ да спасетъ насъ. Вступивъ во дворецъ, сынъ его
принялъ наслѣдіе отца своего. Онъ есть богъ, и по-
истинѣ, нѣтъ ему равнаго. Не устоять никому передъ
нимъ. Онъ владыка мудрости, осторожный въ замыслахъ
своихъ, благодѣтельный въ распоряженіи государствен-
ными доходами, по слову его приходятъ и уходятъ, ибо
онъ это, кто покорялъ чужія земли въ то время, какъ
отецъ его пребывалъ во дворцѣ, рѣшая, чему надлежало
свершиться. Истинно, сильный онъ, что работаетъ мечомъ,
доблестный, кому нѣтъ равнаго, когда видятъ его напа-
дающимъ на варваровъ и устремляющимся въ схватку.
Изъ тѣхъ онъ, что играютъ рогомъ и дѣлаютъ безсиль-
ными руки враговъ. Уже не могутъ враги его сомкнуть
разбитые ряды. Онъ каратель, что проламываетъ голову:
Никто не устоялъ передъ нимъ. Онъ быстрый бѣгунъ,
что уничтожаетъ бѣглеца: Нѣтъ такого убѣжища, куда
бы укрылся тотъ, кто повернулся къ нему тыломъ. Онъ
твердъ сердцемъ въ мгновеніе схватки. Онъ тотъ, кто
неустанно возвращается къ нападенію, и никогда не
показываетъ тыла. Онъ твердъ сердцемъ, и видя передъ
собой многочисленныя толпы, не позволяетъ усталости
войти въ свое сердце. Онъ смѣльчакъ, что устремляется
впередъ, когда видитъ сопротивленія. Онъ тотъ, кто
тѣшится, бросаясь на варваровъ. Онъ беретъ свой щитъ,
онъ опрокидываетъ противника, онъ никогда не наноситъ
удара дважды, а убиваетъ такъ, что никому не отвратить
копья его. Стоитъ ему натянуть лукъ, и уже въ бѣгство
обращаются варвары, ибо сильны обѣ руки его, какъ
души великой богини. Сражаясь, онъ не можетъ болѣе

остановиться, и не щадить никого, никто не остается въ живыхъ. Онъ премного-любимый, всечарующій, онъ тотъ, кто владѣетъ любовью, и городъ его любить его больше, чѣмъ самого себя,—радуется ему больше, чѣмъ собственному богу, мужи и жены ликують о немъ. Онъ царь, что правилъ еще въ яйцѣ, и носилъ онъ вѣнецъ отъ рожденія. Онъ тотъ, кто умножилъ народъ свой, и единый онъ, кого даровалъ намъ богъ, и управленію кого радуется земля наша. Онъ тотъ, кто раздвигаетъ границы. Онъ захватить страны Юга, и не возжелаетъ онъ странъ Сѣвера? Онъ созданъ былъ, чтобы нанести ударъ Саатиу и чтобы поразить Нومیу-Шайю. Если придетъ онъ сюда, да узнаетъ онъ имя твое, и да не коснется тебя никакое проклятiе Его Величества! Ибо не благо ли творить онъ странѣ, что покоряется ему?" Вождь Тону отвѣчалъ: „Истинно, счастливъ Египеть, ибо вѣдома ему крѣпость государя его? Что же касается тебя, что пребываешь здѣсь, пока останешься ты у меня, я буду дѣлать тебѣ добро“. Онъ повелъ меня къ дѣтямъ своимъ, старшую дочь свою далъ онъ мнѣ въ жены, и дозволилъ мнѣ избрать себѣ въ его странѣ изъ лучшаго, чѣмъ владѣлъ онъ на границѣ смежной страны. Это земля превосходная, Айя имя ея. Есть тамъ смоква и виноградъ, вино тамъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ вода, обильна она медомъ, масло тамъ въ изобиліи, и всякаго рода плоды на деревьяхъ, ячмень и пшеница тамъ безъ границъ, и всякаго рода скоть. И были мнѣ пожалованы большія преимущества, когда прибылъ властитель ради меня, и поставилъ онъ меня вождемъ одного племени, изъ лучшихъ его страны. Было у меня хлѣба на все время, и на каждый день вина, мяса варенаго, птицы на жаркое, сверхъ сего мѣстной дичи, за которой охотились

для меня или которую дарили мнѣ, кромѣ того, что приносили мои охотничьи собаки. Мнѣ готовили много пиროговъ и молока, варенаго разными способами. Я провелъ тамъ многе годы. дѣти мои сдѣлались сильными, и каждый изъ нихъ сталъ вождемъ своего племени. Если гонецъ спускался съ Сѣвера или поднимался на Югъ, къ Египту, онъ заходилъ ко мнѣ, ибо всѣхъ принималъ я радушно, я давалъ воды жаждущему, указывалъ дорогу заслудившемуся путнику, спасалъ ограбленнаго. Когда осмѣливались бедуины противиться владыкамъ странъ, я руководилъ ими въ походахъ, ибо даровалъ мнѣ этотъ властитель Тону быть долгие годы предводителемъ воиновъ его. Въ каждой странѣ, на которую устремлялся я трепетали на пастбищахъ у колодцевъ. Я угонялъ скотъ, уводилъ подданныхъ и отнималъ рабовъ, я убивалъ людей. Своимъ мечомъ, своимъ лукомъ, своими походами, удачно задуманными предприятиями, завоевалъ я сердце властителя моего, и полюбилъ онъ меня, когда узналъ доблесть мою, онъ сдѣлалъ меня главнымъ надъ дѣтьми своими, увидавъ силу рукъ моихъ.

Одинъ силачъ Тону явился, онъ вызывалъ меня въ моему шатрѣ, это былъ богатырь, и не было равнаго ему, ибо онъ побѣдилъ весь Тону. Онъ говорилъ, что будетъ бороться со мной, онъ воображалъ, что сможетъ побѣдить меня, и громко заявлялъ, что захватить мой скотъ, по наущенію племени своего. Нашъ властитель обсуждалъ это со мной, и я сказала: „Я вовсе не знаю его, поистинѣ, не союзникъ я ему, кому открыть доступъ въ собственный его шатерь. Отворилъ ли я когда-нибудь дверь его и переступилъ ли за ограду его? Это просто ревность, ибо онъ видитъ, что выполняю я дѣла твои. Богъ насъ спасаетъ. Я какъ старый быкъ среди своихъ

коровъ, когда бросается на него молодой дикій быкъ, чтобы отнять ихъ для себя. Развѣ нравится нищій, когда онъ проходитъ какъ вождь? Нѣтъ номада, который охотно соединился бы съ феллахомъ Дельты, ибо какъ пересадить чашу камышей на гору? Или же онъ быкъ, что любить бой, быкъ избранный, который любить дѣлать ударъ на ударъ, и боится найти себѣ равнаго? Тогда, если есть у него сердце для боя, пусть выскажетъ онъ желаніе сердца своего! Не вѣдомо ли богу, что порѣшилъ онъ по этому поводу, или, если это не такъ, кто знаетъ, что станется?“

Всю ночь натягивалъ я лукъ свой, подчищалъ стрѣлы, оттачивалъ кинжалъ, чистилъ оружіе. На разсвѣтѣ сбѣжалась вся земля Тону. Онъ собралъ свои племена, созвалъ всѣ сосѣднія страны, ибо предвидѣлъ онъ этотъ бой. Когда сильный пришелъ, я всталъ, и былъ съ нимъ лицомъ къ лицу. Всѣ сердца пламенѣли за меня, мужи и жены испускали крики, всѣ сердца страшились за меня, и всѣ говорили: „Найдется ли вправду богатырь, который могъ бы бороться съ нимъ?“ И вотъ, онъ взялъ щитъ, топоръ, связку дротиковъ. Когда я заставилъ его понапрасну пустить въ ходъ его оружіе, и отвелъ отъ себя стрѣлы его, такъ что онѣ ударились о землю, при чемъ ни одна не упала возлѣ другой, онъ устремился на меня. Тогда я спустилъ свой лукъ, и когда стрѣла моя вонзилась ему въ шею, онъ вскрикнулъ и упалъ ничкомъ. Я его прикончилъ его же топоромъ, я испустилъ побѣдный кличъ, стоя у него на спинѣ, и всѣ Азійцы закричали отъ радости. Я вознесъ благодареніе Монту, между тѣмъ какъ люди его скорбѣли о немъ, властитель же Аммуя-наши заключилъ меня въ объятія. И вотъ, завладѣвъ я добромъ побѣжденнаго, я захватилъ его скоть, и какъ хотѣлъ поступить со мною онъ, такъ поступилъ съ нимъ я.

Я взялъ все, что было у него въ шатрѣ, обобралъ его деревню и разбогатѣлъ, я пополнилъ свою сокровищницу и умножилъ число скота.

Такъ, милостивымъ явилъ себя богъ къ тому, кого упрекали въ томъ, что бѣжалъ въ чужой край, такъ что радуется нынѣ сердце его. Бѣглець бѣжалъ въ свое время, а теперь обо мнѣ даютъ благія свидѣтельства при дворѣ Египетскомъ. Странникъ странствовалъ, умирая съ голоду, а теперь я подаю хлѣбъ ближнему моему. Жалкій бѣднякъ покинулъ свою землю совсѣмъ нагимъ, я же, я блистаю одеждами изъ тонкаго полотна. Кто-то самъ бѣгалъ по своимъ дѣламъ, не имѣя кого послать, я же, я владѣю многочисленными рабами. Мой домъ красивъ, мои владѣнія обширны, и помнятъ обо мнѣ въ царскомъ дворцѣ. О, всѣ вы, боги, что предопредѣлили мнѣ бѣжать, будьте милостивы ко мнѣ, верните меня ко дворцу, даруйте увидать мнѣ снова то мѣсто, гдѣ пребываетъ сердце мое! Какое счастье, если бы однажды покоилось тѣло мое въ землѣ, гдѣ я рожденъ! Довольно, да пребудетъ отнынѣ удача со мной, да явитъ мнѣ богъ благодать свою, да сотворитъ онъ, какъ надлежитъ, дабы утвердить конецъ, о коемъ старался я, и да милостивъ будетъ онъ къ тому, кого принудилъ онъ жить въ краю чужомъ. Не умиротворился ли онъ нынѣ? Да слушаетъ онъ того, кто молить издалека, и да обернется къ тому, кого сразилъ онъ, да вернется молящій къ мѣстамъ, откуда увелъ онъ его? Да будетъ ко мнѣ благосклоненъ царь Египта, чтобы жилъ я дарами его, и да воздамъ я должное Правительницѣ Земли, что пребываетъ во дворцѣ его, да услышу повелѣнія дѣтей ея. О, да помолдѣютъ члены мои, ибо старость подступаетъ теперь ко мнѣ, слабость охватила меня, глаза мои отяжелѣли,

повисли руки мои, ноги отказываются служить, сердце останавливается: Смерть приближается ко мнѣ, и скоро уведутъ меня въ города вѣчные, дабы послѣдовалъ я тамъ за Владычицей Всего. Ахъ! если бы могла она повѣдать мнѣ о прелестяхъ дѣтей своихъ и проводить вѣчность возлѣ меня!

И въ то время, какъ говорили Величеству царя Хопиркэрийи, съ голосомъ вѣрнымъ, объ этихъ дѣлахъ, что касались меня, Его Величество отправилъ мнѣ посланіе съ подарками отъ лица царя, какіе даютъ государямъ какой-нибудь иноземной страны, дабы повергнуть въ радость слугу, здѣсь говорящаго, и Дѣти царскія, которыя въ его дворцѣ, всѣ направили ко мнѣ посланія свои.

Списокъ наказа, доставленнаго слугѣ здѣсь предстоящему о возвращеніи его въ Египеть.

„Горь, жизнь рожденій, владыка вѣнцовъ Сѣвера и Юга, жизнь рожденій, царь Верхняго и Нижняго Египта, Хопиркэрийя, сынъ Солнца, Аменемхаить, живущій навсегда и навѣки!

„Наказъ царя слугѣ Синугиту! Вотъ, доводится до тебя этотъ наказъ царя, дабы увѣдомить тебя о волѣ его:—

„Ты обошелъ чужія страны, выйдя изъ Кадимы къ Тону, ты перешелъ изъ одной страны въ другую по волѣ сердца твоего. Что получилъ ты,—что должно быть сдѣлано тебѣ? Ты не можешь болѣе проклинать, ибо отвергнуто слово твое. Ты не говоришь въ совѣтѣ сановниковъ, ибо низринута будетъ задуманное тобой. Но тотъ замысль, что внушило тебѣ сердце твое, онъ не внушенъ никакимъ зловоліемъ сердца моего. Ибо царица

наша, ибо небо твое, что во дворцѣ пребываетъ, она жива, она цвѣтетъ еще, и чело ея и нынѣ возносится среди царственныхъ особъ земли, и дѣти ея пребываютъ въ особой части дворца. Ты будешь наслаждаться богатствами, кои будутъ тебѣ даны, и будешь ты жить этими щедротами.

Когда прибудешь ты въ Египеть, и увидишь землю, гдѣ ты родился, распростришь передъ Вратами Блестательными и присоединишь къ Друзьямъ. Ибо вотъ, нынѣ началъ ты дряхлѣть, утратилъ ты силу мужскую и подумалъ о днѣ погребенія, когда перейдешь ты къ вѣчному блаженству. Тебѣ даруются ночи среди бальзамическаго ея и повязокъ десницей богини Таитъ. Въ день похоронъ будутъ шествовать въ погребальномъ шествіи за тобой, лежащимъ въ одеждахъ золотыхъ, съ головой, окрашенной въ цвѣтъ лазури, подъ балдахиномъ. Траурныя дроги твои повлекутъ быки, пѣвчіе пойдутъ впереди, для тебя исполнять похоронныя пляски, и плакальщицы будутъ у входа въ могилу твою. Для тебя прочитаны будутъ жертвенныя молитвы, убьютъ животныхъ у погребальныхъ плитъ, и изъ бѣлаго камня воздвигнутъ тебѣ пирамиду въ кругѣ Дѣтей царскихъ. Не бывать тому, чтобы умеръ ты на чужой землѣ, ни тому, чтобы Азіійцы провожали тебя въ могилу и положили тебя въ баранью шкуру, когда готовятъ гробницу твою. Но будетъ вознагражденіе за скорбь, что испытало тѣло твое, когда возвратишься ты сюда“.

Когда дошелъ до меня наказъ этотъ, я находился посреди моего племени. Едва прочли его мнѣ, я бросился ничкомъ, влачилъ въ пыли, осыпалъ ею волосы мои, я обошелъ свою деревню, радуясь и говоря: „Какъ могло это статься, чтобы подобное оказано было слугѣ здѣсь предстоящему, который, съ сердцемъ мятежнымъ, бѣжалъ

въ страны чужія, презрѣнныя? И, по-истинѣ! сколь это прекрасно и милосердно, избавить меня отъ смерти! Ибо дозволить мнѣ Двойникъ Твой завершить при дворѣ конецъ жизни моей.

Списокъ отвѣта на этотъ наказъ.

Слуга Гарема, Синугить, говоритъ: „Съ миромъ превосходнымъ превыше всего! Этотъ побѣгъ, совершенный слугою здѣсь предстоящимъ, въ его невѣдѣніи, онъ вѣдомъ Двойнику твоему, богъ благой, владыка двухъ Египтовъ, другъ Ра, возлюбленный Монту, властелина Оивъ. Пусть Амонъ, владыка Карнака, Совку, Ра, Горъ, Гаторъ, Туму и его Девятибожіе, Супду, богъ съ красивыми душами, Горъ края Восточнаго, царскій Урей, что обвиняетъ чело твое, повелители, что управляютъ наводненіемъ, Мину-Горъ въ чужихъ краяхъ сущій, Уарурить, владычица Пуанита, Нуить, Гароэрисъ, Ра,—пусть всѣ боги Египта и острововъ моря Зеленаго даруютъ жизнь и силу ноздрямъ твоимъ. Да изолюютъ они щедрость свою на тебя и даруютъ тебѣ время безъ предѣловъ, вѣчность безъ мѣры, дабы передавался страхъ, который вселяешь ты всѣмъ странамъ равниннымъ и горнымъ, и дабы покорилъ ты все, что окружаетъ солнечный дискъ на пути его! Вотъ молитва, что слуга, здѣсь предстоящій, возносить за властелина своего, кто избавляетъ его отъ могилы!

„Владыка мудрости, что знаетъ людей, узналъ ее въ Величествѣ Государя, между тѣмъ какъ слуга, здѣсь предстоящій, боялся высказать ее, столь важное это было дѣло, изложить ее. Но богъ великій, ликъ Ра, онъ умудряетъ работающаго для него, и слуга, здѣсь предстоящій,

ему подчиненъ, и подлежить велѣнію его: ибо Горь есть Величество твое, и мощь десницы твоей простерта на всѣ страны!

„Итакъ, пусть повелить Величество твое привести Маки изъ Кадимы, Хентиауша изъ Хонти-Каушу, Менуса двухъ странъ Подданныхъ, кои суть государи, готовые засвидѣтельствовать, что все обстоитъ по желанію Двойника твоего, и что Тону совсѣмъ не ропщутъ на тебя, но что они какъ собаки твои. Ибо побѣгъ этотъ, совершенный слугою здѣсь предстоящимъ, не отдававшимъ себѣ въ немъ отчета, онъ не входилъ въ намѣренія мои. Не задумаль я его заранѣе, и не знаю, какъ оторвался я отъ мѣста, гдѣ былъ. Это было какъ сонъ, какъ когда челоуѣкъ изъ Ату видитъ себя въ Ябу, или челоуѣкъ полей въ пустынѣ Нубіи. Нечего мнѣ было опасаться, никто не преслѣдовалъ меня, никакой низости не услышалъ я, и никогда не было имя мое на устахъ Глашатая, однако же члены мои вострепетали, ноги устремились, сердце вело меня, богъ, который предопредѣлилъ мнѣ этотъ побѣгъ, увлекалъ меня. Я же не разогнулъ спины, ибо полонъ страха тотъ, кто знаетъ страну Египетскую, и Ра даровалъ это, чтобы страхъ передъ тобой царилъ въ землѣ Египетской, чтобы ужасъ передъ тобой былъ во всѣхъ чужихъ странахъ. Да буду же я во дворцѣ или да пребуду здѣсь, это ты можешь затуманить мой горизонтъ. Солнце восходитъ по волѣ твоей. Рѣчную воду, ее пьетъ кто угоденъ тебѣ. Вѣтерокъ небесный, его вдыхаетъ тотъ, кому скажешь ты. Слуга, здѣсь предстоящій, оставить имущество дѣтямъ своимъ, которыхъ слуга, здѣсь предстоящій, имѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Что же касается извѣщенія, дошедшаго до слуги, здѣсь предстоящаго, да поступитъ твое Величество такъ, какъ бу-

деть угодно ему: Ибо живутъ воздухомъ, который даешь ты, любовь Ра, Гора, Гаторъ въ царственныхъ ноздряхъ твоихъ. Это даръ Монту, владыки Оивъ, да живешь ты вѣчно“.

Когда пришли отыскать меня, слугу, я отпраздновалъ торжественный день въ Айѣ, чтобы передать имущество мое дѣтямъ. Старшій сынъ мой сдѣлался главою моего племени, такъ что племя мое и все мое имущество перешло къ нему—рабы мои, весь мой скотъ, всѣ насажденія, всѣ финиковыя пальмы. Итакъ, направился я къ Югу, и когда прибылъ въ Гаріу-Гору, военачальникъ, что находится тамъ съ пограничной стражей, послалъ извѣщеніе во дворецъ, дабы увѣдомить объ этомъ. Его Величество выслалъ превосходнаго управляющаго крестьянами царскаго дома, и, съ нимъ грузовыя суда, наполненныя подарками отъ лица царя для Бедуиновъ, что сопутствовали мнѣ, провожая меня въ Гаріу-Гору. Я называлъ по имени каждаго изъ людей, что находились тамъ, это были мастера всякаго рода, со своими орудіями. Я снялся съ якоря, распустилъ паруса, и варили пиво, и приготовили его для меня, было чѣмъ просуществовать, пока не прибуду въ царскій городъ Танту-Тауи.

Когда на завтра освѣтилась земля, меня позвали: Десять пришло человѣкъ, и десять ушло ихъ, чтобы отвести меня во дворецъ. Я коснулся земли челомъ между сфинксами, потомъ Дѣти царскія, стоявшія въ преддверіи, чтобы встрѣтить меня, оказали мнѣ пріемъ. Друзья, чьей обязанностью было вводить въ залъ съ колоннами, проводили меня въ пріемный покой царя. Я увидалъ Его Величество на большомъ помостѣ, въ Залѣ золоченаго серебра, я упалъ плашмя, и лишился сознанія передъ нимъ. Богъ этотъ обратился ко мнѣ съ пріязными словами, но я былъ какъ

человѣкъ, застигнутый ночью: Душа моя замерла, отнялись члены мои, не было больше сердца въ груди у меня, и позналъ я разницу между жизнью и смертью. Его Величество сказалъ одному изъ Друзей: „Подними его, и пусть онъ говорить мнѣ!“ Его Величество сказалъ: „Вотъ ты и вернулся! Послѣ того какъ блуждалъ ты по чужимъ краямъ и совершилъ бѣгство, годы одолѣли тебя, ты достигъ преклоннаго возраста, немалое это дѣло, что тѣло твое можетъ быть похоронено, безъ того, чтобы варвары хоронили тебя. Не возобновляй же молчанія, когда попросятъ тебя!“ Я боялся кары, и отвѣчалъ отвѣтомъ боящагося: „Вотъ, на сказанное мнѣ властелиномъ моимъ я отвѣчу такъ: Это было не моимъ поступкомъ, а десницей божьей, это страхъ былъ въ груди у меня, что какъ бы совершилъ роковое бѣгство. Вотъ, я передъ тобой: Ты жизнь, пусть распорядится мною твое Величество, какъ ему угодно!“

Повелѣно было пройти Дѣтямъ царскимъ, а Его Величество сказалъ Царицѣ: „Вотъ, вернулся Синугить похожимъ на Азійца, какъ Бедуинъ, какимъ онъ сталъ“. Они залились громкимъ смѣхомъ, и Дѣти царскія разсмѣялись всѣ сразу. Они сказали передъ лицомъ Его Величества: „Не онъ это, поистинѣ, Государь, повелитель мой!“ Его Величество сказалъ: „Истинно, онъ это!“ Тогда взяли они трещотки, скипетры и сисстры свои, и вотъ что говорили они передъ Его Величествомъ: «Да будутъ легки обѣ руки твои, о, царь! Да возложить на тебя уборы свои Владычица Неба, да даруетъ богиня золота жизнь ноздрямъ твоимъ, и да соединится съ тобой владычица свѣтилъ, что возлагаетъ на тебя вѣнецъ Юга, нисходя, и вѣнецъ Сѣвера, восходя по теченію, слитые крѣпко устами Величества Твоего, и урей на челѣ твоемъ. Ты устранилъ

зло отъ подданныхъ, ибо Ра благоволилъ къ тебѣ, о, владыка двухъ странъ, и восхваляютъ тебя, какъ восхваляютъ Владычицу всего. Могучъ рогъ твой, стрѣла твоя уничтожаетъ. Даруй, чтобы дышала тотъ, кто пригнетень! Яви намъ милость эту отмѣнную, о которой просимъ тебя, къ этому шейху Сыну сѣвера, Бедуину рожденному въ Томури! Если бѣжалъ онъ, такъ это отъ страха передъ тобой. Не блѣднѣетъ ли лицо того, кто видитъ ликъ твой, и не страшатся ли тѣ глаза, что созерцали тебя?“ Царь сказалъ: „Пусть онъ не боится больше, пусть не испускаетъ крикъ ужаса! Онъ будетъ Другомъ, изъ тѣхъ, что среди засѣдающихъ, и пускай выведутъ его къ людямъ царскаго круга. Ступайте съ нимъ въ Царскіе покои, въ Заль Поклоненія, и укажите ему мѣсто, которое долженъ онъ занимать!“

Когда вышелъ я изъ царскихъ покоевъ, Дѣти царскія подали мнѣ руку, а потомъ направились мы къ Двойнымъ Великимъ Вратамъ. Мнѣ отвели домъ Царскаго Сына, съ его богатствами, съ его заломъ купальнымъ, съ его бесѣдкой, гдѣ бы дышать прохладой, съ его небесными украшеніями и обстановкой, взятой изъ Двойной Бѣлой Палаты, тканями изъ царской уборной, и благовонія изысканныя были въ каждой комнатѣ, изъ предназначенныхъ для царя и сановниковъ, которыхъ онъ любить, и всякаго рода служители, стоящіе къ его услугамъ, были даны мнѣ. Изгналъ я годы изъ членовъ моихъ, я побрился, причесалъ волосы, я оставилъ грязь для чужихъ странъ, и грубая ткани для Номіу-Шайю. Потомъ облекъ себя въ тонкое полотно, умастилъ себя тонкими благовоніями, я легъ въ постель, и предоставилъ песокъ тѣмъ, кто живетъ въ немъ, и деревянное масло тѣмъ, кто натирается имъ, Мнѣ дали домъ, подобающій крупному

владѣльцу, съ саномъ Друга. Много людей работало надъ постройкой его, и заново были сдѣланы всѣ срубы. Изъ дворца доставляли мнѣ лакомства по три, по четыре раза въ день, сверхъ того, что давали мнѣ царскія Дѣти, ни на минуту не переставая. И каменную пирамиду соорудили мнѣ среди погребальныхъ пирамидъ. Начальникъ каменщиковъ Его Величества выбралъ для нея участокъ земли, начальникъ тѣхъ, что съ ожерельями, начертить украшенія въ ней, начальникъ каменотесовъ изваялъ камень, начальникъ работъ на кладбищѣ объѣхалъ землю Египетскую за погребальными принадлежностями. Я доставилъ утварь, самъ дѣлая нужныя размѣщенія въ пирамидѣ, потомъ далъ я земли и учредилъ погребальныя имущества съ землями пригородными, какъ это дѣлаютъ Друзьямъ первой степени. Изваяніе мое покрыто было золотыми пластинками и одеждой изъ золоченаго серебра, и это Его Величество повелѣлъ сдѣлать ее. Это не изъ простонародья челоуѣкъ, кому было столько оказано, и я пребываю въ милости у царя, пока не настанетъ для меня день кончины.

Кончено это отъ начала до конца, какъ это было найдено въ записи.

ЦАРЬ ХУФУИ И КУДЕСНИКИ.

Величество царя двухъ Египтовъ, Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, сказалъ: „Пусть принесутъ Величеству царя Зазири, съ голосомъ вѣрнымъ, жертву изъ тысячи хлѣбовъ, ста кувшиновъ пива, одного быка, двухъ баночекъ ладана, и пусть выдадутъ одну лепешку, одну кружку пива, одну долю мяса, одну баночку ладана для начальника тѣхъ, что со свиткомъ, ибо видѣлъ я свидѣтельство знаній его“. И поступили, какъ повелѣлъ Его Величество.

Тогда всталъ сынъ царскій Хафрїя, чтобы говорить, и сказалъ онъ: „Я дамъ узнать Твоему Величеству чудо, что произошло во времена отца твоего, царя Набки, съ голосомъ вѣрнымъ, когда онъ отправился однажды въ храмъ Фта, владыки Анхутауи.

И вотъ, когда однажды Его Величество шель въ храмъ Фта владыки Анхутауи и когда посѣтилъ Его Величество домъ писца, перваго чтеца Убау-Анира, со свитой своей, увидала жена перваго чтеца Убау-Анира одного данника изъ тѣхъ, что были съ царемъ позади его. Съ того часа, какъ увидала она его, не находила она себѣ больше мѣста нигдѣ. Она послала къ нему служанку свою, что была при ней, дабы сказать ему: „Приди, чтобы провести намъ часть вмѣстѣ. Облекись въ праздничныя одежды свои“.

Она послала ему ящикъ, полный красивыхъ одѣяній, и пришелъ онъ со служанкой къ тому мѣсту, гдѣ она была. И прошли дни послѣ того, была же у перваго чтеца, Убау-Анира, бесѣдка на Озерѣ Убау-Анира, и сказала данникъ женѣ Убау-Анира: „Есть бесѣдка у Озера Убау-Анира. Если угодно тебѣ, проведемъ въ ней часть малый“. Тогда жена Убау-Анира послала сказать управляющему, кому поручень былъ досмотръ за Озеромъ: „Прикажи приготовить бесѣдку, что у Озера“.

Онъ сдѣлалъ, какъ она сказала, и пребывала она тамъ, и пила она тамъ вмѣстѣ съ данникомъ, пока не зашло солнце. Когда же настала вечеръ, онъ вошелъ въ воды Озера искупаться, и служанка была съ нимъ, и узналъ управляющій о томъ, что происходило между данникомъ и женой Убау-Анира. И когда освѣтилась земля, и новый настала день, пошелъ управляющій къ первому чтецу, Убау-Аниру, и рассказалъ онъ ему о томъ, что сдѣлалъ этотъ данникъ съ его женой въ бесѣдкѣ. Когда первый чтець Убау-Аниръ узналъ о всемъ томъ, что происходило въ его бесѣдкѣ, сказалъ онъ управляющему: „Принеси мнѣ мой ларець изъ чернаго дерева, украшеннаго золоченымъ серебромъ, гдѣ лежитъ моя книга заклинаній“. Когда управляющій принесъ ее, онъ вылѣпилъ крокодила изъ воска, длиною въ семь дюймовъ, онъ прочиталъ надъ нимъ вслухъ то, что прочиталъ онъ въ книгѣ своей, онъ сказалъ ему: „Когда придетъ данникъ этотъ купаться въ моемъ Озерѣ, увлеку его тогда на дно“. Онъ далъ управляющему крокодила, и сказалъ онъ ему: „Какъ только данникъ, по ежедневному обыкновению своему, войдетъ въ Озеро, брось туда крокодила изъ воска ему вслѣдъ“. И пошелъ управляющій, и взялъ съ собой крокодила изъ воска. Жена Убау-Анира послала къ управляющему, имѣв-

шему досмотръ за Озеромъ, и сказала она ему: „Вели приготовить бесѣдку, что у Озера, ибо, вотъ, побуду я тамъ“. Бесѣдка была снабжена всѣми вещами благими. Туда пришли и развлекались съ данникомъ. Когда наступила пора вечерняя, данникъ пошелъ, по ежедневному обыкновенію своему, въ воду, а управляющій бросилъ ему вслѣдъ крокодила изъ воска. Крокодилъ превратился въ крокодила длиною въ семь локтей, онъ схватилъ данника, онъ увлекъ его подъ воду. И семь дней проводилъ первый чтець, Убау-Аниръ, при Величествѣ царя Верхняго и Нижняго Египта, Набкой, съ голосомъ вѣрнымъ, между тѣмъ какъ данникъ пребывалъ подъ водой, бездыханный. Но послѣ того какъ истекло семь дней, когда царь Верхняго и Нижняго Египта, Набка, съ голосомъ вѣрнымъ, пошелъ, и направился онъ въ храмъ, первый чтець Убау-Аниръ явился передъ нимъ, и сказалъ онъ ему: „Да будетъ угодно Величеству твоему притти и увидать чудо, что совершилось во времена твоего Величества по случаю одного данника“. И пошелъ Его Величество съ первымъ чтецомъ Убау-Аниромъ. Убау-Аниръ сказалъ крокодилу: „Вынеси данника изъ воды!“ Крокодилъ выплылъ и вынесъ данника изъ воды. Первый чтець, Убау-Аниръ, сказалъ: „Стой!“, и заклилъ онъ его, онъ заставилъ его остановиться передъ царемъ. Тогда Величество царя Верхняго и Нижняго Египта, Набка, съ голосомъ вѣрнымъ, сказалъ: „Сдѣлай милость, ужасенъ этотъ крокодилъ!“ Убау-Аниръ нагнулся, онъ взялъ крокодила, и въ его рукахъ сталъ онъ не болѣе, какъ крокодилъ изъ воска. Первый чтець, Убау-Аниръ, рассказалъ Величеству царя Верхняго и Нижняго Египта, Набкѣ, съ голосомъ вѣрнымъ, что сдѣлалъ въ его домѣ данникъ съ его женой. Его Величество сказалъ крокодилу: „Возьми себѣ то, что твое“.

Крокодилъ нырнулъ на дно озера, и неизвѣстно было больше, что случилось съ данникомъ и съ нимъ. Величество царя Верхняго и Нижняго Египта, Набка, съ голосомъ вѣрнымъ, велѣлъ увести жену Убау-Анира въ сѣверную часть дворца. Ее сожгли, а пепель ея бросили въ рѣку. Вотъ, это и есть чудо, что произошло во времена отца твоего, царя Верхняго и Нижняго Египта, Набки, съ голосомъ вѣрнымъ, чудо изъ тѣхъ, какія совершилъ первый чтець Убау-Аниръ“.

Величество царя Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, сказалъ: „Пусть принесутъ Величеству царя Набки, съ голосомъ вѣрнымъ, жертву изъ тысячи хлѣбовъ, ста кувшиновъ пива, одного быка, двухъ баночекъ ладана, а потомъ пусть выдадутъ одну лепешку, одну кружку пива, одну баночку ладана для перваго чтеца, Убау-Анира, ибо видѣлъ я свидѣтельство знанія его“. И сдѣлали такъ, какъ повелѣлъ Его Величество. Тогда всталъ сынъ царскій Бауфрїя, чтобы говорить, и сказалъ онъ: „Я дамъ узнать твоему Величеству чудо, что произошло во времена отца твоего, Санафруи, съ голосомъ вѣрнымъ, изъ тѣхъ оно, что совершалъ нѣкогда первый чтець, Зазаманху.

Однажды, когда царь Санафруи, съ голосомъ вѣрнымъ, скучалъ, собралъ Его Величество домъ царя,—жизнь, здоровье, сила,—дабы найти что-нибудь, что освѣжило бы сердце его. Но какъ ничего не находили, сказалъ онъ: „Бѣгите, и пусть приведутъ мнѣ перваго чтеца, Зазаманху“, и ему привели его тотчасъ же. Его Величество сказалъ ему: „Зазаманху, братъ мой, я собралъ домъ царя,—жизнь, здоровье, сила,—дабы поискали они что-нибудь, что освѣжило бы сердце мое, но не нашель я ничего“. Зазаманху сказалъ ему: „Да соблаговолить Великочество твое отправиться къ Озеру Фараона, — жизнь,

здоровье, сила, — и да повелить снарядить себѣ лодку, со всѣми красивыми дѣвушками Гарема царскаго. Возрадуется сердце Величества твоего, когда увидишь ты ихъ плавающими туда и сюда. Потомъ, когда наглядишься ты на красивыя заросли Озера твоего, когда насмотришься ты на красивыя поля, что окружаютъ его, и на красивые берега его, тогда возрадуется сердце Величества твоего. Что до меня, вотъ какъ устрою я катаніе. Повели принести мнѣ двадцать веселъ изъ чернаго дерева, украшенныхъ золотомъ, съ лопастями изъ кленоваго дерева, украшенными золоченымъ серебромъ. Пусть приведутъ мнѣ также двадцать женщинъ изъ тѣхъ, чье тѣло красиво, груди красивы, волосы красивы, и что не имѣли еще дѣтей. Потомъ, пусть принесутъ двадцать сѣтокъ и пусть дадутъ ихъ женщинамъ этимъ какъ одѣяніе“. Сдѣлали то, что приказаль Его Величество. Женщины плавали туда и сюда, и радовалось сердце Его Величества, видя ихъ плавающими, какъ вотъ весло одной изъ нихъ задѣло прическу ея, и рыбка ея изъ новаго малахита упала въ воду. Тогда замолчала она, она перестала грести, и подруги ея, что вмѣстѣ съ нею были, замолчали и не гребли больше, и сказалъ Его Величество: „Не гребете больше?“ Онѣ сказали: „Подруга наша замолчала и не гребетъ больше“. Его Величество сказалъ ей: „Что-жь ты не гребешь?“ Она сказала: „Моя рыбка изъ новаго малахита упала въ воду“. Его Величество сказалъ: „Ты только греби, я замѣню ее тебѣ“. Она сказала: „Мою собственную драгоценность хочу я, а не драгоценность похожую“. Тогда сказалъ Его Величество: „Хорошо, пусть приведутъ ко мнѣ перваго чтеца Зазаманху“. Его тотчасъ же привели къ нему, и сказалъ Его Величество: „Зазаманху, братъ мой, я сдѣ-

лалъ, какъ сказалъ ты мнѣ, и освѣжилось сердце Его Величества при видѣ этихъ гребущихъ женщинъ, когда вотъ рыбка изъ новаго малахита одной изъ этихъ юныхъ упала въ воду. Тогда она замолчала и перестала грести, и остановила подругъ своихъ. Я ей сказалъ: „Что жъ ты не гребешь больше?“ Она мнѣ сказала: „Рыбка изъ новаго малахита упала въ воду“. Я ей сказалъ: „Ты только гребь, я замѣню ее тебѣ“. Она мнѣ сказала: „Мою собственную драгоценность хочу я, а не драгоценность похожую“. Тогда прочиталъ вслухъ первый чтецъ, Зазаманху, то, что прочиталъ онъ въ своей книгѣ заклинаній. Онъ снялъ цѣлый пластъ воды и положилъ его на другой. Онъ нашелъ рыбку лежащей на выступѣ, взялъ ее, и подаль обладательницѣ ея. Вода же была глубиною въ двѣнадцать локтей по срединѣ, а теперь, взгроможденная, достигала она двадцати четырехъ локтей. Онъ прочиталъ вслухъ то, что прочиталъ онъ въ своей книгѣ заклинаній, и привелъ воду озера въ прежнее ея положеніе. Итакъ, провелъ Его Величество день счастливый, со всѣмъ домою царя,—жизнь, здоровье, сила,—и наградилъ онъ перваго чтеца, Зазаманху, всякаго рода добрыми вещами. Вотъ чудо, что произошло во времена отца твоего, царя Санафруи, съ голосомъ вѣрнымъ, изъ тѣхъ, какія совершилъ первый чтецъ, Зазаманху, кудесникъ“.

И сказалъ Величество царя Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ: „Пусть принесутъ Величеству царя Санафруи, съ голосомъ вѣрнымъ, жертву изъ тысячи хлѣбовъ, ста кувшиновъ пива, одного быка, двухъ баночекъ ладана, а потомъ пусть выдадутъ одну лепешку, одну кружку пива, одну баночку ладана для перваго чтеца, Зазаманху, кудесника, ибо видѣлъ я свидѣтельство знаній его“. И сдѣлали такъ, какъ повелѣлъ Его Величество.

Тогда всталъ сынъ царя, Дадуфгору, чтобы говорить, и сказалъ онъ: „Доселѣ твое Величество слышалъ повѣсть о чудесахъ, что знали одни только люди былыхъ временъ, но за истинность коихъ поручиться нельзя. Я могу показать твоему Величеству одного колдуна, что живетъ въ твое время, и не знаетъ его Величество твое“. Его Величество сказалъ: „Кто же это такой, Дадуфгору?“ Сынъ царя, Дадуфгору, сказалъ: „Есть данникъ, что зовется Диди, и что обитаетъ въ Дидусанафруи. Этому даннику сто десять лѣтъ, онъ сѣдаетъ еще свои пятьсотъ хлѣбовъ съ цѣлымъ бедромъ быка, и выпиваетъ до сего дня свои сто кружекъ пива. Онъ умѣетъ приставить на мѣсто отрѣзанную голову, онъ умѣетъ заставить льва слѣдовать за нимъ безъ привязи, онъ знаетъ число ларцовъ съ книгами изъ склепа Тота“.

Величество же царя Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, много времени потратилъ на поиски ларцовъ этихъ съ книгами изъ склепа Тота, дабы списать ихъ для Пирамиды своей. Итакъ, сказалъ Его Величество: „Ты самъ, Дадуфгору, сынъ мой, приведи его ко мнѣ“. Снарядили корабли для сына царя, Дадуфгору, и направилъ онъ паруса къ Дидусанафруи. Когда корабли причалили, онъ сошелъ на берегъ и сѣлъ на носилки изъ чернаго дерева, съ поручнями изъ дерева грудного придорожника, украшенными золотомъ. Потомъ, когда прибылъ онъ въ Дидусанафруи, носилки опустили на землю, онъ всталъ, чтобы привѣтствовать кудесника, и увидалъ онъ его лежащимъ на низкомъ ложѣ, у порога дома своего. Одинъ невольникъ у изголовья чесалъ ему голову, а другой растиралъ ему ноги. Царскій сынъ, Дадуфгору, сказалъ ему: „Твое со-

стояніе есть существованіе того, надъ кѣмъ годы не властны. Обычно старость есть прибытіе въ гавань, это положеніе въ повязки, это возвратъ къ землѣ. Но лежать такъ подъ открытымъ небомъ, безъ немощи въ тѣлѣ, безъ одряхлѣнія мудрости или здравомыслія, по-истинѣ, блаженнаго это состояніе! Я прибылъ въ поспѣшности, дабы пригласить тебя, по порученію отца моего, Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ. Ты будешь вкушать отъ лучшаго, что даетъ царь, и изъ припасовъ, кои имѣютъ тѣ, что въ числѣ его слугъ, и, милостью его, въ хорошихъ условіяхъ жизни придешь ты къ отцамъ своимъ, что въ могилѣ“. Сказалъ ему этотъ Диди: „Миръ тебѣ, миръ тебѣ, Дадуфгору, сынъ царскій, возлюбленный отца своего! Да хвалить тебя отецъ твой Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, и да утвердить онъ за тобой мѣсто твое впереди старцевъ! да будетъ дано двойнику твоему одолѣть врага, и душѣ твоей познать пути трудные, что ведутъ къ вратамъ Гобсъ-Баган, ибо если здравомыслящъ кто, такъ это ты, сынъ царя!“ Сынъ царя, Дадуфгору, протянулъ ему обѣ руки, онъ помогъ ему встать, и пока шелъ тотъ съ нимъ въ гавань, онъ держалъ его за руку. Диди сказалъ ему: „Пусть дадутъ мнѣ ладью, дабы привезти мнѣ дѣтей моихъ и книги мои“. Ему дали двѣ ладьи съ ихъ гребцами, самъ же Диди плылъ на томъ кораблѣ, гдѣ былъ сынъ царя, Дадуфгору. И когда прибылъ онъ ко двору, едва вошелъ сынъ царя, Дадуфгору, чтобы сдѣлать докладъ свой Величеству царя двухъ Египтовъ, Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, сказалъ сынъ царя, Дадуфгору: „Государь,—жизнь, здоровье, сила,—владыка мой, привелъ я Диди“. Его Величество сказала: „Скорѣе, приведи его ко мнѣ“, и когда прослѣдовалъ Его Величество въ пріемный залъ Фараона,—жизнь, здоровье, сила,—къ нему привели

Диди. Его Величество сказалъ: „Что же это такое, Диди, что никогда еще не видѣлъ я тебя?“ Диди сказалъ ему: „Кого позовуть, онъ приходитъ. Повелитель, — жизнь, здоровье, сила, — зоветъ меня, я здѣсь, я пришелъ“. Его Величество сказалъ: „Правда ли то, что говорятъ, будто бы ты умѣешь приставить на мѣсто отрѣзанную голову?“ Диди сказалъ ему: „Да, я умѣю это, государь, — жизнь, здоровье, сила, — владыка мой“. Его Величество сказалъ: „Пусть приведутъ мнѣ узника изъ тѣхъ, что въ тюрьмѣ, и чей приговоръ произнесенъ“. Диди сказалъ ему: „Нѣтъ, нѣтъ, не человѣка, государь, — жизнь, здоровье, сила, — владыка мой. Пусть не повелѣваетъ онъ совершать ничего такого надъ благородной породой“. Ему принесли гуся, отрубили ему голову, и положенъ былъ гусь въ правомъ концѣ зала, голова же гуся въ лѣвомъ концѣ зала: Диди прочиталъ вслухъ то, что прочиталъ онъ въ своей книгѣ заклинаній, гусь всталъ на ноги, запрыгалъ, и голова сдѣлала то же. Когда одно соединилось съ другимъ, гусь загоготалъ. Диди велѣлъ принести себѣ пеликана, то-же случилось и съ нимъ. Его Величество повелѣлъ привести ему быка, которому отрубили голову, и она упала на землю: Диди прочиталъ вслухъ то, что прочиталъ онъ въ своей книгѣ заклинаній, быкъ всталъ на ноги позади него, недоуздокъ же его остался на землѣ. Царь Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ, сказалъ: „Что это говорятъ, будто бы вѣдомо тебѣ число ларцовъ съ книгами изъ склепа Тота?“ Диди сказалъ ему: „Прости, если не знаю я числа ихъ, государь, — жизнь, здоровье, сила, — владыка мой, но мнѣ вѣдомо мѣсто, гдѣ они находятся“. Его Величество сказалъ: „Это мѣсто, гдѣ оно?“ Сказалъ ему этотъ Диди: „Есть глыба песчаника въ томъ, что зовутъ Покоемъ списковъ въ Ону, и ларцы съ книгами

Тота — въ глыбѣ“. Царь сказалъ: „Принеси мнѣ ларцы, что въ глыбѣ той“. Диди сказалъ ему: „Государь, — жизнь, здоровье, сила, — владыка мой, вотъ, не я это во-все, кто принесетъ ихъ тебѣ“. Его Величество сказалъ: „Кто же принесетъ ихъ мнѣ?“ Диди сказалъ ему: „Старшій изъ троихъ дѣтей, что въ лонѣ Рудитдидить, онъ принесетъ ихъ тебѣ“. Его Величество сказалъ: „Эге, та, о которой говоришь ты, кто она Рудитдидить?“ Диди сказалъ ему: „Это жена одного жреца Ра, владыки Сахибу. Она беременна тремя дѣтьми отъ Ра, владыки Сахибу, и богъ сказалъ ей, что они выполнять сіе дѣяніе благое въ этой Всей-Землѣ, и что старшій изъ нихъ будетъ великимъ жрецомъ въ Ону“. Его Величество смутился этимъ въ сердцѣ своемъ, но Диди сказалъ ему: „Что за мысли эти, государь, — жизнь, здоровье, сила, — владыка мой? По причинѣ ли это тѣхъ трехъ дѣтей? Я говорю тебѣ: Твой сынъ, его сынъ, и одинъ изъ ея“. Его Величество сказалъ: „Когда родить она, эта Рудитдидить?“ Онъ сказалъ: „Она родить дня 15, мѣсяца Тиби“. Его Величество сказалъ: „Если бы дно канала Двухъ-Рыбъ не пересѣкало пути, я самъ отправился бы взглянуть на храмъ Ра, владыки Сахибу“. Диди сказалъ ему: „Тогда я сдѣлаю, чтобы было четыре локтя воды надъ дномъ канала Двухъ-Рыбъ“. Когда Его Величество отбылъ въ свои покои, сказалъ Его Величество: „Пусть возложить содержаніе Диди на домъ сына царскаго Дадуфгору, дабы жилъ онъ тамъ съ нимъ, и пусть назначать ему въ содержаніе тысячу хлѣбовъ, сто кувшиновъ пива, одного быка, и сто пучковъ мелкаго чесноку“. И сдѣлали все, что приказалъ Его Величество.

И вотъ, случилось въ одинъ изъ сихъ дней, что почувствовала Рудитдидить боли родовыя. Величіе Ра, владыки Сахибу, сказалъ Изидѣ, Нефтисъ, Масхонуйтъ, Гикаитъ, Хнуму: „Эй! бѣгите освободить Рудитдидить отъ трехъ дѣтей ея, что въ лонѣ ея, и что выполнять сіе дѣяніе благое въ этой Всеи-Землѣ, строя вамъ храмы ваши, снабжая приношеніями жертвенники ваши, доставляя возліянія на алтари ваши, умножая вѣчныя владѣнія ваши“. Тогда пошли боги сіи. Богини превратились въ музыкантшъ. Хнуму же былъ при нихъ какъ бы носильщикъ. Онѣ пришли къ дому Раузира, и нашли онѣ его посреди разстилающимъ полотна. Онѣ прошли передъ нимъ съ трещотками и систрами своими, онѣ же сказали имъ: „Госпожи, послушайте, есть здѣсь женщина, что мучится болями родовыми“. Онѣ сказали: „Дозволь намъ взглянуть на нее, ибо, вотъ, искусны мы въ повиваніи“. Онѣ сказали имъ: „Такъ войдите“, и вошли онѣ предъ Рудитдидить, потомъ замкнули онѣ горницу и были съ нею. Тогда Изида стала передъ ней, Нефтисъ позади нея, Гикаитъ облегчала роды. Изида сказала: „О, младенецъ, не будь сильнымъ во чревѣ ея, во имя свое, Узиррафъ, онъ, съ ртомъ сильнымъ!“ Тогда вышелъ сей младенецъ на руки ея, младенецъ въ одинъ локоть длиною, съ костями могучими, съ членами цвѣта золотого, и волосами изъ настоящаго камня лазури. Омыли его богини, онѣ перерѣзали ему пуповину, онѣ положили его на ложе изъ кирпича, потомъ подошла къ нему Масхонуйтъ, и сказала она ему: „Это царь, что облеченъ будетъ достоинствомъ царскимъ въ этой Всеи-Странѣ“. Хнуму вложилъ ему здоровье въ члены. Послѣ того, Изида стала

передъ Рудитдидить, Нефтись позади нея, Гикаить облегчала роды. Изида сказала: „Младенець, не странствуй больше въ чревѣ ея, во имя твое Сагурійя, тотъ, который есть Ра, странствующій въ небѣ“. Тогда вышелъ сей младенець ей на руки, младенець въ одинъ локоть длиною, съ костями могучими, съ членами цвѣта золотого, съ волосами изъ настоящаго камня лазури. Омыли его богини, онѣ перерѣзали ему пуповину, онѣ положили его въ колыбель изъ кирпича, потомъ подошла къ нему Масхонуть, и сказала она: „Это царь, что облеченъ будетъ достоинствомъ царскимъ въ этой Всей-Странѣ“. Хнуму вложилъ ему здоровье въ члены. Послѣ того, Изида стала передъ Рудитдидить, Нефтись стала позади нея, Гикаить облегчала роды. Изида сказала: „Младенець, не оставайся больше въ темнотахъ чрева ея, во имя твое, Какауи, темный“. Тогда вышелъ сей младенець ей на руки, младенець въ одинъ локоть длиною, съ костями могучими, съ членами цвѣта золотого, съ волосами изъ настоящаго камня лазури. Омыли его богини, онѣ перерѣзали ему пуповину, онѣ положили его на ложе изъ кирпича, потомъ подошла къ нему Масхонуть, и сказала она: „Это царь, что облеченъ будетъ достоинствомъ царскимъ въ этой Всей-Странѣ“. Хнуму вложилъ ему здоровье въ члены. Когда вышли боги сіи, освободивъ Рудитдидить отъ трехъ дѣтей ея, сказали они: „Радуйся, Раузирь, ибо вотъ, три младенца родились тебѣ. Онѣ сказалъ имъ: „Госпожи, что сдѣлаю я для васъ? Вотъ, дайте зерно это носильщику вашему, дабы унесли вы его съ собой въ уплату, чтобы наварить бузы!“ И нагрузилъ на себя Хнуму зерно это, а потомъ отбыли онѣ снова къ мѣсту, откуда пришли. Но Изида сказала симъ богамъ: „О чемъ это мы думаемъ, придя къ Раузиру и не

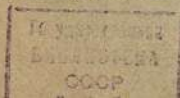
совершая чуда для дѣтей этихъ, коимъ могли бы увѣдомить о событіи—отца ихъ, что послалъ насъ“. Тогда сдѣлали онѣ три вѣнца владыки верховнаго,—жизнь, здоровье, сила,—и положили онѣ ихъ въ зерно. Онѣ низвергли грозу и дождь съ высотъ небесныхъ, онѣ вернулись къ дому, потомъ сказали онѣ: „Сложите зерно это въ опечатанной горницѣ, пока не вернемся мы плясать на Сѣверѣ“. И сложили то зерно въ опечатанной горницѣ.

Рудитдидить очистилась четырнадцатидневнымъ очищеніемъ, потомъ сказала она служанкѣ своей: „Домъ, въ добромъ ли онъ порядкѣ?“ Служанка сказала ей: „Онъ снабженъ всякаго рода вещами благими, однако же горшковъ для бузы, ихъ не принесли.“ Тогда сказала ей Рудитдидить: „Почему не принесли горшковъ?“ Служанка сказала: „Хорошо бы приготовить бузу немедленно, если бы зерно пѣвицъ этихъ не было въ опечатанной горницѣ.“ Тогда сказала ей Рудитдидить: „Спустишь, принеси его намъ. Раузиръ дастъ имъ, вмѣсто него, другое, когда вернутся онѣ.“ Служанка пошла и открыла она горницу. Она услышала голоса, пѣніе, музыку, пляски, пронзительный радостный крикъ, все то, что исполняютъ для царя, въ горницѣ. Она вернулась, она доложила Рудитдидить обо всемъ, что слышала она. Рудитдидить обошла горницу, и совсѣмъ не нашла она мѣста, откуда исходилъ шумъ. Она приложила високъ къ кадкѣ, и нашла она, что шумъ былъ внутри. И поставила она кадку въ деревянный ларь, она наложила другую печать, она покрыла его кожей, она поставила все вмѣстѣ въ горницу, гдѣ стояли сосуды ея, и замкнула она ее печатью своею. Когда Раузиръ вернулся обратно изъ сада, повѣдала ему Рудитдидить обо всемъ происшедшемъ, и возрадовался

онъ на это чрезвычайно, и съѣли они, и провели они день счастливый.

И вотъ, много дней спустя послѣ сего, поссорилась Рудитдидить со служанкой и приказала она наказать ее плетьюми. Служанка сказала людямъ, что были въ домѣ: „Такъ то обращается она со мной, она, что родила трехъ царей? Я пойду и скажу я объ этомъ Величеству царя Хуфуи, съ голосомъ вѣрнымъ.“ И она пошла, и встрѣтила она старшаго брата своего по матери, что вязаль ленъ, который трепали на гумнѣ. Онъ сказалъ ей: „Куда идешь ты, моя красотка?“ И рассказала она ему обо всемъ случившемся. Братъ ея сказалъ ей: „Хорошо дѣлать, что надлежитъ дѣлать. Пришла ко мнѣ, я научу тебя бунтовать.“ Вотъ, взялъ онъ пучекъ льна для нея, и проучилъ онъ ее. Служанка побѣжала зачерпнуть себѣ немного воды, и утащилъ ее крокодилъ. Когда побѣжалъ братъ ея къ Рудитдидить, чтобы сказать ей это, нашель онъ Рудитдидить сидящей. Свѣсивъ голову на колѣни, сидѣла она съ сердцемъ опечаленнымъ превыше всего. Онъ сказалъ ей: „Госпожа, почему сердце твое—такъ?“ Она сказала: „Это по причинѣ той дѣвушки, что была въ домѣ моемъ. Вотъ ушла она, говоря: „Я пойду, и донесу я.“ Онъ простерся ницъ, онъ сказалъ ей: „Госпожа моя, когда пришла она рассказать мнѣ о томъ, что случилось, и когда пожаловалась она мнѣ, вотъ, нанесъ я ей удары жестокіе; тогда пошла она зачерпнуть себѣ немного воды, и унесъ ее крокодилъ.“

Было однажды два брата отъ одной матери и отъ отца одного. Анупу было имя старшаго, младшему же имя было Битіу. Анупу, имѣлъ онъ домъ, жену имѣлъ, но младшій его братъ былъ ему, чѣмъ быть надлежитъ меньшому. Это онъ изготавлялъ ткани, какъ шелъ слѣдомъ за скотиной своей въ поля, это онъ воздѣлывалъ пашни, и это онъ молотилъ, онъ исполнялъ всѣ работы полевья, ибо бра-тишка этотъ меньшей работникомъ былъ превосходнымъ, и не было ему равнаго во Всея-Землѣ, но въ немъ зачатокъ былъ каждаго бога. И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ ходилъ младшій братъ, ходилъ такъ позади быковъ своихъ, по обычаю каждаго своего дня, — онъ приходилъ къ себѣ домой, каждый вечеръ, отягчен-ный всяческими травами полевыми, какъ дѣлають это, когда возвращаются съ полей. Онъ слагалъ ихъ передъ старшимъ своимъ братомъ, который сидѣлъ вмѣстѣ съ женою своей. Онъ пилъ, онъ ѣлъ, онъ спалъ въ загонѣ, со своими быками, каждый день. И когда земля озарялась и новый ужь былъ день, едва испечены были хлѣбы, раскладывалъ онъ ихъ передъ своимъ старшимъ братомъ, и тотъ выдавалъ ему хлѣбы въ поля. Онъ погонялъ своихъ быковъ, дабы напитать ихъ въ поляхъ, и межъ тѣмъ какъ

онъ шель за своими быками, они ему говорили: „Трава, хороша она въ томъ вонъ мѣстѣ“. А онъ, слушалъ онъ все, что они говорили, онъ приводилъ ихъ къ доброму пастбищу, котораго желали они. Они же, быки, съ нимъ пребывавшіе, становились они красивыми, очень, очень, множили они плодовитость свою, очень, очень.

И однажды, въ пору воздѣлыванія земли, старшій братъ сказалъ ему: „Приготовимъ нашу упряжь, чтобы приняться пахать, ибо выступила земля изъ воды, и хороша она для обрабатыванія. Ты, потому, уходи ты въ поле съ сѣменами, ибо мы начнемъ пахать завтра съ утра“. Такъ онъ ему сказалъ. Младшій братъ исполнилъ всѣ дѣла, какъ наказалъ ему сдѣлать ихъ братъ его старшій. Когда земля озарилась и другой ужь былъ день, снарядившись, пошли они въ поля, чтобы воздѣлывать землю, и сердце ихъ веселилось, очень, очень, на эту работу, и не покладая рукъ трудились они.

И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ, когда они были въ поляхъ и мотыками взрывали землю, братъ старшій поторопилъ своего младшаго брата, сказавъ: „Сбѣгай, принеси намъ сѣмянъ изъ деревни“. Младшій братъ засталъ жену своего старшаго брата, когда заняты были ея прической. Онъ сказалъ ей: „Встань! Дай мнѣ сѣмянъ, чтобы бѣжалъ я скорѣе въ поля, ибо мой старшій братъ сказалъ, посылая меня: „Безъ проволочки!“ Она сказала ему: „Поди, самъ открой корецъ, и возьми, что тебѣ угодно, а то боюсь, какъ бы прическа моя не распалась, если я пойду туда“. Малый, вошелъ онъ въ загонъ свой, взялъ большой жбанъ, ибо намѣреніе его было захватить много зерна, наполнилъ его пшеницей и ячменемъ, и вышелъ отягченный ношею. Она сказала ему: „Сколь велико есть количество, что на плечѣ твоемъ?“

Онъ сказалъ ей: „Ячменя три мѣры, пшеницы двѣ мѣры, всего пять мѣръ, вотъ все, что на плечѣ моемъ“. Такъ ей сказалъ онъ, но она, обратилась она къ нему, говоря: „Велика удалъ твоя, и примѣчаю я мощь твою каждый день!“ И сердце ея облюбовало его, какъ облюбовываютъ юношу. Она встала, она схватила его, она сказала ему: „Пойдемъ, отдохнемъ вмѣстѣ, часъ одинъ! Если ты даруешь мнѣ это, завѣряю, я сдѣлаю тебѣ два красивыхъ одѣянія“. Леопардомъ Юга разъяреннымъ сталъ вдругъ юноша, по причинѣ непристойныхъ ея предложеній, что произнесла она ему, и она испугалась, очень, очень. Онъ обратилъ къ ней слово, и сказалъ: „Но, поистинѣ, ты же для меня какъ мать, но твой супругъ, онъ для меня какъ отецъ, но онъ, что старшій мой есть, это онъ даетъ мнѣ насущное. А! тотъ великій ужасъ, что ты сказала, да не будетъ онъ мнѣ сказанъ вновь, а я, я не скажу его кому бы то ни было, и я не допущу его соскользнуть съ моихъ устъ, ни передъ кѣмъ“. Онъ поднялъ свою ношу, онъ ушелъ въ поля. Когда онъ вернулся къ своему старшему брату, они принялись работать свою работу.

И послѣ этого къ вечеру, между тѣмъ какъ старшій братъ возвращался домой, а младшій шелъ вослѣдъ скотинѣ своей, отягченный всяческими полевыми орудіями, и когда вель онъ передъ собой скотину свою, провожая ее спать въ загонъ на деревнѣ, жена старшаго брата боязнь возымѣла изъ-за предложеній, которыя она сдѣлала, взяла она жиру, тряпку, и стала она точно исполосованная ударами злодѣя какого, чтобы сказать своему мужу: „Это братъ твой младшій избилъ меня такъ“. И когда ея мужъ вернулся вечеромъ, по обычаю каждаго своего дня, войдя въ свой домъ, онъ нашелъ жену лежащей и стонущей какъ отъ насилія. Она не слила ему

воды на руки, по привычкѣ каждаго своего дня, не зажгла ему свѣтъ, но домъ его объять былъ мракомъ, и она лежала, всхлипывая.

Мужъ ея сказалъ ей: „Кто же говорилъ съ тобой?“ И вотъ она отвѣтила: „Иной никто не говорилъ со мной, лишь братъ твой младшій. Когда онъ пришелъ за зерномъ для тебя, найдя меня сидящей совсѣмъ одну, онъ сказалъ мнѣ: „Пойдемъ, отдохнемъ вмѣстѣ, часъ одинъ. Надѣнь твои нарядныя одежды“. Такъ говорилъ онъ мнѣ, я же, не слушала я его вовсе: „Развѣ не какъ мать я тебѣ, и старшій твой братъ, развѣ онъ тебѣ не какъ отецъ?“ Такъ ему я сказала. Онъ устранился, и онъ покрылъ меня побоями, дабы я не донесла тебѣ. И допустишь если ты, чтобы жилъ онъ, я убью себя. Ибо, смотри, когда придетъ онъ, вечеромъ, такъ какъ я пожаловалась тебѣ на его низкія рѣчи, что сдѣлаеть онъ—явно“.

Леопардомъ Юга сталъ тогда старшій братъ. Онъ наточилъ свой ножъ, онъ вложилъ его въ руку свою. Стережетъ старшій за дверью загона, чтобы убить своего младшаго брата, когда тотъ придетъ, вечеромъ, впустить свою скотину въ загонъ. И когда солнце зашло, и младшій братъ отягченный всяческими травами полевыми, по обычаю каждаго своего дня, подошелъ, передняя корова, у входа въ загонъ, сказала своему пастуху: „Вотъ, старшій братъ твой стережетъ тебя, съ ножомъ, чтобы тебя убить! Спасайся отъ него!“ Едва услышалъ онъ, что говоритъ ему передняя корова, вторая, входя, сказала ему то же. Онъ заглянулъ подъ дверку загона, онъ замѣтилъ ступни своего старшаго брата, который сторожилъ за дверью, съ ножомъ въ рукѣ, онъ положилъ свою ношу на землю, и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать,

а старшій братъ устремился за нимъ въ погоню, съ ножомъ своимъ. Младшій братъ воскликнулъ къ Ра-Гармахису: „Благой мой Владыка, ты отличаешь неправеднаго отъ праведнаго!“ И услышалъ эти сѣтованія Ра-Гармахисъ, и повелѣлъ явиться безмѣрной водѣ между нимъ и его старшимъ братомъ, и вода была полна крокодилами, и одинъ братъ очутился на одномъ берегу, и другой — на другомъ, и старшій братъ дважды взмахнулъ рукой, чтобы ударить младшаго, но онъ не убилъ его. Вотъ что онъ сдѣлалъ. Младшій братъ окликнулъ его съ берега, говоря: „Оставайся тамъ до Зари. Когда кругъ Солнца поднимется, предъ нимъ да будетъ наша тяжба, да возстановлю я истину, ибо я не буду съ тобою болѣе никогда, я не буду больше въ краяхъ, гдѣ пребудешь ты. Я уйду въ Долину Акаціи!“

Когда озарилась Земля, и новый ужъ былъ день, и Ра-Гармахисъ вознесся, каждый изъ нихъ увидѣлъ другого. Юноша обратился со словомъ къ своему старшему брату, говоря: „Зачѣмъ крадешься ты за мной, чтобы убить меня врасплохъ, не услышавъ, что имѣлъ сказать тебѣ ротъ мой? Но я, воистину я братъ твой младшій! Но ты, развѣ ты для меня не какъ отецъ? Но супруга твоя, развѣ для меня не какъ мать? И вотъ, когда послалъ ты меня, чтобы принести намъ сѣмянъ, жена твоя сказала мнѣ: „Пойдемъ, отдохнемъ часъ одинъ, полежимъ вмѣстѣ“, и вотъ это было извращено тебѣ въ иное“. И онъ повѣдалъ ему все, что произошло между нимъ и его женой. Онъ поклялся Ра-Гармахисомъ, говоря: „Ты, который крадешься за мной, чтобы убить меня, съ твоимъ ножомъ въ рукѣ предательски, какой позоръ!“ Онъ взялъ кривой ножъ, которымъ срѣзалъ тростники, и онъ отсѣкъ себѣ свой членъ, и онъ бросилъ его въ воду, гдѣ

рыба Сомъ-дрожащій его пожрала, онъ ослабѣлъ, онъ впалъ въ безчувствіе. Старшій братъ проклялъ за это свое сердце, очень, очень, и онъ остался тамъ и плакалъ по немъ, онъ устремился впередъ, но не смогъ достигнуть берега, гдѣ былъ младшій его братъ, по причинѣ крокодиловъ. Младшій братъ его окликнулъ его, говоря: „А! какъ могъ ты подумать о такомъ дѣяніи зломъ, и ты не помыслилъ ни объ единомъ дѣяніи добромъ, ни даже о малой вещи какой-нибудь, которую сдѣлалъ я для тебя. А! иди къ себѣ домой, стереги самъ скотину свою, ибо я не буду болѣе жить въ этомъ мѣстѣ, гдѣ ты, я уйду въ Долину Акаціи. Однако же, вотъ что свершишь ты для меня, когда ты примешь попеченіе обо мнѣ, ибо, узнай, событія ко мнѣ грядутъ. Чародѣйствомъ я исторгну свое сердце, дабы возложить его на вершинѣ цвѣтка Акаціи. И когда срѣжутъ Акацію, и сердце мое упадетъ на землю, ты придешь его искать. Когда бы провель ты семь лѣтъ, ища его, не уклоняйся, но разъ найдешь,—положи его въ чашу со свѣжей водой, воистину, я снова оживу, я воздамъ за зло, которое свершатъ. И ты узнаешь, что со мной случилось что-то, когда подадутъ тебѣ кружку съ пивомъ, и оно выброситъ пѣну, и тебѣ подадутъ другую съ виномъ, и оно замутится. Поистинѣ, не медли, когда это съ тобой случится“. Онъ ушелъ въ Долину Акаціи, а его старшій братъ вернулся домой, держа свою руку на головѣ своей, весь загрязненный дорожной пылью. Когда онъ пришелъ въ свой домъ, онъ убилъ свою жену, онъ бросилъ ее собакамъ, и онъ пребылъ въ траурѣ по своемъ младшемъ братѣ.

И ужъ много дней прошло съ тѣхъ поръ, младшій братъ былъ въ Долинѣ Акаціи, и съ нимъ никого, проводилъ онъ день свой въ охотѣ на дикихъ звѣрей пу-

стыни, а ночью приходилъ подъ Акацію, на вершинѣ цвѣтка которой покоилось его сердце. И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, выстроилъ онъ себѣ, собственноручно, въ Долинѣ Акаціи, усадьбу, наполненную всякой вещью доброй, чтобы завести себѣ домъ. Когда выходилъ онъ однажды изъ своей усадьбы, повстрѣчалъ онъ Девятибожіе, они шли установить порядокъ во Всей-Землѣ. Девятибожіе возговорило къ нему вмѣстѣ, и сказало ему: „А! Битіу, быкъ Девятибожія, не одинъ ли ты, ибо ты покинулъ свой край изъ-за супруги Анупу, твоего старшаго брата? Вотъ, жена его убита, и ты воздалъ ей все, что свершила она злого противъ тебя“. Сердце ихъ томилось о немъ, очень, очень, и Ра-Гармахисъ сказалъ Хнуму, Лѣпщику образовъ: „О! сотвори жену для Битіу. Да не останешься ты одинокимъ“. Хнумъ сотворилъ ему подругу, чтобы жила она съ нимъ. Красива она была членами своими, красивѣе любой женщины Всей-Земли, ибо зерно было въ ней каждаго бога. Семь Гаторъ пришли узрѣть ее, и прорекли онѣ единогласно: „Да умреть она смертию отъ меча!“ Возжелалъ ее Битіу, очень, очень. Такъ какъ оставалась она въ домѣ, тѣмъ временемъ, какъ онъ проводилъ день въ охотѣ на звѣрей пустыни, чтобы сложить ихъ передъ нею, онъ сказалъ ей: „Не выходи наружу, а то боюсь, что потокъ рѣки захватитъ тебя. Не освободиться тебѣ отъ него, ибо ты всего лишь женщина. Что до меня, мое сердце покоится на вершинѣ цвѣта Акаціи, и если другой кто найдетъ его, миѣ нужно будетъ биться съ нимъ“. Онъ открылъ ей сердце свое во всемъ его ликѣ.

И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ отправился Битіу на охоту, по обычаю каждаго своего дня, а молодая вышла пройтись подъ Акаціей, что была

возлѣ дома, вдругъ увидѣла она потокъ, который устремлялъ свои волны къ ней, она пустилась бѣжать отъ него, она вошла въ свой домъ. Потокъ воскликнулъ къ Акаціи, говоря: „Да овладѣю я ей!“ И Акація вручила ему прядь ея волосъ. Рѣка отнесла ее въ Египетъ, она забросила ее въ жолобъ прачешниковъ Фараона,—жизнь, здоровье, сила. Запахъ локона передался бѣлью Фараона. Попрекнули прачешниковъ Фараона, говоря: „Запахъ умощенія отъ бѣлья Фараона,—жизнь, здоровье, сила“. Стали бранить ихъ каждый день, такъ что они не вѣдали болѣе, что они дѣлали, и управитель прачешниковъ Фараона пришелъ къ жолобу, ибо сердце его утомилось, очень, очень, на попреки, что дѣлали имъ всякій день. Онъ оставился, онъ стоялъ у жолоба, какъ разъ передъ локономъ, который былъ въ водѣ. Онъ велѣлъ спуститься туда кому-то, и ему принесли локонъ, и онъ нашель, что отъ локона пахло хорошо, очень, очень, и онъ отнесъ его Фараону,—жизнь, здоровье, сила. Привели писцовъ-чародѣевъ Фараона. Они сказали Фараону,—жизнь, здоровье, сила: „Этотъ локонъ принадлежитъ дочери Ра-Гармахиса, которая имѣетъ въ себѣ сущность всѣхъ боговъ, и это какъ бы дарственное приношеніе тебѣ изъ нѣкоего края чужеземнаго. Да повелишь юнцамъ идти по всѣмъ чужеземнымъ краямъ, дабы привести эту дѣвушку. И съ гонцомъ, что пойдетъ въ Долину Акаціи, да повелишь многимъ мужамъ идти съ нимъ, чтобы привести ее“. Вотъ, Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—говоритъ: „Превосходно это, превосходно то, что сказали мы“. И посланы были гонцы.

И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, люди ушедшіе въ чужеземный Край вернулись отчетъ дать Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила,—но они не вернулись,

тѣ, что ушли въ Долину Акаціи: Битіу убилъ ихъ, одного только оставилъ изъ нихъ, чтобы оповѣстить Его Величество,—жизнь, здоровье, сила. Мужей многихъ снарядилъ Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—и стрѣлковъ, и колесничихъ, чтобы привести высокородную. Женщина одна была съ ними, которая красивѣйшіе головные уборы вручила ей. Женщина эта прибыла съ нею въ Египеть, и ликовали на нее по Всей-Землѣ. Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—возлюбилъ ее, очень, очень, столь даже, что почтили Они ее какъ Главную Возлюбленную. Говорили Они съ ней, побуждая ее сказать о мужѣ своемъ, и она сказала Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила: „Да срѣжутъ Акацію и да истребятъ ее!“ Посланы были мужи и стрѣлки, съ ихъ орудіями, чтобы срѣзать Акацію. Они достигли Акаціи, они срѣзали цвѣтокъ, на которомъ было сердце Битіу, и Битіу палъ мертвый въ часъ этотъ злой.

А когда земля озарилась, и новый ужь былъ день, послѣ того какъ Акація была срѣзана, когда Анупу, старшій братъ Битіу, вошелъ въ свой домъ, и сѣлъ, омывъ свои руки, подали ему кружку съ пивомъ, и она выбросила пѣну, подали ему другую съ виномъ, и оно помутилось отстоємъ. Онъ схватилъ свой посохъ и сандаліи, одежду также съ оружіемъ, онъ направился въ Долину Акаціи, онъ вошелъ въ домъ своего брата, и онъ нашелъ своего младшаго брата, лежащимъ на низкой постели, мертвого. Онъ заплакалъ, когда увидѣлъ, что меньшей его братъ мертвый воистину. Онъ ушелъ, дабы искать сердце своего младшаго брата подъ Акаціей, въ сѣни которой меньшей его братъ спалъ по вечерамъ. Три года провелъ онъ, отыскивая его и не находя его. И ужь начался четвертый годъ, когда, сердцемъ желая вернуться

въ Египеть, онъ сказалъ: „Я пойду завтра“. Такъ сказалъ онъ въ сердцѣ своемъ. И когда земля озарилась, и новый ужь былъ день, онъ пошелъ подь Акацію, и цѣлый день онъ провелъ въ поискахъ, когда же вечеромъ онъ возвращался, нашель онъ зерно, онъ вернулся съ нимъ, и вотъ, это было сердце младшаго его брата. Онъ принесъ чашу со свѣжей водой, онъ опустилъ его туда, онъ сѣлъ по привычкѣ каждаго своего дня. И когда ночь наступила, впитало въ себя воду сердце, и Битіу содрогнулся всѣми членами своими, и пристально сталъ смотрѣть онъ на своего старшаго брата, сердце его было въ чашѣ. Анупу, старшій братъ, схватилъ чашу со свѣжей водой, гдѣ было сердце его брата младшаго. Тотъ выпилъ ее и сердце его было на мѣстѣ, а онъ сталъ, какъ былъ прежде. Каждый обнялъ другого, каждый заговорилъ съ сотоварищемъ своимъ. Битіу сказалъ старшему своему брату: „Вотъ я оборочусь быкомъ съ шерстью превосходной, и котораго не узнають природы. А ты, какъ Солнце взойдетъ, ты сядешь на мою спину, и когда мы достигнемъ мѣста, гдѣ жена моя, я держать буду отвѣты. Ты, посему, направляй меня къ мѣсту, гдѣ пребываютъ Они, и доставятъ тебѣ всѣ блага, и надѣлятъ тебя серебромъ и златомъ за то, что привелъ ты меня къ Фараону, — жизнь, здоровье, сила, — ибо чудомъ великимъ я буду, и ликовать будутъ по Всей-Землѣ, потомъ ты уйдешь въ твое селеніе“. И когда Земля озарилась, и новый ужь былъ день, Битіу принялъ обликъ, о которомъ говорилъ онъ старшему брату. Анупу, его старшій братъ, сѣлъ на спину его, на зарѣ, и онъ достигъ мѣста, гдѣ пребывали Они. Оповѣстили о томъ Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — онъ посмотрѣлъ на него, онъ возвеселился, очень, очень, онъ устроилъ ему празднество, говоря:

„Великое это чудо свершается!“ И ликование было во Всеи-Землѣ. Серебромъ и золотомъ одѣлили Они старшаго брата, и онъ поселился въ своемъ селеніи. Даровали ему многочисленную челядь, весьма многочисленную, ибо Фараонъ, — жизнь, здоровье, сила, — полюбилъ его, очень, очень, болѣе, чѣмъ какого-либо человѣка во Всеи-Землѣ.

И ужъ много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ, вошелъ быкъ въ женскіе покои, и остановился онъ у мѣста, гдѣ была возлюбленная, и обратился онъ къ ней словомъ, говоря: „Я, видишь, все-таки живу я“. Она сказала ему: „Ты, кто же ты такой?“ Онъ сказалъ ей: „Я, Битіу я. Знала ты вѣдь, когда повелѣвала срубить Акацію, черезъ Фараона, — жизнь, здоровье, сила, — что это повергнетъ меня въ бѣду такую, что не смогу болѣе жить, но видишь, я, все-таки живу я, я быкъ“. Возлюбленная устрашилась, очень, очень, словами, которыя сказалъ ей мужъ ея. Онъ вышелъ изъ женскаго покоя, а Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — пришелъ провести счастливый день съ нею, она присутствовала за столомъ Его Величества, — жизнь, здоровье, сила, — и Они были благосклонны съ ней очень, очень. Она сказала Его Величеству: „Клянись мнѣ Богомъ, сказавъ: Что скажешь мнѣ ты, выслушаю я для тебя“. Онъ выслушалъ все, что она говорила ему: „Да будетъ дано мнѣ съѣсть печень этого быка, ибо онъ не совершитъ ничего достойнаго“. Такъ сказала она ему. Огорчились Они, очень, очень, и сердце Фараона болѣло о томъ, очень, очень. Когда же земля озарилась, и новый ужъ былъ день, приглашенъ былъ великій праздникъ приношеній въ честь быка, и посланъ былъ одинъ изъ главныхъ мясниковъ Его Величества дабы зарѣзать быка. Но вотъ, какъ его зарѣзали, межъ тѣмъ какъ онъ еще отбивался отъ людей,

онъ тряхнулъ своей шеей, онъ уронилъ двѣ капли крови у двойного крыльца Его Величества,—жизнь, здоровье, сила. Одна изъ нихъ упала по одну сторону великихъ вратъ Фараона, другая—по сторону другую, и онѣ выросли въ двѣ высокія персеи, и каждая была во всей красѣ. Пошли сказать Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила: „Двѣ высокія персеи, чудомъ великимъ, выросли этой ночью у главныхъ вратъ Его Величества,—жизнь, здоровье, сила“,—и радовались на нихъ во Всей-Землѣ, и сдѣлали Они имъ приношенія.

И ужъ много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—облачился въ корону изъ камня лазури, шею обвилъ гирляндами изъ различныхъ цвѣтовъ, взошелъ онъ на свою колесницу среброзлатую, онъ выѣхалъ изъ царскаго дворца, чтобы увидѣть персеи. Возлюбленная выѣхала на парной колесницѣ, вослѣдъ Фараону,—жизнь, здоровье, сила. Потомъ Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—сѣлъ подъ одной изъ персей, возлюбленная сѣла подъ другой персеей. Когда сѣла она, дерево сказало своей женѣ: „А! вѣроломная! я Битіу, и я живу, поруганный тобой. Ты очень знала, что понудить Фараона,—жизнь, здоровье, сила,—срѣзать Акацію, это ввергнуть меня въ бѣду, я сдѣлался быкомъ, и ты повелѣла убить меня“.

И ужъ много дней прошло съ тѣхъ поръ, какъ вотъ была возлюбленная за столомъ Его Величества,—жизнь, здоровье, сила,—и Они были добры къ ней, она сказала Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила: „Богомъ присягни мнѣ, сказавъ: Что скажетъ мнѣ возлюбленная, услышу это для нея. Говори!“ Онъ выслушалъ все, что она говорила. Она сказала: „Прикажи срубить тѣ двѣ персеи, и пусть сдѣлаютъ изъ нихъ хорошіе ларцы!“ Онъ вы-

слушалъ все, что она сказала. И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,— послалъ искусныхъ плотниковъ, срубили персенъ Фараона,— жизнь, здоровье, сила,— и присутствовала тамъ, созерцая, царственная супруга, возлюбленная. Стружка одна отлетѣла въ ротъ возлюбленной, и замѣтила она, что зачала. Обтесали бревна, и сдѣлали изъ нихъ все, что желалось ей.

И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, родила она на свѣтъ ребенка пола мужскаго, и пошли сказать Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила: „Рожденъ тебѣ ребенокъ пола мужскаго“. Принесли его, и дали ему кормилицъ и колыбельницъ. Ликованіе было по Всей-Землѣ. Стали готовить день празднества, начали пребывать въ его имени. Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,— полюбилъ его, очень, очень, тотчасъ же и нарекъ его царственнымъ сыномъ Каушу. И ужь много дней прошло съ тѣхъ поръ, и многіе годы провелъ онъ царственнымъ наслѣдникомъ, когда Его Величество,— жизнь, здоровье, сила,— отлетѣлъ къ Небесамъ. Сказали Они: „Да приведутъ ко мнѣ всѣхъ вышихъ сановниковъ Его Величества,— жизнь, здоровье, сила,— да повѣдаю я имъ все, что касается особы моей“. Привели ему жену его, онъ изложилъ имъ тяжбу свою съ ней, и исполнили они приговоръ его. Привели старшаго его брата, и онъ сдѣлалъ его царственнымъ наслѣдникомъ Всей-Земли. Онъ былъ двадцать лѣтъ владыкой Египта, потомъ онъ ушелъ изъ жизни, и его старшій братъ былъ на его мѣстѣ въ день погребенія.

Съ миромъ окончена эта записъ, за двойника писца-казнохранителя Кагабу, казны Фараона,— жизнь, здоровье, сила,— писца Гарауи, писца Майяэмапита, записаль ее писецъ Энна, владыка этой записи. Записи этой противъ кто молвить, врагъ ему да будетъ богъ Тотъ.

Жиль однажды въ землѣ Египетской нѣкій начальникъ пѣхоты, Тутти было имя его. Онъ сопровождалъ царя Манахпирію,—жизнь, здоровье, сила,—во всѣхъ его походахъ въ страны Юга и Сѣвера, онъ сражался во главѣ воиновъ своихъ, и всѣ военныя хитрости зналъ онъ, и ежедневно получалъ золото за храбрость, ибо превосходный это былъ начальникъ пѣхоты, и не было ему равнаго во Всей-Землѣ. Вотъ что дѣлалъ онъ.

И много дней спустя послѣ того явился вѣстникъ изъ страны Хару, и привели его передъ лицо Его Величества,—жизнь, здоровье, сила,—и сказалъ ему Его Величество: „Кто послалъ тебя къ моему Величеству? По какой причинѣ пустился ты въ путь?“ Вѣстникъ отвѣтилъ Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила: „Это управитель страны Сѣвера послалъ меня къ тебѣ, говоря: „Побѣжденный Юпу взбунтовался противъ Его Величества,—жизнь, здоровье, сила,—и умертвилъ пѣхотинцевъ Его Величества — жизнь, здоровье, сила,—а также и колесничихъ его, и никто не можетъ устоять передъ нимъ“.

Когда царь Манахпирія, — жизнь, здоровье, сила, — услышалъ всѣ эти слова, что сказалъ ему вѣстникъ, пришелъ онъ въ ярость, какъ леопардъ Юга. „Клянусь жизнью

своею, благословеніемъ Ра, любовью ко мнѣ отца моего Амона, я разрушу городъ побѣжденнаго Юпу, я дамъ ему почувствовать тяжесть руки моей“. Онъ созвалъ сановниковъ, военачальниковъ, а также писцовъ-кудесниковъ, и повторилъ имъ извѣщеніе, что послалъ ему управитель страны Сѣвера. Вотъ, смолкли они единоустно, и не нашли, что отвѣтить ни хорошаго, ни плохого. И тутъ сказалъ Тутіи Его Величеству, — жизнь, здоровье, сила: „О, ты, кому Вся-Земля воздастъ почитаніе, повели дать мнѣ великую трость царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — чье имя Тіуть-нофритъ. Повели еще дать мнѣ пѣхотинцевъ Его Величества, — жизнь, здоровье, сила, — а также колесничихъ изъ цвѣта смѣлыхъ страны Египетской, и я убью побѣжденнаго Юпу, я возьму городъ его“. Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — сказалъ: „Превосходно это, превосходно, что сказали мы“. И дали ему великую трость царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — и пѣхотинцевъ дали ему, а также колесничихъ, о которыхъ просилъ онъ.

И много дней спустя послѣ того прибылъ Тутіи въ страну Хару съ людьми своими. Онъ велѣлъ изготовить большой мѣшокъ изъ кожъ, куда бы можно спрятать человѣка, онъ велѣлъ выковать ручныя и ножныя кандалы, онъ велѣлъ сдѣлать пару большихъ оковъ по четыре звена, и много путь и деревянныхъ колодокъ для шеи, и четыреста большихъ кувшиновъ. Когда все было готово, онъ послалъ сказать побѣжденному Юпу: „Я Тутіи, начальникъ пѣхоты страны Египетской, и сопровождалъ Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — во всѣхъ его походахъ въ страны Сѣвера и въ страны Юга. И вотъ, позавидовалъ мнѣ тогда царь Манахпирія, — жизнь, здоровье, сила, — ибо смѣлъ я быть, и захотѣлъ

2018814357

онъ убить меня. Но я спасся отъ него, захвативъ съ собою великую трость царя Манахпирійи, — жизнь, здоровье, сила, — и укрылъ ее въ длинной корзинѣ для корма коней моихъ, и если ты хочешь, я дамъ ее тебѣ и останусь съ тобою, я и люди, что при мнѣ, изъ цвѣта смѣлыхъ войска Египетскаго“. Когда услыхалъ его побѣжденный Юпу, возрадовался онъ на слова, что сказалъ Тутіи, очень, очень, ибо зналъ онъ, что смѣлымъ быть Тутіи, и не было ему равнаго во Всеи-Землѣ. Послалъ онъ къ Тутіи, говоря: „Приди ко мнѣ, и буду я братомъ тебѣ, и дамъ тебѣ землю, выбранную изъ лучшихъ въ странѣ Юпу“.

Побѣжденный Юпу вышелъ изъ города своего съ оруженосцемъ своимъ и съ женами и дѣтьми города своего, и отправился навстрѣчу Тутіи. Онъ протянулъ ему руку и обнялъ его, и повелъ въ свой станъ. Но не впустилъ туда спутниковъ Тутіи и коней его. Онъ далъ ему хлѣба, ѣлъ и пилъ вмѣстѣ съ нимъ. Онъ сказалъ ему, какъ бы между прочимъ: „А какова изъ себя великая трость царя Манахпирійи?“ Тутіи же, прежде чѣмъ идти въ станъ города Юпу, захватилъ великую трость царя Манахпирійи, — жизнь, здоровье, сила: онъ спряталъ ее въ лошадиный кормъ, а кормъ положилъ въ длинныя корзины, размѣстивъ ихъ, какъ принято размѣщать корзины съ кормомъ на подводахъ Египетскихъ. И вотъ, пока пилъ побѣжденный Юпу вмѣстѣ съ Тутіи, бывшіе при немъ люди вели бесѣды съ пѣхотинцами Фараона, — жизнь, здоровье, сила, — и пили они съ ними. И когда провели они въ питіи свой часъ, сказалъ Тутіи побѣжденному Юпу: „Пожалуйста! пока побуду я съ женами и дѣтьми города твоего, пусть войдутъ спутники мои съ конями, чтобы дать имъ мѣсиво, или пусть одинъ изъ Апуру сбѣгаетъ

туда, гдѣ они находятся!“ Ихъ ввели, лошадей стреножили, дали имъ мѣсиво, нашли великую трость царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — пошли доложить Тутіи.

И сказала тогда къ Тутіи побѣжденный Юпу: „Хочется мнѣ взглянуть на великую трость царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — чье имя есть Тіуть-нофритъ. Именемъ двойника царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — такъ какъ съ тобой она сегодня, эта великая трость превосходная, принеси ее мнѣ“. Тутіи поступилъ, какъ было ему сказано. Онъ принесъ трость царя Манахпиріи, жизнь, здоровье, сила. Онъ схватилъ побѣжденнаго Юпу за одежду его, и всталъ во весь свой ростъ, говоря: „Взгляни-ка, о, побѣжденный Юпу, вотъ великая трость царя Манахпиріи, — жизнь, здоровье, сила, — льва грознаго, сына Сохитъ, кому Амонъ, отецъ его, даетъ силу и могущество!“ Онъ занесъ руку, ударилъ побѣжденнаго Юпу въ високъ, и тотъ рухнулъ передъ нимъ замертво. Онъ положилъ его въ большой мѣшокъ, изготовленный изъ кожъ. Онъ перехваталъ людей, бывшихъ съ нимъ, велѣлъ принести пару наручней, которые заготовилъ, стянулъ ими руки побѣжденнаго Юпу, и на ноги наложилъ ему пару оковъ изъ четырехъ звеньевъ. Онъ повелѣлъ принести четыреста кувшиновъ, которые заготовилъ, помѣстилъ въ нихъ двѣсти воиновъ; потомъ наполнили внутренность остальныхъ трехсотъ веревками и деревянными колодками, запечатали ихъ печатью, покрыли парусиновыми чехлами и приспособленіемъ изъ веревокъ, чтобы нести, взвалили на соотвѣтствующее число сильныхъ воиновъ, всего пятьсотъ человѣкъ, и сказали имъ: „Когда войдете въ городъ, откройте кувшины съ вашими товарищами. Вы захватите всѣхъ жителей, какіе найдутся

въ городѣ, и немедленно свяжете ихъ“. Вышли сказать оруженосцу побѣжденнаго Юпу: „Государь твой палъ! Пойди, скажи государынѣ твоей: „Радуйся! ибо выдалъ намъ Сутеху Тутіи съ женой и дѣтьми его“. Вотъ, утали, подъ видомъ захваченной съ ними добычи, двѣсти кувшиновъ съ людьми, деревянными колодками и кандалами“.

Оруженосецъ отправился во главѣ людей тѣхъ порадовать сердце своей повелительницы, говоря: „Мы хозеява Тутіи“. Отомкнули городскіе запоры, чтобы пропустить носильщиковъ. Они вошли въ городъ, открыли кувшины съ ихъ товарищами, завладѣли всѣмъ городомъ, отъ мала до велика, надѣли оковы и колодки на жителей его. Когда войско Фараона, — жизнь, здоровье, сила, — завладѣло городомъ, Тутіи отдохнулъ и отправилъ вѣстника въ Египеть, къ царю Манахпирійѣ, — жизнь, здоровье, сила, — владыкѣ своему, сказать ему: „Радуйся! Амонъ, отецъ твой, отдалъ тебѣ побѣжденнаго Юпу, со всѣми его подданными, также и городъ его. Пусть придутъ люди увести ихъ въ плѣнъ, дабы наполнить тебѣ домъ отца твоего, Амонъ-Ра, царя боговъ, рабами и служанками, что будутъ повержены къ стопамъ твоимъ навсегда и навѣки“.

Благополучно окончена повѣсть сія стараніемъ писца искуснаго въ повѣствованіи.

Быль однажды царь, у котораго не рождалось младенца пола мужескаго. Сердце его было этимъ совсѣмъ опечалено. Просиль онъ мальчика у боговъ того времени, и они постановили, чтобы рожденъ ему былъ одинъ. Онъ легъ ночью со своею женой, и тогда она зачала. Восполнились мѣсяцы рожденія, и вотъ явился младенецъ пола мужескаго. Когда пришли Гаторь, дабы предречь ему рокъ, онѣ сказали: „Умереть ему отъ крокодила, или отъ змѣи, даже отъ собаки“. И люди, бывшіе при ребенкѣ, услышали это, и пошли они сказать это Его Величеству, — жизнь, здоровье, сила, — и Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — возскорбѣлъ отъ этого всѣмъ сердцемъ. Повелѣлъ Его Величество, — жизнь, здоровье, сила, — построить ему домъ на горѣ, снабженный людьми и всяческими благами царскаго обиталища, ибо дитя не выходило оттуда. И когда младенецъ возросъ, взошеть онъ на плоскую крышу своего дома, и увидѣлъ онъ борзую собаку, что шла за какимъ-то человѣкомъ, проходившимъ по дорогѣ. Онъ сказалъ своему юному тѣлохранителю: „Что это такое, что идетъ за человѣкомъ, который бредетъ тамъ по дорогѣ?“ Тѣлохранитель сказалъ ему: „Это борзая!“ Ребенокъ сказалъ ему: „Пусть

принесутъ мнѣ совѣтъ такую!» Тѣлохранитель пошелъ передать это Его Величеству,—жизнь, здоровье, сила,—и Его Величество,—жизнь, здоровье, сила,—сказалъ: „Да приведутъ ему молодую гончую, а то боюсь, какъ бы сердце его не затомилось!“ И вотъ привели ему борзую. И дни ужь миновали съ тѣхъ поръ, и ребенокъ возмужалъ всѣми членами своими, послалъ онъ вѣсть отцу, говоря: „Послушай! Зачѣмъ бездѣльнику подобнымъ буду? Такъ какъ обреченъ я трижды року злему, ежели даже дѣйствовать буду по волѣ моей, богъ не свершитъ меньшаго, чѣмъ положено то въ сердце его!“ Выслушали Они все, что говорилъ онъ. Дали ему оружія разнаго рода, дали ему также его борзую, дабы слѣдовала за нимъ, переправили его въ край Восточный, сказали ему: „А! иди, куда желаешь ты!“ Борзая его была съ нимъ, и онъ пошелъ по прихоти своей, черезъ страну, пробавляясь первинками всякой дичи мѣстной. Вотъ, достигъ до полета къ властителю Нагаринны; не рождено было ребенка властителю Нагариннѣ, но только дочь одна. И онъ построилъ домъ, семьдесятъ оконъ котораго были удалены отъ земли на семьдесятъ локтей. И велѣлъ привести сыновей всѣхъ сановниковъ страны Кхару; и сказалъ имъ: „Тому, кто достигнетъ окна моей дочери, дана она будетъ въ жены“.

И дней ужь много прошло съ тѣхъ поръ, какъ эти событія свершились, межъ тѣмъ какъ всѣ знатные юноши Сиріи были за обычнымъ занятіемъ каждаго своего дня, привелось царевичу Египта проходить въ той сторонѣ, гдѣ находились они. Они привели его въ свой домъ, они посадили его въ ванну, они дали корма лошадямъ его, много различныхъ вещей сдѣлали они для царевича. Они надушили его, они помазали ему ноги ми-

ромъ, они дали ему хлѣба, они сказали ему по обычаю разговоровъ: „Откуда идешь ты, милый юноша?“ Онъ сказалъ имъ: „Я, сынъ я воина-колесничаго изъ края Египетскаго. Моя мать умерла, отецъ мой взялъ другую жену. Когда явились дѣти, начала она меня ненавидѣть, и я бѣжалъ отъ нея“. Они сжали его въ своихъ объятіяхъ. Они покрыли его поцѣлуями. И дней ужь много прошло съ тѣхъ поръ, сказалъ онъ юнымъ властителямъ: „Что однако дѣлаете вы здѣсь?“ Они сказали ему: „Проводимъ мы время наше вотъ въ чемъ: возлетаемъ мы, и тотъ, кто достигнетъ окна дочери властителя Нагаринны, дадутъ тому ее въ жены“. Онъ сказалъ имъ: „Сдѣлайте милость, я заклану мои ноги и пойду возлетѣть съ вами“. Они начали возлетать, потому какъ было это занятіемъ каждаго ихъ дня, а царевичъ держался въ отдаленіи, чтобы видѣть, и ликъ дочери властителя Нагаринны обернулся къ нему. И дни ужь миновали съ тѣхъ поръ, пошелъ царевичъ возлетѣть вмѣстѣ съ сыновьями сановниковъ, и онъ возлетѣлъ, и онъ достигъ окна дочери владыки Нагаринны. Она поцѣловала его, она обняла его всего.

Пошли обрадовать сердце отца царевны, и сказали ему: „Мужъ нѣкій достигъ окна твоей дочери“. Владыка спросилъ вѣстника, говоря: „Сынъ котораго изъ знатныхъ?“ Сказали ему: „Сынъ воина-колесничаго, прибывшаго бѣглецомъ изъ края Египетскаго, дабы избавиться отъ своей мачехи, когда явились у нея дѣти“. Владыка Нагаринна весьма сильно разгнѣвался. Онъ сказалъ: „Выдамъ ли я дочь мою за бѣглеца изъ края Египетскаго? Да уйдетъ онъ прочь“. Пошли сказать царевичу: „Вернись въ то мѣсто, откуда пришелъ ты“. Но царевна охватила его, и богомъ поклялась она, говоря: „Клянусь

жизнью Ра-Гармахиса, отнять если его отъ меня, ѣсть не буду я больше, не буду пить, умру въ тотъ же часъ“. Вѣстникъ пошелъ повторить всѣ эти возгласы ея отцу, и владыка отправилъ людей, чтобы убить юношу, межъ тѣмъ какъ находился онъ въ домѣ своемъ. Царевна сказала имъ: „Жизнью Ра! убьютъ если его— на восходѣ Солнца я буду мертва. Лучше и часа жизни не проведу я, чѣмъ съ нимъ разлучусь!“ Пошли сказать это отцу ея. Владыка велѣлъ привести юношу съ царевной. Страхомъ охваченъ былъ юноша, когда предсталъ онъ предъ властителемъ, но тотъ обнялъ его, покрылъ его поцѣлуями, сказалъ ему: „Повѣдай же мнѣ, кто есть ты, ибо вотъ, ты для меня какъ сынъ!“ Юноша сказалъ: „Я, дѣтище я воина-колесничаго изъ края Египетскаго. Моя мать умерла, отецъ мой взялъ другую жену. Она стала ненавидѣть меня, и я, я бѣжалъ отъ нея“. Властитель отдалъ ему дочь свою въ жены, онъ далъ ему домъ, данниковъ, поля, стада также, и всякаго рода блага.

И дни ужъ миновали съ тѣхъ поръ, юноша сказалъ своей женѣ: „Троекратно обреченъ я: крокодилъ, змѣя, собака“. Она сказала ему: „Да убьютъ собаку, что бѣгаетъ передъ тобой“. Онъ сказалъ ей: „Сдѣлай милость, не убью я своей собаки, которую выростилъ, когда маленькой еще она была“. Она убоилась за мужа своего, очень, очень, и она не позволила ему болѣе выходить одному. И случилось, что захотѣлось странствовать. Доставили царевича въ землю Египетскую, чтобы походить тамъ по странѣ. И вотъ крокодилъ рѣчной вышелъ изъ рѣки, и дошелъ онъ до середины селенія, гдѣ былъ царевичъ. Сокрыли его въ жилище, гдѣ находился великанъ нѣкій. Великанъ не допускалъ отнюдь крокодила выходить, но когда спалъ крокодилъ, выходилъ великанъ

прогуляться. Потомъ, какъ Солнце восходило, великанъ возвращался въ жилище, и такъ всякій день, въ промежуткѣ времени двухъ мѣсяцевъ дней. И дни ужь миновали съ тѣхъ поръ, оставался царевичъ, чтобы развлечься въ домѣ своемъ. Когда наступила ночь, царевичъ легъ на своей постели, и сонъ овладѣлъ его членами. Жена его наполнила чашу молокомъ и поставила его возлѣ себя. Когда змѣя одна вышла изъ щели своей, дабы ужалить царевича, вотъ жена его была возлѣ него, но не спала. Служанки тогда дали молока змѣѣ, она его выпила, она опьянѣла, осталась она лежать навзничъ, и жена въ куски изрубила ее своимъ топоромъ. Разбудили мужа, который охваченъ былъ изумленіемъ, и она сказала ему: „Видишь! богъ твой предалъ одну изъ частей твоихъ въ руки твои, онъ предастъ тебѣ и другія“. Онъ возложилъ приношенія богу, онъ обожалъ его, онъ восхвалялъ могущество его каждый день своей жизни.

И дни ужь миновали съ тѣхъ поръ, вышелъ царевичъ прогуляться по сосѣдству съ усадьбой своей, и какъ не выходилъ онъ никогда одинъ, вотъ, его собака была за нимъ. Собака его пустилась въ поле выслѣживать дичь, а онъ, побѣждалъ онъ за собакой своей. Когда онъ достигъ рѣки, спустился онъ къ берегу вослѣдъ своей собакѣ, и тутъ вышелъ крокодилъ, и потащилъ его къ мѣсту, гдѣ былъ великанъ. Тотъ вышелъ и спасъ царевича. Крокодилъ тогда, сказалъ онъ царевичу: „О, я, я твой рокъ, что преслѣдуетъ тебя. Что бы ни дѣлалъ ты, будешь ты вновь приведенъ на перепутье мое, ты, и великанъ. Но сейчасъ я отпущу тебя. Узнаешь ты, что чары мои превозмогли, и что великанъ убитъ. Ежели же увидишь ты, что великанъ убитъ, узришь ты твою смерть!“

Земля озарилась, и новый ужь былъ день. Крокодилъ сказалъ: „Ты поклянешься мнѣ убить великана. Если ты отречешься отъ этого, узришь ты смерть“. И когда озарилась земля, и новый ужь день былъ, прибѣжала собака и увидѣла, что господинъ ея былъ во власти крокодила. Крокодилъ снова сказалъ: „Хочешь ли поклясться мнѣ убить великана?“ Царевичъ ему отвѣтилъ: „Зачѣмъ убью я того, кто оберегалъ меня?“ Крокодилъ сказалъ ему: „Тогда рокъ твой да свершится! Если, на закатѣ Солнца, ты все не поклянешься мнѣ въ томъ, чего требую, ты узришь твою смерть“. Собака услышала эти рѣчи, побѣжала домой, и нашла она дочь владыки Нагаринны въ слезахъ, ибо мужъ ея не показывался со вчерашняго дня. Когда она увидѣла собаку одну, безъ господина своего, заплакала она громкимъ голосомъ, и раздирала себѣ грудь, но собака схватила ее за платье и потянула ее къ двери, какъ бы приглашая выйти. Она встала, она взяла топоръ, которымъ убила она змѣю, она послѣдовала за собакой къ тому мѣсту берега, гдѣ находился великанъ. Спряталась она тогда въ кустахъ, и ни ѣла, ни пила она, но лишь молилась она богамъ за мужа своего. Когда наступилъ вечеръ, крокодилъ снова сказалъ: „Хочешь ли поклясться мнѣ убить великана, если же нѣтъ, я стащу тебя къ рѣкѣ, и ты узришь твою смерть“. И онъ отвѣтилъ: „Зачѣмъ убью я того, кто оберегалъ меня?“ Привлекъ его тутъ крокодилъ къ мѣсту, гдѣ находилась жена, и она вышла изъ тростниковъ, и вотъ, когда крокодилъ открывалъ пасть, она ударила его своимъ топоромъ, а великанъ набросился на него, и его прикончилъ. Тогда она обняла царевича и сказала ему: „Видишь, твой богъ предалъ еще другой твой удѣлъ въ руки твои, онъ даруетъ тебѣ третій“. Онъ возложилъ

приношеніе богу, онъ обожалъ его, и онъ восхвалялъ могущество его всѣ дни жизни своей.

И дни ужь миновали съ тѣхъ поръ, враги проникли въ страну. Ибо сыновья сановниковъ страны Кхару, увидя царевну въ рукахъ пришлеца, въ ярости собрали свою пѣхоту и свои колесницы, уничтожили они войско властителя Нагаринна, и взяли они властителя въ плѣнъ. И какъ не нашли они царевны и ея мужа, они сказали старому властителю: „Гдѣ дочь твоя и этотъ сынъ воинсколесничаго изъ страны Египетской, которому ты отдалъ ее въ жены?“ Онъ отвѣтилъ имъ: „Онъ уѣхалъ съ нею, чтобы охотиться на звѣрей страны, какъ же знать мнѣ, гдѣ они?“ Тогда совѣщались они, и они сказали другъ другу: „Раздѣлимся на малые отряды, отправимся сюда и туда по всему свѣту, и тотъ, кто найдетъ ихъ, да убьетъ онъ юношу, и да сдѣлаетъ съ женою, что ему будетъ угодно“. И пошли они одни на Востокъ, другіе—на Западъ, на Сѣверъ, на Югъ. И тѣ, что пошли на Югъ, достигли страны Египетской, того самаго города, гдѣ былъ юноша съ дочерью владыки Нагаринна. Но великанъ увидѣлъ ихъ, и побѣждалъ къ юношѣ, и онъ сказалъ ему: „Вотъ, семь сыновей сановниковъ изъ страны Кхару близятся, дабы искать тебя. Если они найдутъ тебя, они убьютъ тебя, и они сдѣлаютъ съ женою твоею, что имъ будетъ угодно. Многочисленны они слишкомъ, чтобы можно было сопротивляться имъ. Бѣги отъ нихъ, я же, вернусь я къ моимъ братьямъ“. Тогда позвалъ царевичъ свою жену, онъ взялъ свою собаку съ собою, и всѣ вмѣстѣ укрылись въ одной горной пещерѣ. И они были тамъ два дня уже и двѣ ночи, когда сыновья сановниковъ Кхару прибыли со множествомъ воиновъ, и они прошли передъ расщелиной пещеры, и ни одинъ изъ нихъ

не увидѣлъ царевича. Но какъ послѣдній изъ нихъ приближался, собака бросилась на него и начала лаять. Сыновья сановниковъ Кхару узнали ее, и они повернули назадъ, чтобы проникнуть въ пещеру. Жена бросилась передъ мужемъ своимъ, дабы защитить его, но вотъ копые ударило ее, и она пала мертвая предъ нимъ. И юноша убилъ одного изъ знатныхъ своимъ мечемъ, и собака убила другого своими зубами, но тѣ, что остались, убили ихъ своими копьями и они пали на землю безъ памяти. Тогда знатные потащили тѣла ихъ вонъ изъ пещеры, и они бросили ихъ простертыми на землѣ, чтобы пожранными быть дикими звѣрьми и хищными птицами, и они отправились соединиться съ сотоварищами своими и подѣлить съ ними земли владыки Нагаринна.

И вотъ, когда послѣдній вельможа удалился, юноша открылъ глаза, и увидѣлъ жену свою простертую на землѣ, рядомъ съ нимъ, какъ мертвую, и трупъ своей собаки. Возсталъ онъ тогда, и онъ сказалъ: —

„Воистину боги свершаютъ непреложно то, что постановятъ они впредь. Гаторъ рѣшили съ младенчества моего, что умру я отъ собаки, и вотъ, приговоръ ихъ свершенъ, ибо собака эта, она предала меня врагамъ моимъ. Я готовъ къ смерти, ибо безъ этихъ двухъ существъ, что лежатъ рядомъ со мной, жизнь мнѣ нестерпима“. И онъ вознесъ руки къ небу, и воскликнулъ:— „Не согрѣшилъ я противъ васъ, о, боги! Даруйте мнѣ потому счастливую могилу въ этомъ мѣрѣ, и голосъ вѣрный предъ судьями Аменти“. Онъ снова упалъ, какъ мертвый. Но боги услышали его голосъ, и девятибожіе пришло къ нему, и Ра-Гармахисъ сказалъ своимъ сотоварищамъ:— „Рокъ свершился, нынѣ даруемъ новую жизнь двумъ этимъ

супругамъ, ибо надлежитъ это, вознаградить достойно преданность, что явили они другъ другу“. И мать боговъ главой одобрила слова Ра-Гармахиса, и она сказала: — „Преданность такая заслуживаетъ весьма великой награды“. Другіе боги сказали объ этомъ то же, потомъ семь Гаторъ приблизились, и онѣ сказали: „Рокъ свершенъ: Нынѣ да вернутся они къ жизни!“ И вернулись они къ жизни въ тотъ же часъ.

ЖАЛОБЫ СОЛЕВАРА.

Быль однажды челоѣкъ, Хуніанупу имя его, былъ онъ крестьянинъ изъ Долины Соли, и была у него жена, Нофритъ по имени. Солеваръ этотъ сказалъ этой своей женѣ:— „Послушай, я иду въ Египеть, чтобы добыть пропитанія нашимъ дѣтямъ. Ступай, смѣрай зерно, что въ амбарѣ, отъ остатковъ этого года.“ Тогда онъ отмѣрилъ ей восемь четвериковъ зерна. Этотъ солеваръ сказалъ этой женѣ своей: „Послушай, вотъ эти два четверика зерна для твоихъ дѣтей, мнѣ же сдѣлай, изъ шести четвериковъ зерна, хлѣба и пива на каждый день, что я буду въ пути.“ И когда этотъ крестьянинъ отправился въ Египеть, онъ нагрузилъ своихъ ословъ камышомъ, тростникомъ, щелокомъ, солью, деревомъ Уити, акаціей изъ Страны Быковъ, волчьими шкурами, кожами шакаловъ, шалфеемъ, ониксомъ, красивой резедой, горькими огурцами, кишнецомъ, талькомъ, горшечнымъ камнемъ, дикой мятой, виноградомъ, голубями, куропатками, перепелами, анемонами, нарциссами, сѣмячками подсолнечника, *Волосами Земли*, перцемъ, всего сполна, всяческихъ благихъ производствъ Долины Соли.

И вотъ, когда этотъ солеваръ ушелъ къ югу, къ Хиннсутону, и когда достигъ онъ мѣста, называемаго Па-

фифи, на сѣверь отъ селенія Маденить, повстрѣчалъ онъ нѣкоего человѣка, который стоялъ на откосѣ у края воды, Тотнахуити по имени, сынъ нѣкоего именемъ Азари, — оба крѣпостные правителя дворца Маруитэнси. Этотъ Тотнахуити сказалъ, едва увидѣлъ онъ ословъ солеvara, дивуясь въ сердцѣ своемъ: „Да поможетъ мнѣ всякое божество, и да завладѣю я добромъ этого крестьянина.“ Обиталище же этого Тотнахуити смежное было съ проѣзжей дорогой, которая была этимъ утѣсна, дорога неширокая, такъ что не превышала она ширины куска ткани, съ водой по одну сторону и съ нивой по другую. Этотъ Тотнахуити сказалъ своему слугѣ: „Бѣги, и принеси мнѣ кусокъ полотна изъ моего дома!“ Былъ онъ принесенъ ему тутъ же, и Тотнахуити разостлалъ его на самой проѣзжей дорогѣ, такъ, что кайма касалась воды, а бахрома — нивы. И какъ только солеваръ вышелъ на дорогу для всѣхъ, этотъ Тотнахуити сказалъ: „Сдѣлай милость, крестьянинъ, не иди по моему холсту.“ Этотъ солеваръ сказалъ: — „Будь по-твоему, коль такъ говоришь, мой путь благой.“ Когда онъ сталъ направляться вверхъ, Тотнахуити сказалъ: „Моя нива, не она ли послужить тебѣ дорогой, крестьянинъ?“ Этотъ солеваръ сказалъ: „Мой путь благой, но откосъ высокъ, нива заходить на путь, ты загородилъ дорогу своимъ холстомъ. Развѣ ты не дозволяешь мнѣ пройти?“ Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ эти слова, одинъ изъ ословъ набралъ полный ротъ колосьевъ. Этотъ Тотнахуити сказалъ: „Эй ты, такъ какъ осель твой пожираетъ мои колосья, я приставлю его къ земледѣлю, по случаю силы его“. Этотъ солеваръ сказалъ: „Мой путь благой, чтобы избѣжать обиды, я отвелъ моего осла, а теперь ты хватаешь его, потому что онъ захватилъ пучокъ ко-

лосьевъ! Но, вѣдь я знаю хозяина этого помѣстья, это онъ, великій Управитель Маруитэнси; это онъ, вѣдь, который устраняетъ каждаго вора въ этой Землѣ Всей, и я буду ограбленъ въ его помѣстьи?“ Этотъ Тотнахуити сказалъ: „И то вѣдь правда, какъ разъ это поговорка, которую люди сказываютъ: „Злосчастнаго бѣдняка поминаютъ по милости его хозяина.“ Это я, что говорю тебѣ, а ты о Правителѣ дворца Маруитэнси, вонъ о комъ ты поминаешь.“ Тутъ онъ схватилъ зеленую вѣтку тамариска, и ею отхлесталъ его по всему тѣлу,—потомъ онъ отнял у него ослось, и загналъ ихъ въ свое поле. Этотъ солеваръ сталъ горько плакать, скорбя о томъ, что сдѣлали съ нимъ, и Тотнахуити этотъ сказалъ: „Не голоси, крестьянинъ, или ты отправишься во градъ бога Владыки Молчанія.“ Солеваръ этотъ сказалъ: „Ты побилъ меня, ты укралъ мою собственность, и теперь ты отнимаешь жалобу изо рта моего. Божественный Владыка Молчанія, верни мнѣ добро мое, да не возвѣщу я боязнь тебя!“

Этотъ солеваръ, въ продолженіе четырехъ дней, все жаловался этому Тотнахуити, и не уважилъ тотъ права его. Когда этотъ солеваръ прибылъ въ Хининсутонъ, чтобы жаловаться Правителю дворца Маруитэнси, онъ засталъ его выходящимъ изъ двери своего дома, дабы отплыть на челнѣ службы своей. Этотъ солеваръ сказалъ: „О, дозвожь, да растрогаю твое сердце рѣчью моею. Случай есть выслать ко мнѣ слугу твоего, повѣреннаго сердца твоего, чтобы я прислалъ его обратно къ тебѣ, освѣдомленнымъ въ дѣлѣ моемъ“. Правитель дворца Маруитэнси послалъ своего слугу, повѣреннаго сердца своего, перваго близъ него, и этотъ крестьянинъ прислалъ его обратно, освѣдомленнымъ въ этомъ дѣлѣ, такъ,

какъ оно было. Правитель дворца Маруитэнси сообщилъ объ этомъ Тотнахуити оцѣнщикамъ, которые находятся при немъ, и они сказали своему властителю: „Какъ видно, дѣло касается одного изъ крестьянъ — поставщикъ Тотнахуити, который пошелъ къ другому, бокъ о бокъ съ нимъ. Здѣсь предъ тобой именно то, какъ поступаютъ они со своими крестьянами, что идутъ къ другимъ, тутъ же около нихъ, вотъ передъ тобою то, какъ поступаютъ они. Стоитъ ли преслѣдовать этого Тотнахуити за малость щелока, и сколько-то соли? Да повелѣть ему вернуть это, и онъ вернетъ.“ Правитель дворца Маруитэнси хранилъ молчаніе; онъ не отвѣтилъ этимъ оцѣнщикамъ, онъ не отвѣтилъ этому солевару.

Когда этотъ солеваръ пришелъ жаловаться великому управителю Маруитэнси въ первый разъ, онъ сказалъ:— „Хранитель дворца, владыка мой, великій изъ великихъ, водитель сушихъ, и тѣхъ, кого нѣтъ, когда ты спускаешься въ Колодець Справедливости, и плывешь тамъ по вѣтру, шкотъ твоего паруса да не оборвется, твой челнъ теченьемъ да не унесетъ, мачту твою злоключеніе никакое да не постигнетъ, обшивка твоего челна да не пробьется; ты отнесенъ да не будешь, когда ты станешь причаливать къ землѣ, потокъ тебя да не схватитъ, ты лукавствъ рѣки да не испытаешь, ликъ чудовищный да не узришь ты, но рыбыны наймаежнѣйшія къ тебѣ да придутъ, и птицъ тучныхъ, очень, ты да достигнешь. Ибо это ты отецъ бѣдняку, супругъ вдовѣ, братъ разведенной, одежда тому, у кого больше нѣтъ матери! Соверши, чтобы могъ я возгласить твое имя въ странѣ этой, какъ верховнѣйшее надъ всякимъ закономъ благимъ. Водитель внѣ прихоти, великій внѣ мелочности, ты, что уничтожаешь ложь и даешь бытіе правдѣ, при-

ди къ слову рта моего. Я говорю, услышь, соверши справедливость, славный, котораго славнѣйшіе славятъ, разрушь мои злочкиненія. Я здѣсь угнетенный печалыи, я здѣсь отчаявшійся, поддержи меня, суди меня, ибо, вотъ, я въ великой нуждѣ!“

Крестьянинъ же этотъ говорилъ эти слова во времена Владыки Верхняго и Нижняго Египта Набкаурии, съ голосомъ вѣрнымъ. Правитель Маруитэнси пошелъ къ Его Величеству, и онъ сказалъ: „Владыка мой, я повстрѣчалъ одного изъ тѣхъ крестьянъ, что краснорѣчивы поистинѣ, имущество его было у него похищено человѣкомъ, что подчиненъ мнѣ,—здѣсь, вотъ, пришелъ этотъ крестьянинъ, дабы жаловаться мнѣ на это“. Царь сказала: „Маруитэнси, если ты хочешь сохранить мое благорасположеніе, ты будешь томить его длительно, не отвѣтствуй ничего на все, что онъ скажетъ. Что-бы ни заблагоразсудилось ему сказать, доноси намъ объ этомъ письменно, дабы мы слышали это. Соблюди, чтобы жена и дѣти его жили, ты же пошли одного изъ этихъ крестьянъ, дабы устранить нужду отъ дома его, озаботься также, чтобы крестьянинъ этотъ живъ былъ всѣмъ своимъ существомъ; но, когда повелишь дать ему хлѣба, давай такъ, чтобы не зналъ онъ, что это ты ему даешь“. Выдавали ему по четыре хлѣба, по два жбана пива ежедневно; управитель дворца Маруитэнси доставлялъ ихъ, но онъ отдавалъ ихъ одному изъ своихъ посѣтителей, и это тотъ вручалъ ихъ солевару. Вмѣстѣ съ тѣмъ управитель дворца Маруитэнси послалъ къ блюстителю Оазиса Соли, дабы надѣляли хлѣбомъ жену этого солевара, въ количествѣ трехъ мѣръ въ день.

Этотъ солеваръ пришелъ жаловаться во второй разъ, говоря: „Правитель дворца, господинъ мой, великій

изъ великихъ, богатый изъ богатыхъ, ты, величайшій среди твоихъ великихъ, богатѣйшій изъ богатыхъ твоихъ, кормило Неба, устой Земли, канатъ, что держитъ тяжелыя гири, кормило, не отклоняйся, устой, не сгибѣйся, не ускользни, канатъ! Какъ же великій властитель отнимаетъ у той, что не имѣетъ хозяина, онъ грабитъ того кто одинъ! Доля твоя въ домѣ твоёмъ, кружка пива это, и три хлѣба въ день, а что истрачиваешь ты на прокормленіе твоихъ посѣтителей? Кто умираетъ, умираетъ ли онъ со своей челядью? Ты, вѣчнымъ ли будешь ты? И также, дурно это, вѣсы, что перетягиваютъ, безмѣнь, который теряетъ равновѣсіе, справедливецъ неподкупный, который совращается. Берегись ты, если справедливость, что зиждется тобою, ускользнетъ съ мѣста своего, оцѣнщики мошенничаютъ, тотъ, кто слѣдилъ за рѣчами обѣихъ сторонъ, склоняется къ одной сторонѣ, челядь воруетъ, тотъ, кто уполномоченъ хватать невѣрнаго, который не выполняетъ слова судьи во всей его строгости, онъ самъ заблуждается, далекій отъ этого слова; давать кто долженъ дыханіе жизни, отсутствуетъ на землѣ; спокоенъ кто, задыхается онъ гнѣвомъ, тотъ, кому раздѣлять на равныя части, не болѣе онъ какъ засильникъ; укротитель насильника, даетъ онъ велѣніе, чтобы вредилъ тотъ городу, какъ наводненіе; кому топтать надлежитъ зло, совершаетъ онъ заблужденіе.“

Правитель дворца Маруитэнси говоритъ: „Развѣ для тебя такъ важно, и такъ это заботитъ тебя, чтобы слуга мой былъ схваченъ?“

Этотъ крестьянинъ сказалъ: „Когда разсыпающій зерна на четверики обманываетъ другого, другой начинаетъ губить его имущества. Тотъ, кто руководитъ, блюдя законъ, если повелѣваетъ онъ, чтобы крали, кому

же тогда устранить преступленіе? Тотъ, кто подавляетъ заблужденія, если самъ онъ уклоняется отъ правосудія, другой имѣеть право согнуть его. Если другой одобритъ твои попущенія, какъ обрѣтешь ты средство отстранить попущенія другого? Когда человѣкъ съ избыткомъ приходитъ на должность, что занималъ онъ вчера, подобаешь это, кому слѣдуетъ, пригласить его совершать то, что почетно совершалъ онъ,—это значить мудро распредѣлять богатства, вмѣсто того чтобы расхищать его, это значить предоставлять имущество тому, кто уже обладалъ избыткомъ. О, мигъ, что уничтожаетъ, когда все будеть опрокинуто въ твоихъ виноградникахъ, когда скотный дворъ твой будеть разрушенъ, и расхищена когда будеть водная твоя дичь—когда, кто видѣль, окажется слѣпцомъ, и слышалъ кто—глухимъ, когда тотъ, кто вель прямой дорогой, станеть тѣмъ, кто заводить. Итакъ, здравствуешь ли ты? Твори для себя, ибо ты, могучъ ты, весьма, рука твоя достойна, сердце твое отважно, снисходительность бѣжитъ отъ тебя, мольба несчастныхъ есть разрушеніе твое, чудится, ты вѣстникъ бога Крокодила. Ты, ты спутникъ, попутчикъ дорожный Владычицы чумы, если нѣтъ тебя, нѣтъ ея, если нѣтъ ея, нѣтъ тебя, чего не свершишь ты, не свершитъ она. Богатый законными доходами, который силенъ, милостивъ съ нищими, кто стоекъ въ обладаніи своей добычей, милостивъ къ тому, у кого вовсе нѣтъ имущества, но, если у нищаго отнято его добро, это злое дѣло, для того, кто не лишенъ всего, этимъ не возвысишься, и взыщется это. Но ты, ты пресыщаешься твоимъ собственнымъ хлѣбомъ, ты пьянишься твоимъ пивомъ, ты богатъ, болѣе чѣмъ любой изъ живыхъ. Когда лицо рулевого обращается назадъ, ладья блуждаетъ, гдѣ ей угодно. Когда царь съ женами,

и когда кормило въ твоей рукѣ, здѣсь злоупотребленія вокругъ тебя, жалоба крайняя, разоръ тяжекъ. Что же это, что тамъ? Ты понадѣлалъ убѣжищъ, оплотъ твой незыблемъ, но вотъ городъ твой оспариваетъ правый судъ языка твоего. Не унывай, однако! Червь разрушитель человѣка—лишь собственные члены его. Не произноси лжи, блюди за ставленниками государственной казны; когда слуги собираютъ жатву свою, говорить ложь есть старинный обычай, милый ихъ сердцу. Ты, вѣдающій имущества людей, безвѣстны ли тебѣ мои богатства? О, ты приводишь въ ничто всѣ злоключенія отъ воды, я, здѣсь я, на путяхъ злополучія! О, ты, который возвращаешь на землю потопающаго, и потерпѣвшаго кораблекрушеніе спасаешь, я угнетень черезъ тебя.“

Этотъ крестьянинъ пришелъ жаловаться въ третій разъ, говоря: „Правитель дворца, владыка мой, ты—Ра, владыка Неба, съ придворными твоими, и польза въ томъ для всѣхъ. Ты какъ водная волна, ты Ниль, что удобряетъ поля, что воздѣлыванье дозволяетъ острововъ. Возбрани воровство, огради нищету, потокомъ-разрушителемъ не будь тому, кто жалуется тебѣ, но берегись, ибо вѣчность близится, и да сбудется съ тобою, какъ речено: — „Что чутьемъ чуютъ, что справедливость творить“. Обремени обременившаго, и это вовсе не зачтеть тебѣ. Коромысло развѣ гнется? Развѣ вѣсы наклоняются на одинъ бокъ? Потворствуетъ ли Тотъ? Ты становишься въ уровень съ этими тремя. Если потворствуешь ты, твое потворство, какъ отвѣтъ того, кто принимаетъ благо, какъ будто это есть зло, какъ тотъ, кто полагаетъ это послѣднее на мѣстѣ другого. Слово преуспѣваетъ болѣе, чѣмъ травы живучія, оно прорастаетъ постольку, поскольку силенъ тотъ, кто ему отвѣчаетъ, а тотъ

онъ вода, что преуспѣяніе даруетъ одеждамъ его въ теченіе тѣхъ дней, когда выполняется это. Натягиваешь когда ты бичеву на парусъ, и правишь по теченію, сумѣть дабы дѣйствовать, какъ правильно, остерегись, и правь хорошенько рычагомъ, когда будешь лицомъ къ лицу съ землей. Твори правое; не лги, величіе ты; не будь легкимъ, ты вѣскость! Не лги; безмѣнь ты, не террай равновѣсія; ты точный счетъ, берегись, о, ты, ты въ согласіи съ коромысломъ, если накренится оно, и ты, накренишься ты. Не безумься, когда ты правишь, но вѣрно снастями владѣй. Не бери ничего, когда пойдешь противъ того, кто беретъ, ибо не великій тотъ великій, что хищникъ. Языкъ твой чаша вѣсовъ, сердце твое есть гиря, которую двѣ губы твои заставляютъ колебаться. Если ты затѣнишь твой ликъ отъ того, чье лицо непоколебимо, кто же отстранить зло? Берегись, ты, какъ злой прачешникъ ты, который грабитъ друга, и вяжетъ посѣтителя, который бѣденъ, но братомъ почитаетъ того, кто, приходя, приноситъ ему что полагается. Берегись ты, паромщикъ ты, который переправляетъ только того, у кого наготовѣ расчетъ за проѣздное право, и проѣздное право чье—гибель другимъ. Берегись, ты, хозяинъ ты житницы, который не допускаетъ пройти того, кто съ пустыми руками. Берегись, ты, человѣкъ-птица-хищникъ, что живетъ жалкими малыми пташками. Берегись, ты, поваръ ты, чья радость — убивать, и отъ котораго ни одно не уцѣлѣетъ животное. Берегись, ты, ты пастухъ, который не печется ни о чемъ, ты не сосчиталъ сколько потерялъ ты животныхъ, черезъ крокодила, этого насильника прибѣжищъ, который нападаетъ на область Земли Всей. О, вмемлющій, какъ же не слышалъ, что же не услышишь ты, ибо здѣсь ярость водъ я отбросилъ. Что-

бы прослѣдоваль крокодилъ,—сколько времени продлится это? Да обрѣтена будетъ нынѣ же сокрытая правда, и ложь да повержена будетъ наземь. Не учитывай завтрашній день, который не насталь еще: Невѣдомо какія въ немъ бѣды!“

Послѣ того, какъ этотъ солеварь произнесъ эту рѣчь Хранителю дворца Маруитэнси, на площади, что передъ вратами, тотъ выслаль на него двоихъ людей изъ дворовыхъ своихъ, съ плетками, и они избивали ему все тѣло его.

Этотъ солеварь сказалъ:—„Сынъ, котораго люблю, и онъ совращенъ: Лицо его слѣпо къ тому, что онъ видитъ, онъ глухъ къ тому, что онъ слышитъ, онъ проходитъ безпамятный къ тому, что возвѣщаютъ ему. Берегись, ты, ты какъ городъ, въ которомъ нѣтъ правителя, какъ община, въ которой вовсе нѣтъ главы, какъ судно безъ капитана, какъ караванъ безъ проводника Берегись ты, ты какъ старшина общины, уполномоченный подавлять разбой, и который становится во главѣ тѣхъ, что совершаютъ его!“

Когда солеварь этотъ пришелъ жаловаться въ четвертый разъ, онъ нашель правителя дворца, когда тотъ выходилъ изъ вратъ Храма Гаршафи, и онъ сказалъ:—„О, благословенный, благословенный Гаршафи, ты, который выходишь изъ Храма его, когда добро гибнетъ безъ сопротивленія, ложь распространяется на землѣ. И въ самомъ дѣлѣ, паромъ, на который тебя вводятъ и переправляютъ черезъ рѣку, когда же наступаетъ время убыли воды, переходить черезъ рѣку въ сандаляхъ, хорошій не правда ли способъ переправы? А съ тѣми что, которые спятъ весь день напролетъ? Гибнуть изъ-за этого,—и путь достовѣрный ночью, и странствіе въ безопасности

днемъ, и возможность, что человекъ пользуется своимъ богатствомъ правдиво? Берегись, ты, не должно колебаться говорить тебѣ объ этомъ. Снисхожденіе удаляется отъ тебя, мольба несчастныхъ есть разрушеніе твое. Ты какъ охотникъ съ яснымъ сердцемъ, отважный дѣлать, что ему вздумается,—бить острогою гиппопотама, пронзать стрѣлами дикихъ быковъ, гвоздить двузубцемъ рыбъ, ловить силками птицъ. О, ты, чьи уста нетекучи, у котораго нѣтъ потока словъ, ты, что не имѣешь сердца легкаго, но чья грудь тяжела отъ замысловъ, приложи твое сердце къ познанію истины, обуздай твои дурныя склонности, пока не застигъ тебя Безмолвный, не будь допросчикомъ неумѣлымъ, который подавляетъ совершенствованіе, ни сердцемъ опрометчивымъ, что скрывается, когда являютъ ему правду, но сотвори себя такъ, чтобы два глаза твои примѣчали, чтобы сердце твое удовлетворялось, и не тревожись о силѣ твоей, изъ страха чтобы не постигло тебя несчастье:—кто пройдетъ мимо своей доли, не схватившись за нее,—всегда будетъ во второмъ ряду. Человекъ, который ѣсть, отвѣдываетъ, тотъ, кого спрашиваютъ, отвѣчаетъ, кто спитъ, тотъ грезитъ, но судья у воротъ, ему не препятствуй; ибо онъ во главѣ злодѣевъ; и вотъ, благодаря ему, глупецъ преуспѣваетъ, съ невѣждой полнымъ совѣтуются, если будешь какъ водный потокъ, что разливается, люди вступаютъ въ него. О, рулевой, не безумь свой челнъ, ты, который даешь жизнь, не соверши, чтобъ умирали; ты, что уничтожить можешь, не соверши, чтобъ были уничтожены. Лучистый, не будь какъ тѣнь; пристанище, не позволяй крокодилу захватывать жертвы. Четыре раза я уже жалуюсь тебѣ, не правда ль, прошло въ томъ много времени?“

Этотъ солеварь пришелъ жаловаться въ пятый разъ, говоря: „Правитель дворца, Маруитэнси, владыка мой, рыбаць съ вершей захлопываетъ окуней, рыбаць съ ножомъ убиваетъ угрей, рыбаць съ острогой гвоздитъ байядовъ, рыбаць съ сѣтью ловить мелкую рыбешку, словомъ рыбаки обездоливаютъ рѣку. Берегись, ты, ты подобень имъ; не похищай у бѣдняка его имущество, ибо скорбь его вѣдома тебѣ. Добро его есть животворный воздухъ для бѣдняка: Расхитить его имущество это зажать ему ноздри. Тебѣ ввѣрено было услышать слово, рассудить двухъ братьевъ, подавить воровство, и злодѣи съ тобою, и это тяжкое нагроможденіе грабежей, то, что дѣлаешь ты! Избранникомъ тебя сдѣлали, ты же сталъ преступникомъ; ты поставленъ былъ плотиной бѣдняку, чтобъ помѣшать ему утонуть, ты же, ты человѣкъ подобный водоему, что быстро опоражняется, разрушая плотину.“

Солеварь этотъ пришелъ жаловаться въ шестой разъ, говоря: „Властитель дворца Маруитэнси, владыка мой, безмолвный владыка разрушенія, сотвори, да будетъ справедливость, сотвори, да будетъ благо, уничтожь зло.— какъ наступаетъ сытость, что пресѣкаетъ голодь, одѣтость, которая прекращаетъ наготу, какъ небо проясняется послѣ холоднаго вѣтра, и жарь его согрѣваетъ всѣхъ тѣхъ, кому было холодно, какъ огонь печеть сырье, какъ вода утоляетъ жажду. О, ты, который видишь, не отвращай лица твоего; ты, что раздѣляешь правосудно, не будь хитителемъ, ты, который утѣшаешь, не причиняя раздора, ты, который исцѣляешь, не причиняя недуговъ. Правоотступникъ уменьшаетъ правду. Тотъ, кто выполняетъ праведно долгъ свой, не причиняетъ ущерба, не ранитъ правды. Имѣешь если ты законные доходы, отдай

ихъ твоему брату: Себялюбіе не имѣетъ мѣста, ибо въ комъ злопамятство проводникъ онъ раздора, и тотъ, кто говоритъ свою нужду тихонько, приводитъ къ раздѣламъ, и никто не узнаетъ, что у него на сердцѣ. Не будь же бездѣйственнымъ! Если дѣйствовать будешь согласно твоему стремленію разрушать, кто же объявить войну? Вода запруды съ тобою, какъ будто запруда вскрылась, въ часъ, какъ водополье разлилось: Ладья, если вступить туда, схвачена она потокомъ, грузъ ея гибнетъ на землѣ, разсѣянный по всѣмъ берегамъ. Ты свѣдуешь, ты высоко взнесенъ, основался ты прочно, и не насильственно, но между тѣмъ, какъ ты устанавливаешь законы для всѣхъ, тѣ, что окружаютъ тебя, уклоняются отъ пути праваго. Справедливый и вмѣстѣ виновный предъ Всея Землей, садовникъ нищеты, который орошаетъ свои владѣнія низостью, дабы владѣніе его стало владѣніемъ лжи, чтобъ распространить преступленіе на недвижимое имущество“.

Этотъ солеваръ пришелъ жаловаться въ седьмой разъ, говоря: „Правитель дворца Маруитэнси, мой владыка, ты кормило Земли Всея, что оплываешь землю по произволу своему. Ты второй Тотъ, который, творя судъ, на сторону одну не склоняется. О, мой владыка, да благоугодно тебѣ будетъ не призывать кого-либо къ суду, иначе какъ за дѣянія дѣйствительно имъ свершенныя! Не суживай сердце твое, не въ твоей это природѣ, чтобы изъ объемлющаго духомъ сталъ бы ограниченнымъ въ сердцѣ. Не предвосхищай того, что не случилось еще, и не радуйся тому, что еще не пришло. Человѣкъ безпристрастный объемлющъ въ дружбѣ, ничто для него дѣяніе свершенное, если невѣдомо побужденіе, что въ сердцѣ. Тотъ, кто принижаетъ законъ, и нарушаетъ счетъ

дѣяній людскихъ, злосчастливымъ живеть среди тѣхъ, кого обокралъ онъ, и правда уже не взываетъ къ нему. Но грудь моя преисполнена, сердце мое обременено, и потому, то, что исходитъ изъ груди моей, есть запруда плотины, откуда стекаетъ вода: Ротъ мой отверзается слову, я боролся, чтобъ запрудить мою запруду, я излилъ свой потокъ, къ доброй пристани я правилъ то, что было въ груди моей, я омылъ мои лохмотья, моя рѣчь растетъ, и нищета моя сполна предъ тобою; гдѣ оцѣнка твоя конечная? Твоя косность повредить тебѣ, твоя жадность сдѣлаетъ тебя глупцомъ, твоя скупость создастъ тебѣ враговъ, но гдѣ найдешь ты другого крестьянина такого, какъ я? Будетъ ли это лѣннинецъ, что, сѣтуя, останется у двери своего дома? Нѣтъ молчальника, котораго ты не заставилъ бы говорить, заснуваго нѣтъ, котораго не пробудилъ бы ты, нѣтъ робкаго, котораго не сдѣлалъ бы смѣльчакомъ, нѣмого нѣтъ, не открылъ бы которому ты ротъ, нѣтъ невѣжды, котораго не превратилъ бы ты въ свѣдущаго, глупца нѣтъ, котораго не научилъ бы ты. Разрушители зла суть сановные, что окружаютъ тебя хозяева они блага, труженики они, что производятъ все, что существуетъ, возстановители на мѣсто свое головы отсѣченной“.

Этотъ солеваръ пришелъ жаловаться въ восьмой разъ, говоря: „Правитель дворца, мой владыка, поелику гибнуть черезъ поступокъ насильственный, поелику хищникъ вовсе не имѣетъ богатства, или, скорѣе, поелику богатство его напрасно, поелику насильникъ ты, хоть въ томъ нѣтъ тебѣ пользы, предоставь людямъ держаться за правое свое богатство. У тебя есть все, что тебѣ нужно въ твоемъ домѣ, чрево твое полно, но гряда зеренъ пляшетъ, и которое ускользнуло, гибнетъ на землѣ,

воръ крадетъ, силою устраняя сановныхъ, которые созданы, чтобы подавлять преступленіе, и которые суть убѣжище гонимому, сановныхъ, которые созданы, чтобъ отвращать ложь. Боязнь тебя не дозволила, чтобы взмолился я тебѣ, какъ должно, а ты не услышалъ мое сердце. О, молчальникъ, тотъ, что приходитъ снова, чтобы сдѣлать тебѣ эти упреки, не боится онъ болѣе являть ихъ тебѣ, хотя брать его и не приносить тебѣ даровъ въ частное твое обиталище. У тебя есть земельныя владѣнія въ деревнѣ, у тебя есть доходы въ городѣ, у тебя есть хлѣбъ въ амбарахъ, люди сановные приносятъ тебѣ дары, и ты берешь! Такъ не воръ ли ты, ибо, когда проходятъ съ оброкомъ для тебя, съ тобою грабители, чтобы вычестъ впередъ за наемъ земель. Сотвори Правду, владыка Правды, что есть Правда правды. Ты писало, свитокъ папируса, кисточка пишушая, богъ Тотъ, остерегись дѣлать уклоненія отъ правосудія, благой, будь благимъ, истинно благой, будь благимъ! Ибо истина для Вѣчности: Она нисходитъ въ Преисподнюю съ тѣмъ, кто творитъ ее. Когда положенъ онъ въ гробницу и опущенъ въ землю, имя его не сотрется съ лика земли, и вспоминаютъ его во благъ, согласно слову бога. Это потому, что воистину равновѣсіе не поколеблено было, чаша вѣсовъ не наклонилась на одну сторону. И, однако, когда я прихожу, когда другой приходитъ просить тебя, отвѣчаетъ, молить молчальника, силится досягнуть того, что достигнуто быть не можетъ, ты не умягченъ, нѣтъ въ тебѣ сочувствія, ты не отступилъ,—не уничтожилъ ты зла, не придерживался ты, по отношенію ко мнѣ, поведенія соотвѣтствующаго этому слову, наипревосходнѣйшему, что изошло изо рта самого Ра: Говори правду, твори правду, твори то, что согласно съ правдой, ибо

истина могуча, ибо великая она, ибо долговѣчная она, и когда обрѣтешь ее предѣлы, ведетъ она къ блаженству. Если вѣсы не накренились, если чаши держутъ предметъ на одномъ уровнѣ, исходный подсчетъ не окажется противъ меня, и стыдъ не погонится за мной по городу, и онъ не пристанетъ къ берегу“.

Этотъ солеваръ пришелъ жаловаться въ девятый разъ, и сказалъ:— „Правитель дворца, мой владыка, человѣческіе вѣсы это языкъ ихъ, и это вѣсы, которые вывѣряютъ счета. Такъ, когда наказуешь ты того, кто дурно поступилъ, счетъ провѣренъ въ твою пользу. Наоборотъ, кто въ договорѣ съ ложью, участь его впредь есть отвратившаяся отъ него правда, ибо тогда его благо есть ложь, истина не заботится больше о немъ. И когда пойдетъ лжець, заблудится онъ, онъ не переправится черезъ воду на паромѣ и не будетъ принятъ, если богатъ онъ, не имѣетъ онъ дѣтей, нѣтъ у него потомства на землѣ. Странствуетъ онъ если, не причалить онъ къ берегу, и ладья его не пристанетъ къ родному граду. Не дѣлай же себя тяжелымъ, ибо уже не малая въ тебѣ тяжесть, не ступай грузно, ибо не легокъ ты въ бѣгѣ. Не кричи громко, не прислушивайся только къ самому себѣ, не скрывай своего лица отъ того, что ты знаешь, не закрывай глазъ на то, что ты видѣлъ, не отстраняй того, кто нищенски проситъ тебя. Если впадешь ты въ небрежность, твое поведеніе, твой помыселъ противъ тебя. Дѣйствуй же противъ того, кто дѣйствовалъ противъ тебя, но да не услышитъ весь міръ о томъ молвы. Присуди человѣка лишь за дѣяніе, которое воистину онъ совершилъ. Нѣтъ вчера для неосмотрительнаго; нѣтъ друга тому, кто глухъ къ правдѣ; нѣтъ счастья для хищника. Тутъ же возставшій становится бѣднякомъ,

бѣднякъ попадаетъ въ безсмѣннаго жалобщика, а жалобщикъ задушенъ. Берегись, ты, я жаловался тебѣ, и ты не услышала мою жалобу: Я уйду жаловаться на тебя Аноубису“.

Правитель дворца Маруитэнси послалъ двоихъ людей изъ своихъ приближенныхъ, чтобы вернулся солеваръ. Солеваръ же этотъ, онъ испугался, онъ возжаждалъ, убоившись, что правитель дѣйствуетъ такъ, только чтобы наказать его за тѣ рѣчи, что говорилъ онъ, и крестьянинъ этотъ сказалъ: „Утоли мою жажду...“ Правитель дворца Маруитэнси сказалъ: — „Не бойся ничего, солеваръ. Я поступлю съ тобою такъ, какъ поступилъ со мною ты“. Солеваръ этотъ сказалъ:— „Когда бы могъ я жить вѣчно, поѣдая твой хлѣбъ и испивая твое пиво!“ Властитель дворца Маруитэнси сказалъ:— „Остерегись же впредь, чтобы слышали здѣсь тебя и твои жалобы“. Потомъ онъ велѣлъ занести на свѣжій листъ папируса всѣ жалобы солеваря, до этого дня. Правитель дворца Маруитэнси послалъ ихъ Его Величеству, Царю Двухъ Египтовъ, Набкаурии, съ голосомъ вѣрнымъ, и это любезно было Ему превыше всего на Землѣ Всей, и Его Величество сказалъ:— „Суди самъ, сынъ мой возлюбленный“. Правитель дворца Маруитэнси послалъ тогда двоихъ людей изъ своихъ приближенныхъ, чтобы привели къ нему распорядителя, и онъ повелѣлъ дать солевару шесть невольниковъ мужескаго пола и женскаго, кромѣ того, что онъ уже имѣлъ въ этомъ, зернового хлѣба съ Юга, проса, ословъ, благъ всякаго рода. Онъ повелѣлъ, чтобы этотъ Тотнахуити возмѣстилъ этому солевару его ословъ со всѣмъ его добромъ, которое онъ у него захватилъ...

Быль однажды царь, по имени Узимаресь, жизнь, здоровье, сила, и было у того царя два сына: Сатни-Хамоисъ было имя старшаго, Инаросъ имя молочнаго его брата. И былъ Сатни-Хамоисъ весьма ученъ во всякихъ вещахъ. Онъ проводилъ свое время въ посѣщеніи Мемфисскаго кладбища, дабы читать тамъ книги священнаго писанія, и книги Двойнаго Чертога Жизни, и произведенія, что начертаны на стоячихъ плитахъ и на стѣнахъ храмовъ. Онъ зналъ свойства амулетовъ и талисмановъ, онъ умѣлъ изготовлять ихъ и составлять могущественныя написанія, ибо кудесникъ былъ онъ, что не имѣлъ равнаго себѣ во всей землѣ Египетской.

И однажды, когда прогуливался онъ на паперти храма Фта, читая надписи, вотъ нѣкій человѣкъ съ благородной осанкой, бывшій тамъ, сталъ смѣяться. Сатни сказалъ ему: „Почему смѣешься ты надо мной?“ Благородный сказалъ: „Не надъ тобою вовсе смѣюсь я. Но могу ли я удержаться отъ смѣха, когда ты разбираешь здѣсь надписи, что не имѣютъ никакой силы? Если правда хочешь ты прочесть написаніе дѣйствительное, иди со мною. Я поведу тебя въ мѣсто, гдѣ находится та книга, которую самъ Тотъ написалъ собственной своей рукою, и которая тотчасъ-же

поставить тебя выше боговъ. Изъ двухъ изреченій, что написаны тамъ, если прочитаешь ты первое, ты заворозишь небо, землю, міръ ночной, горы, воды. Ты поймешь, что говорятъ птицы небесныя и пресмыкающіяся, сколько ихъ ни есть. Ты увидишь рыбъ, ибо сила божественная заставитъ ихъ всплыть на поверхность воды. Если прочтешь ты второе изреченіе, будь ты даже въ могилѣ, ты воспримешь ликъ, что былъ у тебя на землѣ. Увидишь ты даже солнце всходящимъ на небѣ съ его кругомъ боговъ, луну въ томъ ликѣ, что имѣетъ она, когда появляется“. Сатни сказалъ: „Клянусь жизнью! пусть скажутъ мнѣ, чего ты желаешь, и я повелю дать это тебѣ. Поведи меня только къ тому мѣсту, гдѣ находится книга эта!“ Благородный сказалъ Сатни: „Книга, о которой идетъ рѣчь, не моя. Она посрединѣ кладбища, въ могилѣ Неноферкефта, сына царя Меренефтиса, жизнь, здоровье, сила. Берегись отнять у него эту книгу, ибо онъ заставитъ тебя принести ее обратно, съ вилообразнымъ посохомъ въ рукахъ, съ пылающей жаровней на головѣ“. Съ того часа, какъ говорилъ къ Сатни благородный, не находилъ себѣ Сатни мѣста. Онъ пошелъ къ царю, и повторилъ онъ царю всѣ слова, что сказалъ ему благородный. Царь сказалъ ему: „Чего ты желаешь?“ Онъ сказалъ ему: „Дозволь, чтобы спустился я въ могилу Неноферкефта, сына царя Меренефтиса, жизнь, здоровье, сила. Я возьму Инароса, молочнаго брата моего, съ собою, и принесу эту книгу“. Онъ отправился на Мемфисское кладбище, вмѣстѣ съ Инаросомъ, молочнымъ братомъ своимъ. Три дня и три ночи провели они въ поискахъ среди могилъ, что на Мемфисскомъ кладбищѣ, читая плиты Двойного Чертога Жизни, разбирая надписи, которыя были на нихъ. На третій день они узнали мѣсто, гдѣ покоился Неноферкефта

Когда узнали они мѣсто, гдѣ покоился Неноферкефта, Сатни произнесъ надъ нимъ одно изреченіе, и пустота образовалась въ землѣ, и спустился Сатни къ мѣсту, гдѣ была книга.

О томъ, что увидалъ онъ прежде всего, мы не знаемъ вовсе. Кажется, что человѣкъ, встрѣченный на паперти храма Фта, былъ не кто иной, какъ самъ Неноферкефта. Его жена и сынъ были съ нимъ въ его могилѣ лишь временно, онъ же хотѣлъ помѣстить ихъ тамъ окончательно, и рассчитывалъ воспользоваться Сатни, чтобы перенести ихъ муміи изъ Коптоса, гдѣ онѣ были погребены, на Мемфисское кладбище. Въ поспѣшности своей, спускаясь въ подземелье, не выполнилъ Сатни всѣхъ нужныхъ обрядовъ, и не могъ онъ взломать дверь. Неноферкефта явился ему и указалъ ему искупительныя жертвы, которыхъ требовали Тѣни. Вѣроны и коршуны привели его безопаснымъ путемъ къ желанному мѣсту: Тамъ, гдѣ спустились они, оказался камень, который Сатни тотчасъ же отвалилъ отъ входа въ могилу. Когда проникъ онъ туда, вотъ, свѣтло было будто достигало туда Солнце, ибо исходилъ отъ книги свѣтъ, и освѣщаль онъ все вокругъ. И не одинъ былъ Неноферкефта въ могилѣ своей, но жена его, Агури, и Маихеть, сынъ его, были съ нимъ: Ибо, хотя тѣла ихъ покоились въ Коптосѣ, двойники ихъ были съ нимъ силою чаръ книги Тота. И когда проникъ Сатни въ могилу, поднялась Агури и сказала ему: „Ты, кто ты такой?“ Онъ сказалъ: „Я Сатни-Хамоисъ, сынъ царя Узимареса,—жизнь, здоровье, сила: Я пришелъ, чтобы имѣть эту книгу Тота, которую я вижу между тобой и Неноферкефта. Дай мнѣ ее, а не то я отниму ее у тебя силой.“ Агури сказала: „Прошу тебя, не давай сердцу увлечь тебя, но выслушай

лучше обо всѣхъ несчастіяхъ, что случились со мной изъ-за этой книги, о которой ты говоришь: „Дайте мнѣ ее!“ Не говори этого, ибо по причинѣ ея отнято было у насъ время, что оставалось намъ быть на землѣ.

Я зовусь Агури, дочь царя Меренефтиса, жизнь, здоровье, сила, а тотъ, кого видишь ты здѣсь рядомъ со мною, это братъ мой, Неноферкефта. Мы рождены отъ одного отца и отъ одной матери, и не было больше другихъ дѣтей у родителей нашихъ, кромѣ насъ. Когда настала пора выйти мнѣ замужъ, привели меня къ царю въ часъ увеселенія съ царемъ: Я была очень нарядна, и красивою я была найдена. Царь сказалъ: „Вотъ Агури, дочь наша, уже взрослая, и пришла пора выдать ее замужъ. За кого выдадимъ мы Агури, дочь нашу?“ Я же любила Неноферкефта, брата моего, чрезвычайно, и не желала другого мужа, кромѣ него. Я сказала это матери моей, она пошла къ царю Меренефтису, она сказала ему: „Агури, наша дочь, любить Неноферкефта, своего старшаго брата: Поженимъ ихъ, какъ это въ обычаѣ“. Когда царь выслушалъ всѣ слова, что сказала мать моя, онъ сказалъ: „У тебя всего двое дѣтей, и ты хочешь поженить ихъ одного на другомъ? Не лучше ли выдать Агури за сына одного начальника пѣхоты, а Неноферкефта женить на дочери другого начальника пѣхоты?“ Она сказала: „Ты ли это укоряешь меня? Даже если и нѣтъ у меня дѣтей послѣ этихъ двухъ дѣтей, не законъ ли это женить ихъ одного на другомъ?“ — „Я поженю Неноферкефта съ дочерью одного начальника войскъ, а Агури выдамъ за сына другого начальника войскъ, и да будетъ это ко благу семейства нашего!“ Когда насталъ часъ празднованія передъ Фараономъ, вотъ, пошли за мной, привели меня на граздникъ. Я была очень смущена, и не такой у меня былъ видъ,

какъ наканунѣ. И сказалъ мнѣ Фараонъ: „Не ты ли это послала ко мнѣ эти глупыя слова: „Пожени меня съ Неноферкефта, моимъ старшимъ братомъ?“ Я ему сказала: „Хорошо! пусть выдадутъ меня за сына одного начальника пѣхоты, и пусть поженятъ Неноферкефта съ дочерью другого начальника пѣхоты, и да будетъ это ко благу семейства нашего!“ — Я засмѣялась, Фараонъ засмѣялся, Фараонъ сказалъ начальнику царскаго дома: „Пусть отвѣдутъ Агури въ домъ Неноферкефта въ эту же самую ночь. Пусть снесутъ всякаго рода прекрасные подарки вмѣстѣ съ ней“. Они отвели меня, какъ супругу, въ домъ Неноферкефта, и Фараонъ повелѣлъ принести мнѣ большое приданое изъ золота и серебра, и всѣ люди дома царскаго приносили его мнѣ. Неноферкефта провелъ день счастливый со мной. Онъ принялъ всѣхъ людей дома царскаго, и спалъ онъ со мною въ эту же самую ночь, и нашелъ онъ меня дѣвственной, и позналъ онъ меня еще и еще, ибо каждый изъ насъ любилъ другого. Когда настало время очищеній моихъ, вотъ, не было у меня очищеній. Пошли возвѣстить объ этомъ Фараону, и сердце его возрадовалось очень, и повелѣлъ онъ взять всякаго рода драгоценныя вещи изъ имуществъ дома царскаго, и повелѣлъ онъ принести мнѣ очень красивыя подарки изъ золота, изъ серебра, изъ тканей тонкаго полотна. Когда настало для меня время родить, я родила это дитя малое, что передъ тобой. Ему дали имя Маихеть, и вписали его въ списки Двойного Чертога Жизни.

И много дней послѣ того Неноферкефта, братъ мой, казалось, пребывалъ на землѣ затѣмъ лишь, чтобы прогуливаться по Мемфисскому кладбищу, читая письма, что въ могилахъ фараоновъ, и плиты писцовъ Двойного Чертога Жизни, также и письма, что на

нихъ начертаны, ибо занимали его письма чрезвычайно. Послѣ того было шествіе въ честь бога Фта, и Неноферкефта взошелъ въ храмъ помолиться. И вотъ, когда слѣдовалъ онъ за шествіемъ, разбирая начертанія, что на часовняхъ боговъ, увидалъ его нѣкій старецъ, и засмѣялся. Неноферкефта сказалъ ему: „Почему смѣешься ты надо мной?“ Жрецъ сказалъ: „Не надъ тобою вовсе я смѣюсь. Но могу ли я не смѣяться, когда ты читаешь здѣсь письма, что не имѣютъ никакой силы? Если вправду хочешь ты прочесть письма, приходи ко мнѣ, я поведу тебя къ мѣсту, гдѣ находится та книга, которую самъ Тотъ написалъ собственной своей рукой, когда сошелъ онъ на землю послѣдъ богамъ. Изъ двухъ заклинаній, что написаны тамъ, если произнесешь ты первое, ты зачаруешь небо, землю, міръ ночной, горы, воды; ты поймешь, что говорятъ птицы небесныя и пресмыкающіяся, сколько ихъ ни есть; ты увидишь рыбъ бездны, ибо сила божественная наляжетъ на воду, что надъ ними. Если прочитаешь ты второе заклинаніе, даже будь ты въ могилѣ, ты воспримешь ликъ, что имѣлъ ты на землѣ, увидишь ты даже Солнце всходящимъ на небѣ съ его кругомъ боговъ, и Луну въ томъ ликѣ, что имѣетъ она, когда появляется“. Неноферкефта сказалъ жрецу: „Клянусь жизнью царя! пусть скажутъ мнѣ, чего хорошаго желаешь ты, и я повелю дать тебѣ это, если отведешь ты меня къ мѣсту, гдѣ книга эта“. Жрецъ сказалъ Неноферкефта: „Если желаешь ты, чтобы я направилъ тебя къ мѣсту, гдѣ книга эта, ты дашь мнѣ сто серебряныхъ монетъ на погребеніе мое, и ты закажешь мнѣ два гроба богатаго жреца“. Неноферкефта призвалъ слугу и приказалъ онъ, чтобы выдали сто серебряныхъ монетъ жрецу, потомъ заказалъ онъ ему два гроба, которые желалъ онъ;

однимъ словомъ, исполниль онъ все, что сказалъ ему жрецъ. Жрецъ сказалъ Неноферкефта: „Книга, о которой идетъ рѣчь, находится посрединѣ Коптскаго моря, въ ларцѣ изъ желѣза. Ларецъ изъ желѣза въ ларцѣ изъ бронзы; ларецъ изъ бронзы въ ларцѣ изъ коричнеаго дерева; ларецъ изъ коричнеаго дерева въ ларцѣ изъ слонової кости и чернаго дерева; ларецъ изъ слонової кости и чернаго дерева въ ларцѣ серебряномъ; ларецъ серебряный въ ларцѣ золотомъ, и въ немъ книга. И есть тамъ мѣра великая змѣй, скорпіоновъ, и всякаго рода пресмыкающихся вокругъ ларца, въ коемъ книга, и есть змѣй безсмертный, что обвиваетъ ларецъ, о коемъ идетъ рѣчь“.

Съ того часа, какъ говорилъ жрецъ съ Неноферкефта, не находилъ себѣ Неноферкефта мѣста нигдѣ. Онъ вышелъ изъ храма, онъ разсказалъ мнѣ обо всемъ, что съ нимъ случилось; онъ сказалъ мнѣ: „Я отправлюсь въ Коптось, я принесу оттуда книгу эту и не удалюсь больше изъ страны Сѣвера“. И возмутилась я на жреца, говоря: „Берегись Амона ради себя самого, по причинѣ того, что сказалъ ты Неноферкефта. Ибо ссору привелъ ты мнѣ, войны ты мнѣ принесть, и страну Оиваиды, враждебной нахожу я ее счастьемъ моему“. Я воздѣла руку свою къ Неноферкефта, чтобы не отбывалъ онъ въ Коптось, но онъ не послушался меня, онъ пошелъ предъ Фараона, и сказалъ онъ предъ Фараономъ всѣ слова, что сказалъ ему жрецъ. Фараонъ сказалъ ему: „Каково желаніе сердца твоего?“ Онъ сказалъ ему: „Пусть дадутъ мнѣ ладью царскую въ полномъ снаряженіи. Я возьму Агури, сестру мою, и Маихеть, ея дитя малое, на Югъ со мною; я привезу книгу эту, и больше не удалюсь отсюда“. Ему дали ладью въ полномъ снаряженіи, мы отчалили на ней, мы совершили путешествіе, мы прибыли въ Коптось. Когда

доложили объ этомъ жрецамъ Изиды Коптской и верховному жрецу Изиды, вотъ, спустились они къ намъ немедленно: Направились они навстрѣчу Неноферкефта, и жены ихъ спустились навстрѣчу мнѣ. Мы высадились, и пошли мы въ храмъ Изиды и Гарпократа. Неноферкефта велѣлъ доставить быка, гуся, вина, онъ совершилъ жертвоприношеніе и возліяніе передъ Изидой Коптской и Гарпократомъ; потомъ насъ отвели въ домъ, весьма красивый и полный всякаго рода вещей благихъ. Неноферкефта провелъ пять дней счастливыхъ съ жрецами Изиды Коптской, между тѣмъ какъ жены жрецовъ Изиды Коптской проводили дни счастливые со мной. Когда настало утро слѣдующаго дня нашего, Неноферкефта велѣлъ принести себѣ чистаго воску въ большомъ количествѣ; онъ изготовилъ изъ него лодку, наполненную гребцами и матросами, и произнесъ заклинаніе надъ ними, онъ оживилъ ихъ, онъ далъ имъ дыханіе, онъ бросилъ ихъ въ воду. Онъ наполнилъ царскую ладью пескомъ, онъ простился со мною, онъ отплылъ, а сама я сѣла у моря Коптскаго, говоря: „Я узнаю, что съ нимъ будетъ!“

Онъ сказалъ: „Гребцы, гребите для меня до того мѣста, гдѣ книга эта“, и гребли они для него, какъ днемъ, такъ и ночью. Когда онъ прибылъ туда въ три дня, онъ бросилъ передъ собой песокъ, и пустота образовалась въ рѣкѣ. Когда нашелъ онъ мѣру великую змѣй, скорпионовъ, и всякаго рода пресмыкающихся вокругъ ларца, гдѣ находилась книга, и когда узналъ онъ змѣя вѣчнаго вокругъ самого ларца, онъ произнесъ заклинаніе надъ мѣрою змѣй, скорпионовъ, и пресмыкающихся, что были кругомъ ларца, и не далъ имъ ускользнуть. Онъ пришелъ къ мѣсту, гдѣ пребывалъ змѣй вѣчный, онъ вступилъ съ нимъ въ рукопашную, онъ его убилъ. Змѣй вернулся къ

жизни и снова принять свой ликъ. Онъ вступилъ въ рукопашную со змѣемъ во второй разъ, онъ убилъ его. Змѣй и опять вернулся къ жизни. Онъ вступилъ съ нимъ въ рукопашную въ третій разъ, онъ разрубилъ его на два куска, онъ насыпалъ песку между однимъ кускомъ и другимъ кускомъ. Змѣй умеръ и не принялъ больше прежняго лика своего. Неноферкефта пошелъ къ мѣсту, гдѣ былъ ларецъ, и узналъ онъ, что это былъ ларецъ желѣзный. Онъ открылъ его, и нашель онъ ларецъ изъ бронзы. Онъ открылъ его, и нашель онъ ларецъ изъ коричнеаго дерева. Онъ открылъ его, и нашель онъ ларецъ изъ слоновой кости и чернаго дерева. Онъ открылъ его, и нашель онъ ларецъ изъ серебра. Онъ открылъ его, и нашель онъ ларецъ изъ золота. Онъ открылъ его, и нашель онъ, что книга была внутри. Онъ вынулъ книгу, о коей идетъ рѣчь, изъ ларца золотого, и прочиталъ онъ одно заклинаніе изъ того, что было тамъ написано: Онъ зачаровалъ небо, землю, міръ ночной, горы, воды; онъ понималъ все, что говорили птицы небесъ, рыбы водъ, четвероногія горъ. Онъ произнесъ другое заклинаніе изъ написанія, и увидалъ онъ Солнце, что всходитъ на небѣ, съ его кругомъ боговъ, Луну всходящую, звѣзды въ ликѣ ихъ; увидалъ онъ рыбъ бездны, ибо сила божественная налегла на воду надъ ними. Онъ произнесъ заклинаніе на воду, и заставилъ ее принять прежній свой видъ. Онъ снова сѣлъ въ лодку; онъ сказалъ гребцамъ: „Гребите для меня до того мѣста, гдѣ Агури“. Они гребли для него, какъ днемъ, такъ и ночью. Когда онъ прибылъ къ тому мѣсту, гдѣ я находилась, въ три дня, нашель онъ меня сидящей у моря Коптскаго: Я не пила и не ѣла, ничего на свѣтъ не дѣлала я, была я какъ человѣкъ, прибывшій въ Обитель Благую. Я сказала Неноферкефта:

„Ради жизни царя! дай, чтобы увидела я книгу эту, ради которой вынесли мы всё эти муки“. Онъ далъ книгу въ мои руки. Я прочитала одно заклинаніе изъ написанія, что было тамъ: Я зачаровала небо, землю, міръ ночной, горы, воды; я поняла все, что говорили птицы небесъ, рыбы бездны, четвероногія. Я произнесла другое заклинаніе написанія: Я увидела Солнце, что появлялось на небѣ со своимъ кругомъ боговъ, я увидела Луну всходящую, и всё звѣзды неба въ ликѣ ихъ. Я увидела рыбъ воды, ибо была сила божественная, что налегла на воду надъ ними. А какъ не умѣла я писать, съ Неноферкефта не могла и сравниться, съ моимъ старшимъ братомъ, что былъ пи-сець совершенный и мужъ весьма ученый. Велѣлъ онъ принести себѣ кусокъ нетронутаго папируса, онъ написалъ на немъ всё слова, что были въ книгѣ, онъ смочилъ его пивомъ, онъ растворилъ все вмѣстѣ въ водѣ. Когда узналъ онъ, что все растворилось, онъ выпилъ, и позналъ онъ все, что было въ написаніи.

Мы вернулись въ Коптосъ въ тотъ же день, и провели мы день счастливый передъ лицомъ Изиды Коптской и Гарпократа. Мы отчалили, мы поплыли, мы достигли сѣвера Коптоса, на разстояніи одной мѣры великой. И вотъ, узналъ Тотъ обо всемъ, что произошло съ Неноферкефта по поводу книги этой, и не замедлил Тотъ пожаловаться Ра, говоря: „Знай, что право мое и мой законъ у Неноферкефта, сына царя Меренефтиса,—жизнь, здоровье, сила. Онъ проникъ въ жилище мое, онъ ограбилъ его, онъ взялъ мой ларець съ моей книгой зачарованій, онъ убилъ стража моего, что оберегалъ ларець“. Было сказано ему: „Твой онъ, онъ и всё его, всё“. Свели съ неба силу божественную, говоря: „Да не прибудетъ Неноферкефта здравъ и невредимъ въ Мемфисъ,

онъ и кто бы ни былъ съ нимъ“. Въ этотъ самый часъ Маихеть, дитя малое, вышелъ изъ подъ навѣса ладьи Фараона, онъ упалъ въ рѣку, когда восхвалялъ Ра, и всѣ, кто были на лодкѣ, испустили крикъ. Неноферкефта вышелъ изъ каюты; онъ произнесъ заклинаніе надъ ребенкомъ, и заставилъ онъ его всплыть, ибо была въ немъ сила божественная, что налегла на воду надъ нимъ. Онъ произнесъ заклинаніе надъ нимъ, онъ заставилъ его рассказать обо всемъ, что произошло съ нимъ, и объ обвиненіи, что произнесъ Тотъ передъ лицомъ Ра. Мы возвратились въ Коптосъ съ нимъ, мы велѣли отнести его въ Обитель Благоую, мы приставили къ нему людей для погребальныхъ обрядовъ, мы велѣли набальзамировать его, какъ подобаешь высокородному, мы положили его въ гробу на кладбищѣ Коптоса. Неноферкефта, братъ мой, сказалъ: „Ѣдемъ, поспѣшимъ вернуться прежде, чѣмъ царь услышитъ о томъ, что случилось съ нами, и чѣмъ смутится сердце его о томъ“. Мы отчалили, мы поплыли, мы не замедлили прибыть на сѣверъ отъ Коптоса, на разстояніе одной мѣры великой, къ мѣсту, гдѣ дитя малое, Маихеть, упало въ рѣку. Я вышла изъ подъ навѣса ладьи Фараона, я упала въ рѣку, когда восхваляла Ра, и всѣ, кто были въ лодкѣ, испустили крикъ. Сказали Неноферкефта объ этомъ, и вышелъ онъ изъ-подъ навѣса ладьи Фараона. Онъ произнесъ заклинаніе надо мной, и заставилъ онъ меня всплыть, ибо была въ немъ сила божественная, что налегла на воду надо мной. Онъ велѣлъ вытащить меня изъ рѣки, онъ произнесъ заклинаніе надо мной, онъ заставилъ меня рассказать обо всемъ, что случилось со мной, и объ обвиненіи, что произнесъ Тотъ передъ лицомъ Ра. Онъ возвратился въ Коптосъ со мной, онъ велѣлъ принести

меня въ Обитель Благую, онъ приставилъ ко мнѣ людей для погребальныхъ обрядовъ, онъ велѣлъ набальзамировать меня, какъ подобаетъ лицу очень высоко-родному, онъ велѣлъ положить меня въ гробницу, гдѣ уже лежалъ Маихетъ, дитя малое. Онъ отчалилъ, онъ поплылъ, онъ не замедлилъ прибыть на сѣверъ отъ Коптоса, на разстояніе одной мѣры великой, къ мѣсту, гдѣ упали мы въ рѣку. Онъ заговорилъ съ сердцемъ своимъ, говоря: „Не лучше ли было бы отправиться въ Коптосъ и остаться мнѣ тамъ съ ними? Если, наоборотъ, вернусь я немедленно въ Мемфисъ, и спросятъ меня Фараонъ о дѣтяхъ своихъ, что скажу я ему? Смогу ли я сказать ему это: „Я взялъ дѣтей твоихъ съ собой въ округъ Өивъ, я убилъ ихъ, и я живу, я возвращаюсь въ Мемфисъ еще живымъ“. Онъ велѣлъ принести себѣ кусокъ тонкаго царскаго полотна, что принадлежалъ ему, онъ приготовилъ изъ него волшебную повязку, онъ связалъ ею книгу, онъ положилъ ее себѣ на грудь и крѣпко привязалъ ее къ ней. Неноферкефта вышелъ изъ подъ навѣса ладьи Фараона, онъ упалъ въ воду, когда восхвалялъ Ра, и всѣ, кто были въ лодкѣ, испустили крикъ, говоря: „О, скорбь великая, скорбь горькая! Не ушелъ ли писецъ превосходный, ученый, кому не было равнаго!“

Ладья Фараона совершила путь свой прежде, чѣмъ кто бы то ни было на свѣтѣ узналъ, въ какомъ мѣстѣ былъ Неноферкефта.

Когда прибыли въ Мемфисъ, доложили объ этомъ Фараону, и спустился Фараонъ навстрѣчу ладьѣ. Онъ былъ въ плащѣ скорби и все войско Мемфисское было въ плащахъ скорби, какъ и жрецы Фта, верховный жрецъ Фта и всѣ приближенные. И вотъ, увидали они Неноферкефта,

что былъ прицѣпленъ къ рулю ладьи Фараона, силою знаній писца превосходнаго. Его сняли, увидали книгу на груди у него, и сказалъ Фараонъ: „Снимите книгу эту, что на груди у него“. Приближенные Фараона, какъ и жрецы Фта, и верховный жрецъ Фта, сказали предъ царемъ: „О, великій владыка нашъ — да будетъ долговѣченъ онъ, какъ Ра!—это писецъ превосходный, мужъ очень ученый, Неноферкефта“. Фараонъ велѣлъ доставить его въ Обитель Благую на время шестнадцати дней, облачить въ ткани на время тридцати пяти дней, предавать погребенію на протяженіи семидесяти дней; потомъ его положили въ гробницу его посреди обителей упокоенія.

Я разсказалъ тебѣ обо всѣхъ несчастіяхъ, что постигли насъ по причинѣ этой книги, о которой говоришь ты: „Дайте ее мнѣ“. У тебя нѣтъ на нее никакого права, ибо, по причинѣ ея отнято у насъ было время, что надлежало намъ оставаться на землѣ“. Сатни сказалъ: „Агури, дай мнѣ книгу эту, что вижу я между тобой и Неноферкефта, или я возьму ее силой“. Неноферкефта поднялся на ложѣ и сказалъ: „Не Сатни ли ты, кому женщина эта повѣдала о всѣхъ тѣхъ несчастіяхъ, коихъ ты не испыталь? Этой книгой, о которой идетъ рѣчь, способенъ ли ты завладѣть ею силой писца превосходнаго или умѣнемъ сыграть со мною? Разыграемъ ее въ шашки“. Сатни сказалъ: „Идетъ“. Вотъ, принесли имъ доску съ ея собаками, и стали они играть въ шашки. Неноферкефта выигралъ одну игру у Сатни, онъ произнесъ надъ нимъ свое заклинаніе, онъ положилъ на него игральную доску, что была передъ нимъ, и заставилъ его погрузиться въ землю до колѣна. Онъ поступилъ такимъ же образомъ при второй игрѣ, онъ обыгралъ Сатни, и заставилъ его

погрузиться въ землю до паха. Онъ поступилъ такимъ же образомъ при третьей игрѣ, и заставилъ онъ погрузиться Сатни въ землю до ушей. Послѣ этого Сатни схватилъ Неноферкефта своей рукой, Сатни позвалъ Инароса, брата своего молочнаго, говоря: „Не медля поднимись на землю, расскажи обо всемъ, что со мной происходитъ, предъ Фараономъ, и принеси мнѣ талисманы отца моего, Фта, а также волшебныя книги мои“. Онъ не медля поднялся на землю, онъ разсказалъ предъ Фараономъ обо всемъ, что произошло съ Сатни, и сказалъ Фараонъ: „Отнеси ему талисманы Фта, отца его, а также и волшебныя книги его“. Инаросъ не медля спустился въ могилу; онъ положилъ талисманы на тѣло Сатни, и поднялся онъ изъ земли тотчасъ же. Сатни протянулъ руку за книгой и схватилъ ее; и когда Сатни поднялся изъ могилы, свѣтъ шелъ впереди его, и тьма шла позади его. Агури плакала ему вслѣдъ, говоря: „Слава тебѣ, о тьма! Слава тебѣ, о свѣтъ! Сила вышла изъ могилы нашей вся“. Неноферкефта сказалъ Агури: „Не терзайся вовсе. Я заставлю его принести эту книгу потомъ обратно, съ жезломъ вилообразнымъ въ рукѣ, съ пылающей жаровней на головѣ“. Сатни поднялся изъ могилы, и замкнулъ онъ ее за собой, какъ была она раньше. Сатни пошелъ предъ Фараона, и разсказалъ онъ Фараону все, что приключилось съ нимъ изъ-за книги той. Фараонъ сказалъ Сатни: „Положи книгу эту обратно въ могилу Неноферкефта, какъ человѣкъъ благоразумный; не то, онъ заставитъ тебя принести ее обратно, съ жезломъ вилообразнымъ въ рукѣ, съ пылающей жаровней на головѣ“. Но Сатни совсѣмъ не слушалъ его; не было у него другой заботы на свѣтъ, какъ развернуть свитокъ и читать его передъ кѣмъ бы то ни было.

И вотъ случилось однажды, что, когда Сатни прогуливался по паперти храма Фта, увидаль онъ нѣкую женщину, весьма красивую, ибо не было женщины, что сравнилась бы съ ней красотою; много золота было на ней, и молодья дѣвушки шли за нею, и были при ней слуги, въ числѣ пятидесяти двухъ. Въ часъ, когда увидаль ее Сатни, не зналъ уже онъ болѣе, гдѣ онъ находится. Сатни подозваль слугу своего, говоря: „Не медля иди въ то мѣсто, гдѣ эта женщина, и узнай, кто она такая есть“. Нисколько не замедлилъ слуга пойти въ то мѣсто, гдѣ была женщина. Онъ обратился къ прислужницѣ, что слѣдовала за ней, и спросилъ ее, говоря: „Кто эта особа?“ Она сказала ему: „Это Тбубуи, дочь пророка Бастить, владычицы Анхутауи, что идетъ нынѣ совершить моленіе свое передъ Фта, богомъ великимъ“. Когда юноша вернулся къ Сатни, онъ разсказаль всѣ слова, что сказала она ему, безъ исключенія. Сатни сказаль юношѣ: „Ступай сказать прислужницѣ слѣдующее: Сатни-Хамойсь, сынъ Фараона Узимареса, тотъ, кто посылаетъ меня, говоря: „Я дамъ тебѣ десять золотыхъ монетъ, чтобы провела ты часъ одинъ со мною“. Если къ насилію будетъ надо прибѣгнуть, онъ совершитъ его, и увлечетъ онъ тебя въ мѣсто сокрытое, гдѣ никто въ мірѣ тебя не найдетъ“. Когда юноша вернулся къ мѣсту, гдѣ была Тбубуи, онъ обратился къ служанкѣ, и онъ заговорилъ съ ней; она воскликнула на слова эти, какъ если-бы было это оскорбленіемъ сказать ихъ. Тбубуи сказала юношѣ: „Перестань говорить съ этой дрянной дѣвчонкой; подойди и скажи мнѣ“. Юноша подошелъ къ мѣсту, гдѣ была Тбубуи, онъ сказаль ей: „Я дамъ тебѣ десять золотыхъ мо-

нетъ, чтобы провела ты часъ съ Сатни-Хамоисомъ, сыномъ Фараона Узимареса. Если будетъ къ насилію надо прибѣгнуть, онъ совершитъ его, и увлечетъ онъ тебя въ мѣсто скрытое, гдѣ никто въ мірѣ тебя не найдетъ“. Тбубуи сказала: „Ступай, скажи Сатни: „Я дочь жреца, я не какая-нибудь. Если желаешь ты имѣть удовольствіе твое со мною, ты придешь въ Бубастъ, въ домъ мой. Все будетъ тамъ готово, и ты будешь имѣть удовольствіе твое со мною, а никто въ мірѣ про то не узнаетъ, и не совершу я поступка женщины уличной“. Когда слуга возвратился къ Сатни, онъ повторилъ ему всѣ слова, что сказала она, безъ исключенія, и тотъ сказалъ: „Вотъ это угодно мнѣ“. Но тотъ, кто былъ съ Сатни, произнесъ проклятіе.

Сатни велѣлъ привести себѣ лодку, сѣлъ въ нее, и не замедлилъ прибыть въ Бубастъ. Онъ пошелъ къ западу въ городъ, пока не увидѣлъ домъ, который былъ весьма высокъ: Была стѣна вокругъ всего дома, былъ садъ съ сѣверной стороны, было крыльцо на лицевой сторонѣ. Сатни освѣдомился, говоря: „Этотъ домъ, чей онъ домъ?“ Ему сказали: „Это домъ Тбубуи“. Сатни взошелъ за ограду, и любовался онъ бесѣдкой, выстроенной въ саду, между тѣмъ какъ пошли предупредить Тбубуи. Она сошла, она взяла Сатни за руку, и она ему сказала: „Клянусь жизнью! путешествіе въ домъ жреца Баститъ, владычицы Анхутауи, куда прибылъ ты, весьма пріятно мнѣ. Поди со мною навверхъ“. Сатни взошелъ навверхъ по лѣстницѣ дома вмѣстѣ съ Тбубуи. Онъ нашелъ верхнее помѣщеніе дома посыпаннымъ пескомъ и порошкомъ изъ настоящаго камня лазури и бирюзы настоящей. Были тамъ постели, покрытыя тканями царскаго полотна, также много золотыхъ чашъ на столѣ. Наполнили виномъ одну

чашу золотую, подали ее Сатни, и сказала ему Тбубуи: „Соизволь пировать“. Онъ сказалъ ей: „Не за этимъ пришелъ я сюда“. Положили благовонныхъ дровъ на огонь, принесли благовонія, изъ тѣхъ, что Фараону уготованы, и Сатни провелъ день счастливый съ Тбубуи, ибо никогда еще не видалъ онъ ей подобной. Тогда Сатни сказалъ Тбубуи: „Совершимъ то, ради чего мы пришли сюда“. Она сказала ему: „Ты въ домѣ твоёмъ, въ томъ, гдѣ ты. Но я, я дочь жреца, я не какая-нибудь. Если хочешь ты имѣть удовольствіе твое со мною, ты составишь дарственную запись для содержанія моего и передашь ты мнѣ письменно приданое изъ всѣхъ вещей и владѣній, что принадлежать тебѣ“. Онъ сказалъ ей: „Пусть приведутъ писца ученаго“. Его привели тотчасъ же, и Сатни велѣлъ составить въ пользу Тбубуи дарственную запись для содержанія ея, и передалъ ей письменно приданое изъ всѣхъ вещей и владѣній, что принадлежали ему. Часъ спустя пришли возвѣстить Сатни: „Дѣти твои тамъ внизу“. Онъ сказалъ: „Пусть войдутъ сюда“. Встала Тбубуи, она облекла себя въ одежду изъ тонкаго полотна, и Сатни увидѣлъ всѣ члены ея сквозь нее, и желаніе его возросло еще болѣе, чѣмъ прежде. Сатни сказалъ Тбубуи: „Да совершу я теперь то, ради чего пришелъ я“. Она сказала ему: „Ты въ домѣ твоёмъ, въ томъ, гдѣ ты. Но я, я дочь жреца, я не какая-нибудь. Если желаешь ты имѣть удовольствіе твое со мною, ты велишь дѣтямъ своимъ подписать написаніе мое, дабы не оспаривали они у моихъ дѣтей богатствъ твоихъ“. Сатни велѣлъ привести дѣтей своихъ, и заставилъ ихъ подписаться подъ написаніемъ. Сатни сказалъ Тбубуи: „Да свершу я теперь то, ради чего пришелъ я нынѣ“. Она сказала ему: „Ты въ домѣ твоёмъ, въ томъ, гдѣ ты. Но я, я

дочь жреца, я не какая-нибудь. Если желаешь ты имѣть удовольствіе твое со мною, ты повелишь убить дѣтей твоихъ, дабы не искали они ссоры съ моими изъ-за богатствъ твоихъ“. Сатни сказалъ: „Да совершать надъ ними преступленіе, желаніе коего вошло въ сердце твое“. Она велѣла убить дѣтей Сатни передъ лицомъ его, она велѣла бросить ихъ внизъ изъ окна собакамъ и кошкамъ, и тѣ ѣли тѣла ихъ, и онъ слышалъ ихъ въ то время, какъ пилъ съ Тбубуи. Сатни сказалъ Тбубуи: „Совершимъ то, ради чего мы пришли сюда, ибо все, что сказала ты передо мною, это было сдѣлано для тебя“. Она сказала ему: „Иди въ эту комнату“. Сатни вошелъ въ комнату, онъ легъ на постель изъ слоновой кости и чернаго дерева, дабы любовь его получила награду свою, и Тбубуи легла рядомъ съ Сатни. Онъ протянулъ руку, чтобы коснуться ея. Она открыла свой ротъ, и изо рта ея вылетѣла буря.

Когда Сатни пришелъ въ себя, онъ былъ въ пекарнѣ безъ всякой одежды на себѣ. Чась спустя, Сатни увидаль высокаго человѣка на помостѣ, съ множествомъ людей у ногъ его, ибо имѣлъ онъ видъ Фараона. Сатни собрался встать, но онъ не могъ встать отъ стыда, ибо не имѣлъ онъ вовсе одежды на себѣ. Фараонъ сказалъ: „Сатни, что значитъ это состояніе, въ коемъ находишься ты?“ Онъ сказалъ: „Это Неноферкефта заставилъ меня сдѣлать все это“. Фараонъ сказалъ: „Ступай въ Мемфисъ. Твои дѣти, вотъ, желаютъ они тебя, вотъ, стоятъ они передъ Фараономъ“. Сатни сказалъ предъ Фараономъ: „Великій повелитель мой, царь—да будетъ онъ долговѣченъ, какъ Ра!—какъ могу я прибыть въ Мемфисъ, если совершенно никакой одежды нѣтъ на мнѣ?“ Фараонъ позвалъ одного изъ приближенныхъ, что стоялъ возлѣ него, и приказалъ

онъ ему дать одежду Сатни. Фараонъ сказалъ: „Сатни, ступай въ Мемфисъ. Дѣти твои, вотъ, живы они, вотъ, стоятъ они предъ царемъ“. Сатни отбыль въ Мемфисъ; онъ радостно обнялъ дѣтей своихъ, ибо живы они были. Фараонъ сказалъ: „Опьяненіе ли заставило тебя сдѣлать все это?“ Сатни разсказалъ все, что произошло у него съ Тбубуи и Неноферкефта. Фараонъ сказалъ: „Сатни, я приходилъ уже тебѣ на помощь, говоря: „Тебя убьютъ, если не отнесешь ты книгу эту обратно къ мѣсту, откуда принесъ ты ее для себя“, но не послушалъ ты меня до сего часа. Теперь отнеси книгу Неноферкефта обратно, съ жезломъ вилообразнымъ въ рукѣ, съ пылающей жаровней на головѣ“. Сатни вышелъ отъ Фараона, съ жезломъ вилообразнымъ въ рукахъ, съ пылающей жаровней на головѣ, и спустился онъ въ могилу, гдѣ былъ Неноферкефта. Агури сказала ему: „Сатни, это Фта, богъ великій, что привелъ тебя сюда здоровымъ и невредимымъ!“ Неноферкефта засмѣялся, говоря: „Это и есть то, что заранѣе сказалъ я тебѣ“. Сатни сталъ разговаривать съ Неноферкефта, и увидалъ онъ, что, пока говорили они, Солнце было во всей могилѣ. Агури и Неноферкефта разговаривали съ Сатни много. Сатни сказалъ: „Неноферкефта, не есть ли это вещь унижительная, которой требуешь ты?“ Неноферкефта сказалъ: „Сатни, ты знаешь это, именно, Агури и Маихеть, дитя ея, находятся въ Коптосѣ, а также и въ этой могилѣ, умѣніемъ писца искуснаго. Да будетъ приказано тебѣ взять на себя трудъ сей, отправиться въ Коптосъ и перенести ихъ сюда“.

Сатни поднялся изъ могилы; онъ пошелъ предъ Фараона, онъ разсказалъ предъ Фараономъ все, что сказалъ ему Неноферкефта. Фараонъ сказалъ: „Сатни, ступай въ Коптосъ и перенеси Агури и Маихеть, дитя ея“. Онъ

сказаль предъ Фараономъ: „Пусть дадутъ мнѣ ладью Фараона и снаряженіе ея“. Ему дали ладью Фараона и снаряженіе ея, онъ сѣлъ въ нее, онъ отправился, онъ не замедлилъ прибыть въ Коптось. Увѣдомили объ этомъ жрецовъ Изиды Коптской и верховнаго жреца Изиды: Вотъ, спустились они на встрѣчу ему, они сошли къ берегу. Онъ высадился, онъ пошелъ въ храмъ Изиды Коптской и Гарпократа. Онъ велѣлъ доставить быка, гусей, вина, онъ совершилъ жертвоприношеніе и возліяніе предъ Изидой Коптской и Гарпократомъ. Онъ пошелъ на кладбище Коптоса со жрецами Изиды и верховнымъ жрецомъ Изиды. Они провели три дня и три ночи въ поискахъ среди могилъ, что на кладбищѣ Коптоса, сдвигая плиты писцовъ Двойного Чертога Жизни, читая надписи, что были на нихъ; они не нашли покоевъ, гдѣ покоились Агури и Маихеть, дитя ея. Неноферкефта узналъ, что они не находили покоевъ, гдѣ покоились Агури и Маихеть, ея дитя. Онъ явился въ ликѣ старца, жреца очень преклоннаго возраста, и предсталъ онъ передъ Сатни. Сатни увидалъ его, Сатни сказаль старцу: „У тебя видъ человѣка преклонныхъ лѣтъ. Не знаешь ли ты обителей, гдѣ покоятся Агури и Маихеть, ея дитя?“ Старецъ сказаль Сатни: „Отець отца моего отца сказаль отцу моего отца, говоря: „Отець отца моего отца сказаль отцу моего отца: Покои, гдѣ покоятся Агури и Маихеть, дитя ея, суть подъ южнымъ угломъ дома жреца.“ Сатни сказаль старцу: „Быть можетъ, жрецъ нанесъ тебѣ оскорбленіе, и поэтому хочешь ты разрушить домъ его?“ Старецъ сказаль Сатни: „Пусть возьмутъ меня подъ стражу, потомъ пусть снесутъ домъ жреца, и, если окажется, что совсѣмъ не найдутъ Агури и Маихета, дитя ея, подъ южнымъ угломъ дома жреца, пусть поступать со мною,

какъ съ преступникомъ“. Взяли старца подъ стражу, нашли покой, гдѣ покоились Агури и Маихеть, дитя ея, подъ южнымъ угломъ дома жреца. Сатни велѣлъ перенести этихъ высокихъ особъ въ ладью Фараона, потомъ велѣлъ онъ отстроить домъ жреца, такимъ, какъ былъ онъ прежде. Неноферкефта далъ знать Сатни, что онъ это явился въ Коптосъ, дабы открыть ему покой, гдѣ покоились Агури и Маихеть, дитя ея.

Сатни сѣлъ въ ладью Фараона. Онъ совершилъ путешествіе, онъ не замедлилъ прибыть въ Мемфисъ, и всѣ тѣ, что сопровождали его. О немъ доложили Фараону, и Фараонъ спустился навстрѣчу ладьѣ Фараона; онъ велѣлъ перенести высокихъ особъ въ могилу, гдѣ былъ Неноферкефта, и велѣлъ онъ запечатать верхній ея покой тотчасъ же. — Это написаніе полное, гдѣ разсказана повѣсть о Сатни-Хамоисѣ и о Неноферкефта, а также объ Агури, его женѣ, и о Маихетѣ, сынѣ ея, было написано писцомъ Зигарпто, года пятнадцатаго, мѣсяца Тиби.

ПОВѢСТЬ ПРАВДИВАЯ О САТМИ-ХАМОИСѢ И О
СЫНѢ ЕГО СЕНОЗИРИСѢ.

Быль однажды царь, по имени Узимаресь,—жизнь, здоровье, сила,—и быль среди дѣтей его сынъ, по имени Сатми, писецъ съ перстами искусными, и весьма ученый во всякаго рода вещахъ: Больше всѣхъ людей на свѣтѣ преуспѣлъ онъ въ искусствахъ, въ коихъ отличаются писцы Египетскіе, и не было ученаго, что сравнялся бы съ нимъ, во Всея-Землѣ. И случилось послѣ сего, что вожди странъ иноземныхъ посылали вѣстника къ Фараону, сказать ему: „Вотъ, что говорить владыка мой: „Кто изъ тѣхъ, что здѣсь сможетъ выполнить то или иное дѣло, что повѣдалъ владыка мой, при тѣхъ или иныхъ условіяхъ? Если выполнить онъ его, какъ надлежитъ, я провозглашу превосходство Египта надъ страной моею. Если же окажется, что нѣтъ такого писца искуснаго или человѣка мудраго въ Египтѣ, который могъ бы выполнить его, я провозглашу превосходство страны моею надъ Египтомъ“. И вотъ, когда высказывалъ онъ это, царь Узимаресь,—жизнь, здоровье, сила,—призывалъ сына своего Сатми, и повторялъ онъ ему все то, что говорилъ ему вѣстникъ, и сынъ его Сатми тотчасъ же давалъ ему отвѣтъ благой, что повѣдалъ вождь страны иноземной, и принужденъ тотъ быль провозгласить пре-

восходство земли Египетской надъ своею землею. И ни одинъ изъ вождей, что посылали вѣстниковъ, не смогъ восторжествовать надъ нимъ, столь велика была мудрость Сатми, и не находилось больше вождя на свѣтѣ, который осмѣлился бы послать вѣстниковъ своихъ къ Фараону.

И случилось послѣ сего, что не имѣлъ Сатми дѣтей мужескаго пола отъ жены своей Магитуасхитъ, и огорчался онъ этимъ очень въ сердцѣ своемъ, и жена его Магитуасхитъ огорчалась этимъ очень вмѣстѣ съ нимъ. И вотъ однажды, когда больше обыкновеннаго былъ онъ этимъ опечаленъ, отправилась жена его Магитуасхитъ въ храмъ Имутеса, сына Фта, и молилась она ему, говоря: „Обрати ликъ свой ко мнѣ, повелитель мой Имутесь, сынъ Фта; ты это, кто творить чудеса и кто благостенъ во всѣхъ дѣянїяхъ своихъ; ты это, кто даетъ сына тому, у кого нѣтъ его. Услышь жалобу мою и даруй мнѣ стать беременной младенцемъ мужескаго пола“. И спала въ храмѣ Магитуасхитъ, жена Сатми, и увидала она сонъ въ ту же самую ночь; къ ней обратились, говоря ей: „Не ты ли Магитуасхитъ, жена Сатми, что спишь въ храмѣ, дабы получить средство отъ безплодія своего изъ рукъ бога? Когда настанетъ слѣдующее утро, ступай къ колодцу Сатми, мужа твоего, и найдешь ты тамъ стебель травы горькой, что растетъ тамъ. Траву горькую, что увидишь ты тамъ, ты сорвешь ее вмѣстѣ съ листьями ея, ты изготовишь изъ нея снадобье, которое дашь ты мужу твоему, потомъ ляжешь ты съ нимъ, и зачнешь ты отъ него въ ту же самую ночь“. Когда пробудилась Магитуасхитъ послѣ сна своего, увидавши всѣ эти вещи, она поступила во всемъ сообразно тому, что сказано ей было въ сновидѣнїи ея, потомъ легла она рядомъ съ Сатми,

мужемъ своимъ, и зачала она отъ него. Когда наступила пора ея, были у нея признаки женщинъ беременныхъ, и объявилъ объ этомъ Сатми предъ Фараономъ, ибо радовалось тому сердце его очень; онъ повѣсилъ ей амулетъ и прочиталъ онъ заклинаніе надъ ней. И вотъ, однажды ночью легъ Сатми, и приснился ему сонъ; къ нему обратились, говоря: „Магитуасхить, жена твоя, что зачала отъ тебя, младенцемъ разрѣшится она, и назовутъ его Сенозирисъ, многи будутъ они, чудеса, что сотворить онъ въ землѣ Египетской“. Когда пробудился Сатми отъ сновидѣнія своего, увидавши все это, возрадовалось сердце его очень. По истеченіи мѣсяцевъ беременности, когда настала пора родить, явился у Магитуасхить на свѣтъ младенецъ пола мужескаго. Оповѣстили о томъ Сатми, и назвалъ онъ ребенка Сенозирисомъ, согласно тому, что сказано ему было въ сновидѣніи его. Приложили его къ груди Магитуасхить, матери его, едва лишь освободилась она отъ слѣдовъ беременности своей, и кормила она его. И случилось, что, когда былъ ребенку малому Сенозирису одинъ годъ, можно было сказать: „Ему два года“; когда было ему два, можно было сказать: „Ему три года“; столь крѣпокъ былъ онъ во всѣхъ членахъ своихъ. И вотъ, случилось, что не могъ Сатми провести одного часа, чтобы не увидать ребенка малаго Сенозириса, столь сильна была любовь, что питалъ онъ къ нему. Когда сталъ онъ большимъ и сильнымъ, отдали его въ школу; въ краткое время зналъ онъ больше, нежели писецъ, который былъ приставленъ учителемъ къ нему. Дитя малое, Сенозирисъ началъ читать книги заклинаній вмѣстѣ съ писцами Двойного Чертога Жизни храма Фта, и всѣ, кто слушалъ его, повергнуты были въ изумленіе; нравилось Сатми водить его на празд-

никъ предъ Фараона, дабы всѣ кудесники Фараона состязались съ нимъ, и сражалъ онъ ихъ всѣхъ.

И послѣ сего случилось однажды, когда омывался Сатми для праздника, на террасѣ дома своего, и омывался передъ нимъ отрокъ малый Сенозирись, чтобы также идти на праздникъ, въ тотъ часъ, вотъ, услыхалъ Сатми голосъ жалобный, что раздавался очень громко; и взглянулъ онъ съ террасы дома своего, и вотъ, увидалъ онъ нѣкоего богача, котораго несли погребать на горѣ съ воплями громкими и мѣрой великой знаковь отличія. Вторично взглянулъ онъ себѣ подъ ноги и вотъ, увидалъ онъ нѣкоего бѣдняка, котораго уносили за предѣлы Мемфиса завернутымъ въ цыновку, одного, и безъ одинаго человѣка на свѣтѣ, что слѣдовалъ за нимъ. Сказалъ Сатми: „Клянусь жизнью Озириса, владыки Аменти, да будетъ мнѣ содѣяно въ Аменти, какъ богачамъ симъ, что имѣютъ вопли великіе, а не какъ бѣднякамъ симъ, которыхъ несутъ на гору безъ пышности и почестей!“ Сенозирись, дитя его малое, сказалъ ему: „Да будетъ содѣяно тебѣ въ Аменти то, что дѣлаютъ этому бѣдняку въ Аменти, и да не будетъ тебѣ содѣяно то, что дѣлаютъ этому богачу въ Аменти“. Когда услыхалъ Сатми слова, что сказалъ ему Сенозирись, дитя его малое, опечалилось сердце его чрезвычайно, и сказалъ онъ: „То, что слышу я, голосъ ли это сына, который любитъ отца своего?“ Сказалъ ему Сенозирись, дитя его малое: „Если угодно тебѣ, я покажу тебѣ каждаго изъ нихъ на мѣстѣ его, бѣдняка, котораго не оплакиваютъ, и богача, надъ которымъ стенаютъ“. Спросилъ Сатми: „А какъ же сможешь сдѣлать ты это, сынъ мой Сенозирись?“ И послѣ сего Сенозирись, дитя малое, прочиталъ изъ своихъ книгъ заклинаній. Онъ взялъ отца своего, Сатми, за руку, и

повель онъ его на одно мѣсто, котораго не зналъ тотъ, въ горѣ Мемфисской. Семь большихъ покоевъ заключалось въ немъ, и въ нихъ люди всякаго званія. Три изъ покоевъ прошли они, три первыхъ, при чемъ никто имъ не препятствовалъ. Вступивъ въ четвертый, увидалъ Сатми людей, что бѣгали и волновались, между тѣмъ какъ ослы ѣли у нихъ за спиной; были другіе, у коихъ надъ головами подвѣшена была пища ихъ, вода и хлѣбъ, и устремлялись они, дабы опустить ее, между тѣмъ какъ другіе рыли ямы у ногъ ихъ, дабы помѣшать имъ достать ее. Когда пришли они въ пятый покой, увидалъ Сатми тѣни чтимыя, что находились каждая на собственномъ мѣстѣ своемъ, тѣ же, что осуждены были за преступленія, стояли въ дверяхъ, умоляя, и стержень двери пятого покоя упирался въ единственный правый глазъ нѣкоего чело-вѣка, что умолялъ и испускалъ громкіе крики. Когда пришли они въ шестой покой, увидалъ Сатми боговъ совѣта, обитателей Аменти, что находились каждый на собственномъ мѣстѣ своемъ, между тѣмъ какъ приставники Аменти возглашали дѣла. Когда пришли они въ шестой покой, увидалъ Сатми ликъ Озириса, бога великаго, возсѣдающаго на престолѣ своемъ изъ чистаго золота и увѣнчаннаго вѣнцомъ съ двумя перьями, Анубиса, бога великаго, по лѣвую его сторону, великаго бога Тота по правую его сторону, боговъ совѣта, обитателей Аменти, по лѣвую и по правую его сторону, вѣсы, стоящіе по срединѣ передъ ними, гдѣ взвѣшивали они дѣянія злыя противъ заслугъ, между тѣмъ какъ Тотъ, богъ великій, выполнялъ должность писца, Анубисъ же обращался къ нимъ со словомъ; того, чьи дѣянія злыя найдутъ они многочисленнѣе заслугъ, предадутъ они его Амаитъ, собакѣ владыки Аменти, уничтожатъ они душу

и тѣло его и не позволять они ему дышать больше никогда; того, чьи заслуги найдутъ они многочисленнѣе дѣяній злыхъ, ведутъ они его къ богамъ совѣталадыки Аменти, и душа его восходитъ на небо среди душъ тѣней чтимыхъ; того, чьи заслуги нашли они равносильными проступкамъ, помѣщаютъ они его среди тѣней, снабженныхъ амулетами, которыя прислуживаютъ Сокарозирису.

Тогда увидалъ Сатми человѣка знатнаго, облеченнаго въ ткани изъ тонкаго полотна, и что находился близко къ тому мѣсту, гдѣ былъ Озирисъ, въ ряду весьма высококомъ. Между тѣмъ какъ изумлялся Сатми всему, что видѣлъ онъ въ Аменти, Сенозирисъ подошелъ къ нему, говоря: „Отецъ мой Сатми, не видишь ли ты это лицо высокопоставленное, облеченное въ одежды изъ тонкаго полотна, и что находится близко къ тому мѣсту, гдѣ возсѣдаетъ Озирисъ? Тотъ бѣднякъ, котораго видѣлъ ты, когда уносили его за предѣлы Мемфиса, при чемъ никто не слѣдовалъ за нимъ, что завернуть былъ въ цыновку, это онъ! Его повели въ Преисподнюю, взвѣсили злыя дѣянія его противъ заслугъ его, что имѣлъ онъ будучи на землѣ, нашли заслуги его многочисленнѣе злыхъ дѣяній его. Въ виду того, что времени жизни, какое записалъ на его долю Тотъ, не соотвѣтствовало количество достаточнаго счастья, пока былъ онъ на землѣ, было повелѣно предъ Озирисомъ превратить погребальное приданое того богача, котораго видѣлъ ты, когда уносили его за предѣлы Мемфиса съ почестями великими, этому бѣдняку, что находится здѣсь, потомъ помѣстить его среди тѣней чтимыхъ, подданныхъ Сокарозириса, въ близости къ мѣсту, гдѣ пребываетъ Озирисъ. Тотъ богачъ, коего видѣлъ ты, повели его въ Преисподнюю, взвѣсили дѣянія злыя

его противъ заслугъ его, нашли дѣянiя злыя его многочисленнѣе заслугъ, что имѣлъ онъ на землѣ, повелѣли наградить его въ Аменти, и онъ это, кого видѣлъ ты со стержнемъ двери Аменти, что упирается въ правый его глазъ и вращается на глазу томъ, затворяется ли или отворяется дверь, между тѣмъ какъ уста его выпускаютъ громкіе крики. Клянусь жизнью Озириса, бога великаго, владыки Аменти, если сказалъ я тебѣ на землѣ: „Да будетъ содѣяно тебѣ, какъ содѣяно бѣдняку этому, но да не будетъ содѣяно тебѣ, какъ содѣяно богачу этому!“, такъ потому это, что зналъ я, что станется съ нимъ“. Сказалъ Сатми: „Сынъ мой Сенозирисъ, многи суть чудеса, что видѣлъ я въ Аменти! А теперь, да узнаю я, что съ тѣми людьми, кои бѣгають и беспокоятся, между тѣмъ какъ ослы ѣдятъ за ихъ спиной, какъ и съ тѣми, чья пища, хлѣбъ и вода, подвѣшена надъ ними, и что устремляются, дабы опустить ее, между тѣмъ какъ другіе роютъ ямы у нихъ подъ ногами, дабы помѣшать имъ достать до нея“. Отвѣчалъ Сенозирисъ: „Истинно говорю тебѣ, отецъ мой Сатми, эти люди, коихъ видѣлъ ты, что бѣгають и беспокоятся, между тѣмъ какъ ослы ѣдятъ за ихъ спиной, это образъ людей земли сей, что находятся подъ проклятіемъ бога, и что день и ночь трудятся ради пропитанiя своего, но какъ крадутъ его у нихъ жены ихъ за ихъ спиной, нѣтъ у нихъ хлѣба насущнаго. Когда вернутся они въ Аменти, находятъ, что дѣянiя ихъ злыя многочисленнѣе, нежели заслуги ихъ, и испытываютъ они, что то, что было съ ними на землѣ, то же съ ними еще и въ Аменти, подобно тѣмъ коихъ видѣлъ ты съ пищей, подвѣшенной надъ ними, и что устремляются, дабы опустить ее ниже, между тѣмъ какъ другіе роютъ ямы у ногъ ихъ, дабы помѣшать имъ достать до нея; эти суть

образъ людей земли сей, коихъ пропитаніе находится передъ ними, богъ же роетъ ямы передъ ними, дабы помѣшать имъ найти его. Когда вернутся они въ Аменти, вотъ, что было съ ними на землѣ сей, то же съ ними еще и въ Аменти; когда принята душа ихъ въ Аменти, испытываютъ они, да будетъ угодно знать тебѣ, отецъ мой Сатми, что тому, кто дѣлаетъ благое на землѣ, благое содѣлаютъ ему въ Аменти, тому же, кто дѣлаетъ зло, зло содѣлаютъ ему. Навсегда были установлены онѣ и не измѣнятся онѣ никогда, вещи сіи, что видишь ты въ Преисподней Мемфиса, и происходятъ онѣ въ сорока двухъ областяхъ, гдѣ находятся боги совѣта Озириса“.

Когда кончилъ Сенозирисъ слова эти, что говорилъ онъ предъ Сатми, отцомъ своимъ, снова поднялся онъ на гору Мемфисскую, обнявъ отца своего, руку объ руку съ нимъ. Сатми спросилъ, говоря: „Сынъ мой Сенозирисъ, не различествуетъ ли мѣсто, откуда спускаются, отъ того, гдѣ мы взошли?“ Ни слова не отвѣтилъ Сатми Сенозирисъ, и изумлялся Сатми рѣчамъ, что слышалъ онъ отъ него, говоря: „Способенъ онъ будетъ стать тѣнью истинной и слугою бога, и пойду я въ Преисподнюю вмѣстѣ съ нимъ, говоря: „Сей есть сынъ мой!“ Сатми прочиталъ одно изреченіе изъ книги заклинанія тѣней, и исполненъ онъ былъ величайшаго на свѣтѣ удивленія по причинѣ вещей, что видѣлъ онъ въ Аменти, но тяготили онѣ сердце его очень, ибо никому въ мірѣ не могъ онъ открыть ихъ. Когда отрокъ малый Сенозирисъ достигъ двѣнадцати лѣтъ, не было такого писца или кудесника въ Мемфисѣ, что сравнялся бы съ нимъ въ чтеніи волшебныхъ книгъ.

Засимъ случилось, что когда, однажды, сидѣль Фараонъ Узимаресь въ пріемномъ дворѣ дворца Фараона въ Мемфисѣ, между тѣмъ какъ собраніе царевичей, военачальниковъ, сановниковъ Египта стояло передъ нимъ, каждый на своемъ мѣстѣ въ чертогѣ, пришли сказать Его Величеству: „Вотъ рѣчи, которыя ведетъ одинъ проклятый Эѳіопъ, а именно, несетъ онъ на себѣ запечатанное письмо“. Тотчасъ же послѣ того, какъ доложили о немъ предъ Фараономъ, вотъ, ввели человѣка во дворъ. Онъ привѣтствовалъ всѣхъ, говоря: „Кто здѣсь сумѣетъ прочитать письмо это, что приношу я въ Египетъ предъ Фараона, но не повреждая печати, а такъ, чтобы прочитать написаніе, что внутри, не вскрывая его? Если окажется, что нѣтъ писца превосходнаго или человѣка ученаго въ Египтѣ, который могъ бы прочитать его не вскрывая, я расскажу превосходство земли Негровъ, страны моей, надъ Египтомъ“. Съ того мгновенія, какъ Фараонъ и царедворцы его услышали слова эти, не находили они себѣ мѣста на землѣ, и сказали они: „Клянемся жизнью Фта, бога великаго, бываетъ ли искусство писца превосходнаго или кудесника искуснаго прочитать написанія, коихъ видятъ они оболочку, и кто могъ-бы прочитать письмо, не вскрывая его?“ Сказалъ Фараонъ: „Пусть позовутъ мнѣ Сатми Хамоиса, сына моего!“ Побѣжали, привели его къ нему въ ту же минуту, онъ палъ на землю, онъ воздалъ почитаніе Фараону, потомъ всталъ онъ и стоялъ, благословляя и восхваляя Фараона. Сказалъ ему Фараонъ: „Сынъ мой, Сатми, слышалъ ли ты слова, что сказалъ этотъ проклятый Эѳіопъ передо мною, говоря: „Есть-ли писецъ превосходный или человѣкъ ученый въ Египтѣ, кто могъ-бы прочитать

письмо, которое въ моей рукѣ, не сломавъ печати, и кто зналъ бы, что за написаніе въ немъ, не вскрывая его?“ Съ того мгновенія, когда услыхалъ Сатми слова эти, не находилъ онъ себѣ больше мѣста на свѣтѣ, онъ сказалъ: „Великій государь мой, кто же это способенъ прочитатъ письмо, не вскрывая его? А теперь пусть дадутъ мнѣ десять дней сроку, посмотрю я, что способенъ я сдѣлать, дабы избѣжать, чтобы объявлено было превосходство надъ Египтомъ страны Негровъ, поѣдателей комеди“. Сказалъ Фараонъ: „Они дарованы сыну моему Сатми“. Отвели помѣщеніе, куда удалиться Эѳіопу, приготовили ему помои по способу Эѳіоповъ, потомъ Фараонъ покинулъ дворъ, съ сердцемъ опечаленнымъ чрезвычайно и легъ онъ, не принявъ ни питія, ни пищи.

Сатми вернулся въ покои свои, не узнавая болѣе мѣста на свѣтѣ, гдѣ шелъ онъ. Онъ завернулся въ одежды свои съ головы до ногъ, и легъ онъ, не узнавая больше мѣста на свѣтѣ, гдѣ былъ онъ. Доложили о немъ Магитуасхитъ, женѣ его; она пришла къ мѣсту, гдѣ былъ Сатми, она провела рукой подъ одеждами его. Она сказала ему: „Братъ мой Сатми, никакой лихорадки въ груди, гибкость членовъ: Болѣзнь—печаль сердца!“ Онъ сказалъ ей: „Оставь меня, сестра моя Магитуасхитъ! Дѣло, о коемъ смущается сердце мое, не есть дѣло, въ которомъ благо открыться женщинѣ!“ Мальчикъ малый Сенозирисъ вошелъ, онъ наклонился надъ Сатми, отцомъ своимъ, и сказалъ онъ ему: „Отецъ мой Сатми, почему легъ ты съ сердцемъ смятеннымъ? Дѣла, что замыкаешь ты въ сердцѣ своемъ, скажи мнѣ ихъ, дабы устранилъ я ихъ“. Онъ отвѣтилъ: „Оставь меня, дитя мое, Сенозирисъ! дѣла, что въ сердцѣ моемъ, —слишкомъ нѣженъ возрастъ твой, чтобы заниматься ими“. Сенозирисъ сказалъ: „Скажи мнѣ

ихъ, да успокою я сердце твое по поводу ихъ“. Сатми сказалъ ему: „Сынъ мой, Сенозирись, это одинъ проклятый Эѳіопъ, что пришелъ въ Египеть, неся на тѣлѣ своемъ письмо запечатанное, и говоря: „Здѣсь ли тотъ, кто прочитаетъ его, не вскрывая его? Если окажется, что нѣтъ такого писца превосходнаго или ученаго въ Египтѣ, что былъ бы способенъ прочитать его, я объявлю превосходство земли Негровъ, страны моей, надъ Египтомъ“. Я легъ съ сердцемъ смятеннымъ по поводу этого, сынъ мой, Сенозирись!“ Въ часъ, когда услыхалъ Сенозирись слова эти, заливался онъ смѣхомъ долго. Сказалъ ему Сатми: „Почему смѣешься ты?“ Онъ сказалъ: „Я смѣюсь, видя тебя такъ лежащимъ, съ сердцемъ смятеннымъ, по причинѣ дѣла столь малаго. Встань, отецъ мой Сатми, ибо прочитаю я, не вскрывая его, письмо, что принесли въ Египеть, такъ что увижу я, что написано въ немъ, не сломавъ печати“. Въ часъ, когда услыхалъ Сатми слова эти, поднялся онъ сразу и сказалъ онъ: „Какая есть порука словамъ, что сказалъ ты, дитя мое, Сенозирись?“ Онъ сказалъ ему: „Отецъ мой Сатми, ступай въ нижніе покои помѣщенія твоего, и каждой книгѣ, что вынешь ты изъ сосуда ея, скажу я тебѣ, что за книга это, я прочитаю ее, не видя ея, стоя передъ тобой въ нижнихъ покояхъ“. Сатми всталъ, онъ пошелъ, и все то, что сказалъ Сенозирись, исполнилъ Сенозирись въ совершенствѣ. Прочиталъ Сенозирись всѣ книги, что Сатми, его отецъ, бралъ передъ нимъ, не раскрывая ихъ. Поднялся Сатми обратно изъ нижнихъ покоевъ радостнѣе всѣхъ на свѣтѣ. Онъ ничуть не замедлилъ пойти къ мѣсту, гдѣ былъ Фараонъ, онъ рассказалъ передъ нимъ все то, что сказалъ ему отрокъ Сенозирись, полностью, и возрадовалось сердце Фараона чрезвычайно. Фараонъ всталъ,

дабы отпраздновать въ свое время вмѣстѣ съ Сатми, и велѣлъ онъ привести себѣ Сенозириса на праздникъ передъ нимъ: Испили они, провели они день счастливый. Когда настало утро слѣдующаго дня, вышелъ Фараонъ въ пріемный дворъ среди знатныхъ своихъ; послалъ Фараонъ за проклятымъ Эѳіопомъ, и приведенъ былъ тотъ во дворъ съ письмомъ запечатаннымъ на тѣлѣ своемъ, и остановился онъ посреди двора. Отрокъ Сенозирисъ вышелъ также на средину, онъ остановился рядомъ съ проклятымъ Эѳіопомъ, онъ сказалъ противъ него, говоря: „Проклятъ будь, Эѳіопъ, врагъ, на кого гнѣвается Амонъ, богъ твой! Такъ-то поднялся ты въ Египетъ, нѣжный садъ Озириса, престоль Ра-Гармахиса, прекрасный горизонтъ Схаи, змѣя благого говоря: „Разскажу превосходство земли Негровъ надъ Египтомъ“. Враждебность Амона, бога твоего, да падеть на тебя! О словахъ, что буду произносить я передъ тобой и что написаны на письмѣ, не говори о нихъ ничего, что было бы ложно, предъ Фараономъ, владыкой твоимъ!“ Въ часъ, когда проклятый Эѳіопъ увидалъ отрока малаго Сенозириса, стоящимъ во дворѣ, коснулся онъ земли челомъ своимъ, и сказалъ онъ, говоря: „Всѣ слова, что произнесешь ты, ничего не скажу я о нихъ, что было-бы ложно“.

Начало разказа, что произнесъ Сенозирисъ посреди двора, предъ Фараономъ и передъ знатными,—народъ же слушалъ голосъ его, между тѣмъ, какъ онъ читалъ то, что стояло въ написаніи на письмѣ проклятаго Эѳіопа, который стоялъ посреди двора,—вотъ оно:

„Случилось однажды, во времена Фараона Манахфрэ Сіаману — былъ это царь благодѣтельный Всеи-Земли, всѣми вещами благими изобиловалъ Египетъ во время его, и многочисленны были его дары и работы его въ

великихъ храмахъ Египта—и такъ, случилось однажды, что, когда царь Негровъ совершалъ послѣполуденное отдохновеніе въ увеселительной бесѣдкѣ Амона, услышалъ онъ голосъ троихъ изъ проклятыхъ Эѳіоповъ, что разговаривали въ домѣ позади. Одинъ изъ нихъ говорилъ громко, произнося между прочими словами: „Если бы угодно было Амону охранить меня отъ злополучія, такъ, чтобы царь Египта не могъ причинить мнѣ вреда, я навѣялъ бы чары мои на Египеть, такъ что заставилъ бы народъ Египетскій три дня и три ночи провести, не видя свѣта послѣ тьмы“. Сказалъ второй между прочими словами: „Если-бы угодно было Амону охранить меня отъ злополучія, такъ чтобы царь Египта не могъ причинить мнѣ вреда, я навѣялъ-бы чары мои на Египеть, такъ что заставилъ бы я перенести Фараона Египетскаго въ страну Негровъ, потомъ нанести ему градъ ударовъ плетьюми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, предъ царемъ, и, наконецъ, вернуть его въ Египеть, все въ шесть часовъ времени, не больше“. Сказалъ третій между прочими словами: „Если бы угодно было Амону охранить меня отъ злополучія, такъ чтобы царь Египта не могъ причинить мнѣ вреда, я навѣялъ бы чары мои на Египеть такъ что не допустилъ бы поля производить въ теченіе трехъ лѣтъ“. Въ часъ, когда услышалъ царь Эѳіопіи разговоры и голосъ троихъ изъ проклятыхъ Эѳіоповъ, повелѣлъ онъ привести ихъ предъ себя, и сказалъ онъ имъ: „Кто изъ васъ сказалъ: „Я навѣю чары мои на Египеть и не дамъ я Египтянамъ увидѣть свѣтъ три дня и три ночи?“ Сказали они: „Это Горъ, сынъ Тририть“. Онъ сказалъ: „Кто изъ васъ сказалъ: „Я навѣю чары мои на Египеть и перенесу я Фараона въ страну Негровъ, и велю я нанести ему градъ ударовъ плетьюми, пятьсотъ ударовъ,

всенародно, передъ царемъ, потомъ велю я отнести его въ Египеть, все въ шесть часовъ времени, не больше?“ Они сказали: „Это Горь, сынъ Тнахситъ“. Онъ сказалъ: „Кто изъ васъ сказалъ: „Я навѣю чары мои на Египеть, и помѣшаю я полямъ производить въ теченіе трехъ лѣтъ?“ Они сказали: „Это Горь, сынъ Трифитъ“. Сказалъ царь Гору, сыну Тнахситъ: „Соверши его, дѣйствіе твое волшебное, посредствомъ заклинанія, и, клянусь жизнью Амона, быка Мероз, бога моего, если выполнить рука твоя, что надлежитъ, сдѣлаю я благо тебѣ въ изобиліи“.

Горь, сынъ Тнахситъ, сдѣлалъ носилки съ четырьмя носильщиками изъ воска, онъ прочелъ заклинаніе надъ ними, онъ сильно дунулъ на нихъ, онъ далъ имъ жизнь, онъ приказалъ имъ, говоря: „Вы подниметесь въ Египеть, вы перенесете Фараона Египетскаго къ мѣсту, гдѣ находится царь; ему нанесутъ градъ ударовъ плетьюми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, предъ царемъ, потомъ отнесете вы его обратно въ Египеть, все въ шесть часовъ времени, не больше“. Они сказали: „Истинно, не упустимъ мы ничего“. Итакъ, начарованія Эѳіопа устремились къ Египту, они стали повелителями надъ ночью, они стали повелителями надъ Фараономъ Манахфрѣ Сіаману, они перенесли его въ землю Негровъ, къ мѣсту, гдѣ былъ царь, они подвергли его граду ударовъ плетьюми, пятистамъ ударамъ, всенародно, предъ царемъ, потомъ перенесли они его обратно въ Египеть, все въ шесть часовъ времени, не больше“.

Итакъ, повѣствованія эти, произнесъ ихъ Сенозирисъ, говоря ихъ среди двора, предъ Фараономъ и передъ знатными его, народъ же Египетскій слушалъ голосъ его, между тѣмъ какъ онъ говорилъ: „Враждебность Амона, бога твоего, да падетъ на тебя. Слова, что произношу я

предъ тобой, тѣ-ли это самыя, кои написаны на письмѣ, что въ рукѣ твоей?" Сказаль проклятый Эѳіопъ: „Продолжай чтеніе, ибо всѣ слова твои суть слова подлинныя, сколько ихъ ни есть“.

Сказаль Сенозирись предъ Фараономъ: „И послѣ того, какъ случилось все это, отнесли Фараона Сіаману обратно въ Египеть, съ боками, разбитыми отъ ударовъ чрезвычайно, и легъ онъ въ часовнѣ града Гора, съ боками, разбитыми отъ ударовъ чрезвычайно. Когда настало утро слѣдующаго дня, сказаль Фараонъ царедворцамъ своимъ: „Что же это произошло съ Египтомъ, что вынужденъ я былъ покинуть его?“ Устыдившись мыслей своихъ, сказали царедворцы себѣ: „Можетъ быть затемнился разсудокъ Фараона!“ Потомъ сказали они: „Ты здоровъ, ты здоровъ Фараонъ, великій владыка нашъ, и Изиды, богиня великая, успокоить печали твои! Но каково значеніе словъ, что сказаль ты предъ нами, Фараонъ, великій властелинъ нашъ? Какъ спишь ты въ часовнѣ града Гора, охраняють тебя боги“. Фараонъ всталъ, онъ показаль придворнымъ спину свою, разбитую отъ ударовъ чрезвычайно, говоря: „Клянусь жизнью Фта, бога великаго, меня перенесли въ страну Негровъ ночью; мнѣ нанесли градъ ударовъ плетью, пятьсотъ ударовъ, все-народно, предъ царемъ, потомъ отнесли меня обратно въ Египеть, все въ шесть часовъ времени, не больше“. Въ часъ, когда увидали они бока Фараона, разбитые отъ ударовъ чрезвычайно, раскрыли они ротъ для криковъ громкихъ. И былъ у Манахфрэ Сіаману нѣкій начальникъ тайны книгъ, по имени Горъ, сынъ Панисхи, что ученъ былъ до крайности. Когда пришелъ онъ къ мѣсту, гдѣ былъ царь, испустилъ онъ крикъ громкій, говоря: „Государь мой, наколдованіе это суть Эѳіоповъ. Клянусь жи-

зную дома твоего, я заставлю ихъ придти къ твоему чертогу пытки и казни“. Сказаль ему Фараонъ: „Дѣлай скорѣе, дабы не былъ я уведень въ страну Негровъ на вторую ночь“.

Начальникъ тайны, Горъ, сынъ Панисхи, пошелъ не медля, онъ взялъ свои книги съ амулетами своими къ тому мѣсту, гдѣ былъ Фараонъ, онъ прочиталь надъ нимъ одно изреченіе, онъ привѣсилъ ему амулетъ, дабы воспрепятствовать наколдованіямъ Эѳіоповъ овладѣть имъ, потомъ удалился онъ отъ лица Фараона, онъ захватилъ свои шарики благовоній и сосуды свои для возліяній, онъ сѣлъ на корабль, и отправился онъ не медля къ Хмуну. Онъ вошелъ въ храмъ Хмуну, онъ принесъ ладанъ и воду въ даръ предъ Тотомъ, трижды трижды великимъ повелителемъ Гермополиса, богомъ великимъ, и молился онъ передъ нимъ, говоря: „Обрати ликъ твой ко мнѣ, государь мой Тотъ, такъ чтобы не объявили Эѳіопы превосходства земли Негровъ надъ Египтомъ! Ты это, что сотворилъ чудесничество заклинаній, ты, что подвѣсилъ небо, установилъ землю и Преисподнюю, помѣстилъ боговъ вмѣстѣ со звѣздами; да узнаю я средство спасти Фараона отъ колдовства Эѳіоповъ!“ Горъ, сынъ Панисхи, легъ спать въ храмѣ, и увидалъ онъ сонъ въ ту же самую ночь. Ликъ бога, великаго, Тота, обратился къ нему, говоря: „Не Горъ ли ты, сынъ Панисхи, начальникъ тайны Фараона Манахфрѣ Сіаману? На утро слѣдующаго дня войди въ покой книгъ храма Хмуну; ты откроешь тамъ корабль закрытый и запечатанный, ты откроешь его, и найдешь ты тамъ ларецъ, что содержитъ книгу, ту самую, которую написалъ я собственной моею рукой. Вынь ее, спиши, потомъ положи ее обратно на мѣсто ея, ибо та самая это книга волшебная, что охраняетъ меня отъ

злыхъ, и она это, что охранить Фараона, она это, что спасеть его отъ колдовства Эѳіоповъ“.

И когда пробудился Горъ, сынъ Панисхи, отъ сна своего, увидавши всѣ эти вещи, уразумѣлъ онъ, что все то, что только-что произошло съ нимъ, произошло съ нимъ по дѣйствию божественному, поступилъ онъ во всемъ согласно тому, что было сказано ему въ сновидѣніи его. Онъ не замедлилъ отправиться къ мѣсту, гдѣ былъ Фараонъ, и изготовилъ онъ ему начарованіе, писаное противъ колдовства. Когда насталъ день второй, вернулись чары Гора, сына Тнахситъ, въ Египетъ, ночью, къ мѣсту, гдѣ былъ Фараонъ, потомъ возвратились онъ обратно, къ мѣсту, гдѣ былъ царь въ этотъ часъ, ибо не могли онъ овладѣть Фараономъ, по причинѣ чаръ и наколдованій, кои начальникъ тайны, Горъ, сынъ Панисхи, закрѣпилъ на немъ. На утро слѣдующаго дня разсказалъ Фараонъ передъ начальникомъ тайны, Горомъ, сыномъ Панисхи, все то, что видѣлъ онъ въ теченіе ночи, и какъ ушли наколдованія Эѳіоповъ, не будучи въ состояніи овладѣть имъ. Горъ, сынъ Панисхи, велѣлъ принести себѣ воску чистаго въ большомъ количествѣ, онъ сдѣлалъ изъ него посланки съ четырьмя носильщиками, онъ прочиталъ заклинаніе надъ ними, онъ сильно дунулъ на нихъ, онъ далъ имъ жизнь, онъ приказалъ имъ, говоря: „Вы отправитесь въ страну Негровъ этою ночью, вы перенесете царя въ Египетъ, къ мѣсту, гдѣ находится Фараонъ; ему нанесутъ градъ ударовъ плетми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, предъ Фараономъ, потомъ, отнесете вы его обратно, въ страну Негровъ, все въ шесть часовъ времени, не больше“. Они сказали: „Истинно, не упустимъ мы ничего“. Наколдованіе Гора, сына Панисхи, потянулись по облакамъ неба, и не замедлили они явиться въ

страну Негровъ ночью. Они завладѣли царемъ, они перенесли его въ Египетъ, ему нанесли градъ ударовъ плетьюми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, передъ царемъ, потомъ отнесли они его обратно въ страну Негровъ, все въ шесть часовъ времени, не больше“.

Итакъ, повѣствованія эти разсказалъ Сенозирисъ, говоря ихъ посреди двора, предъ Фараономъ и передъ знатными его, народъ же Египетскій слушалъ голосъ его, между тѣмъ какъ онъ сказалъ: „Враждебность Амона, бога твоего, да падетъ на тебя, злой Эѳіопъ! Слова, что говорю я, тѣ-ли они суть, что написаны на письмѣ этомъ?“ Сказалъ Эѳіопъ, склоняя лицо къ землѣ: „Продолжай чтеніе, ибо всѣ слова, что говоришь ты, суть тѣ, которыя написаны на письмѣ этомъ“.

Сказалъ Сенозирисъ: „И послѣ того, какъ произошло все это, когда перенесли царя обратно въ страну Негровъ, въ шесть часовъ, не больше, и доставили его на мѣсто его, онъ легъ, и всталъ онъ на утро, разбитый чрезвычайно отъ ударовъ, что были нанесены ему въ Египтѣ. Сказалъ онъ царедворцамъ своимъ: „То, что сдѣлали наколдованія мои съ Фараономъ, сдѣлали наколдованія Фараона, въ свою очередь, мнѣ. Они перенесли меня въ Египетъ въ теченіе ночи, мнѣ нанесли градъ ударовъ плетьюми, пятьсотъ ударовъ, предъ Фараономъ Египетскимъ, потомъ перенесли они меня обратно въ страну Негровъ“. Онъ обернулся спиной къ царедворцамъ своимъ, и открыли они ротъ для криковъ громкихъ. Послалъ царь за Горомъ, сыномъ Тнахситъ, и сказалъ: „За себя самого берегись Амона, быка Мероэ, моего бога! И какъ ты это былъ, что пошелъ къ народу Египта, посмотришь, какъ спасешь ты меня отъ наколдованій сына Панисхи“. Онъ изготавилъ свои наколдованія, онъ

закрѣпилъ ихъ на царѣ, дабы спасти его отъ наколдованій Гора, сына Панисхи. Когда была ночь дня второго, перенеслись наколдованія Гора, сына Панисхи, въ страну Негровъ, и увели они царя въ Египеть; ему нанесли градъ ударовъ плетми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, предъ Фараономъ, потомъ перенесли они его обратно въ страну Негровъ, все въ шесть часовъ времени, не больше. Такое обращеніе происходило съ царемъ въ теченіе трехъ дней, при чемъ безильны были наколдованія Эѳіоповъ спасти царя отъ руки Гора, сына Панисхи, и опечалился царь чрезвычайно, и повелѣлъ привести къ себѣ Гора, сына Тнахситъ, и сказалъ онъ ему: „Горе тебѣ, врагъ Эѳіопіи, унизивъ меня рукою Египтянъ, не смогъ ты спасти меня отъ рукъ ихъ! Клянусь жизнью Амона, быка Мероэ, моего бога, если случится, что не знаешь ты, какъ спасти меня отъ волшебныхъ кораблей Египтянъ, я предамъ тебя дурной смерти, и медленной будетъ она для тебя!“ Онъ сказалъ: „Государь мой, царь, пусть отправятъ меня въ Египеть, дабы могъ я увидать того изъ Египтянъ, что изготовляетъ наколдованія, дабы могъ я совершить дѣйствіе волшебства противъ него и дабы подвергъ я его карѣ, что замышляю я противъ рукъ его“. И отправили Гора, сына Тнахситъ, отъ лица царя, и направился онъ сначала къ мѣсту, гдѣ была мать его Тнахситъ. Сказала она ему: „Каково же намѣреніе твое, сынъ мой, Горъ?“ Онъ сказалъ: „Наколдованія Гора, сына Панисхи, побѣдили мои наколдованія. Трижды перенесли они царя въ Египеть, къ мѣсту, гдѣ находится Фараонъ, ему нанесли градъ ударовъ плетми, пятьсотъ ударовъ, всенародно, предъ Фараономъ, потомъ перенесли они его обратно въ землю Негровъ, все въ шесть часовъ времени, не больше, и не могли спасти его отъ ихъ рукъ наколдованія

мои. И теперь разгнѣванъ царь противъ меня чрезвычайно, и дабы избѣжать мнѣ быть предану имъ смерти дурной и медленной, хочу я отправиться въ Египеть, увидать того, кто изготовляетъ наколдованія и подвергнуть его карѣ, что замышляю я противъ рукъ его“. Она сказала: „Будь благоразумень, о сынъ мой Горъ, и не ходи къ мѣсту, гдѣ Горъ, сынъ Панисхи. Если пойдешь ты въ Египеть, чтобы заклѣсть, берегись людей Египта, ибо не можешь ты ни бороться съ ними, ни побѣдить ихъ, такъ что не вернешься ты въ страну Негровъ, никогда“. Сказаль онъ ей: „Ничто для меня рѣчи, что ведешь ты со мной: Не могу я не пойти въ Египеть, дабы навѣять тамъ чары мои«. Сказала ему Тнахситъ, мать его: „Итакъ, если нужно это, чтобы отправился ты въ Египеть, установи знаки между тобой и мною: Если окажется, что будешь ты побѣжденъ, я приду къ тебѣ и увижу, не могу ли я спасти тебя“. Сказаль онъ ей: „Если буду я побѣжденъ, то когда будешь ты пить или будешь ты ѣсть, вода станетъ цвѣта крови предъ тобой, пища станетъ цвѣта крови предъ тобой, небо станетъ цвѣта крови предъ тобой“.

Когда Горъ, сынъ Тнахситъ, установилъ знаки между нимъ и матерью его, направился онъ въ Египеть, проглотивши наколдованія, онъ былъ въ пути отъ того, что сотворилъ Амонъ, до Мемфиса и до мѣста, гдѣ былъ Фараонъ, вынюхивая, кто въ Египтѣ творилъ волшебныя заклинанія. Когда вошелъ онъ въ пріемный дворъ предъ Фараона, заговорилъ онъ голосомъ громкимъ, сказалъ: „Эй, кто это творить наколдованія противъ меня въ пріемномъ дворѣ, на мѣстѣ, гдѣ находится Фараонъ, на глазахъ у народа Египетскаго? Два ли писца Чертога Жизни или одинъ только писецъ Чертога Жизни, что за-

колдовалъ царя, перенеся его въ Египеть вопреки волѣ моея? Послѣ того, какъ сказалъ онъ это, заговорилъ Горъ, сынъ Панисхи, что былъ во дворѣ пріемномъ предъ Фараономъ: „Эй, врагъ Эѳіопскій, не ты ли Горъ, сынъ Тнахситъ? Не ты ли тотъ, который, дабы заколдовать меня въ садахъ Ра, имѣя при себѣ товарища твоего Эѳіопскаго, погрузился съ нимъ въ воду и далъ отнести себя съ нимъ подъ гору, на востокъ отъ Града Солнца? Не ты ли это, кому вздумалось заставить Фараона, владыку твоего, совершить путешествіе, и кто заставилъ его подвергнуться ударамъ плетью въ мѣстѣ, гдѣ находился царь Эѳіопіи, кто приходитъ потомъ въ Египеть, говоря: „Нѣтъ ли здѣсь того, кто творитъ наколдованія противъ меня?“ Клянусь жизнью Атуму, владыки Града Солнца, боги Египта привели тебя сюда, дабы дать уплату тебѣ въ странѣ своей. Соберись съ мужествомъ твоимъ, ибо иду я на тебя!“ Въ часъ, когда сказалъ слова эти Горъ, сынъ Панисхи, отвѣчалъ ему Горъ, сынъ Тнахситъ, говоря: „Не тотъ ли это, кому внушилъ я рѣчь шакала, что творитъ наколдованія противъ меня?“ Проклятый Эѳіопъ сотворилъ дѣйствіе волшебное посредствомъ заклинанія; пламя вызвало оно на пріемномъ дворѣ, и Фараонъ, а также сановники Египетскіе, испустили громкій крикъ, говоря: „Приди къ намъ на помощь, начальникъ написаній, Горъ, сынъ Панисхи!“ Горъ, сынъ Панисхи, прочиталъ изреченіе изъ книги заклинаній, онъ низвелъ съ неба дождь южный на пламя, и загасилось оно въ одно мгновеніе. Сотворилъ Эѳіопъ другое дѣйствіе волшебное посредствомъ заклинаній: Онъ вызвалъ тучу огромную надъ пріемнымъ дворомъ, такъ что никто не различалъ больше ни брата своего, ни товарища. Горъ, сынъ Панисхи, произнесъ заговоръ на небо, и расчистилъ онъ его, и

просиялось оно отъ вѣтра буйнаго, что подулъ въ немъ. Горъ, сынъ Тнахситъ, совершилъ другое дѣйствіе кудесническое посредствомъ заклинанія: Онъ вызвалъ огромный сводъ изъ камня, длиною въ двѣсти локтей и шириною въ пятьдесятъ, надъ Фараономъ, а также и надъ царицами его, и это дабы отдѣлить Египетъ отъ царя его, страну отъ повелителя ея. Взглянулъ Фараонъ наверхъ, увидалъ онъ сводъ каменный надъ собой, онъ раскрылъ ротъ свой въ громкомъ крикѣ, онъ и народъ его, что былъ въ приѣмномъ дворѣ. Горъ, сынъ Панисхи, прочиталъ изреченіе изъ книги заклинаній; онъ вызвалъ челнъ изъ папируса, онъ заставилъ сводъ каменный нагрузиться въ него, и уплылъ съ нимъ челнъ въ Водоемъ Огромный, въ воды великія Египта!

Увидалъ проклятый Эѳіопъ, что неспособенъ онъ былъ бороться противъ колдуна Египетскаго; сотворилъ онъ дѣйствіе кудесническое посредствомъ заклинанія, такъ что никто не видѣлъ его больше во дворѣ приѣмномъ, и это съ намѣреніемъ ускользнуть въ Землю Негровъ, страну свою. Но Горъ, сынъ Панисхи, прочиталъ изреченіе надъ нимъ, онъ обнаружилъ наколдованіе Эѳіопа, онъ сдѣлалъ такъ, что увидалъ его Фараонъ, а также и народы Египетскіе, что стояли во дворѣ приѣмномъ, такъ что оказался онъ гадкимъ гусенкомъ, что собирался ускользнуть. Горъ, сынъ Панисхи, прочиталъ заклинаніе надъ нимъ, онъ опрокинулъ его на спину, и птицеводъ стоялъ надъ нимъ съ остроконечнымъ ножомъ въ рукѣ, готовый сыграть съ нимъ плохую шутку. Между тѣмъ, какъ происходило все это, знаки, кои установилъ Горъ, сынъ Тнахситъ, между нимъ и матерью его, совершались всѣ они передъ ней; не поколебалась она подняться въ Египетъ въ обличіи гуся, и остановилась она надъ двор-

цомъ Фараона, она во весь свой голосъ подала знакъ сыну своему, что имѣлъ обличіе гадкаго гусенка, которому угрожалъ птицеводъ. Горь, сынъ Панисхи, взглянулъ на небо, онъ увидалъ Тнахситъ въ обличіи, что имѣла она, и узналъ онъ, что это была Тнахситъ, Эѳіопка; онъ произнесъ заклинаніе противъ нея, онъ опрокинулъ ее на спину, и птицеводъ стоялъ надъ ней, чей ножъ готовился дать ей смерть. Она сбросила съ себя обличіе, въ коемъ была, она приняла обликъ женщины Эѳіопской, и умоляла она его, говоря: „Не иди на насъ, Горь, сынъ Панисхи, но прости намъ сіе дѣяніе преступное! Если такъ будетъ, что дашь ты намъ корабль, не вернемся мы больше въ Египетъ вторично!“ Горь, сынъ Панисхи, поклялся Фараономъ, а также богами Египта, а именно: „Не пресѣку я дѣйствія моего чудеснаго посредствомъ заклинанія, если не дадите вы мнѣ клятву, не возвращаться въ Египетъ никогда, ни подъ какимъ предлогомъ“. Тнахситъ подняла руку въ знакъ клятвы, что не придетъ она въ Египетъ, навсегда и на вѣки. Горь, сынъ Тнахситъ, поклялся, сказавъ: „Я не вернусь въ Египетъ ранѣе, нежели черезъ пятнадцать сотъ лѣтъ!“ Горь, сынъ Панисхи, уничтожилъ свое дѣйствіе заклинанія, онъ далъ ладью Гору, сыну Тнахситъ, также и Тнахситъ, матери его, и отправились они въ Землю Негровъ, страну свою“.

Повѣствованія эти, произносилъ ихъ Сенозирисъ предъ Фараономъ, между тѣмъ какъ народъ слушалъ голосъ его, Сатми же, отецъ его, видѣлъ все, какъ проклятый Эѳіопъ лежалъ распростершись, челомъ касаясь земли, потомъ сказалъ онъ: „Клянусь жизнью лика твоего, великій владыка мой, человекъ, что здѣсь предъ тобой, Горь это, сынъ Тнахситъ, тотъ самый, о чьихъ дѣяніяхъ я повѣствую, не раскаялся онъ въ томъ, что сдѣлалъ онъ

прежде, но вернулся въ Египеть пятнадцать сотъ лѣтъ спустя, дабы навѣять на него навожденія свои. Клянусь жизнью Озириса, бога великаго, владыки Аменти, предъ кѣмъ буду я покоиться, Горъ я, сынъ Панисхи, я, что стоитъ здѣсь предъ Фараономъ. Когда узналъ я въ Аменти, что этотъ врагъ Эѳіопскій собирается навѣять навожденія свои на Египеть, какъ не было больше въ Египтѣ писца превосходнаго или ученаго, что могъ бы бороться противъ него, умолилъ я Озириса въ Аменти, да позволить онъ мнѣ явиться на землю снова, чтобы воспрепятствовать ему объявить превосходство земли Негровъ надъ Египтомъ. Повелѣно было предъ Озирисомъ возвратить меня на землю, и воскресъ я, поднялся я въ росткѣ, пока не встрѣтилъ я Сатми, сына Фараона, на горѣ Геліополиса или Мемфиса; я выросъ въ злакѣ томъ горькомъ, дабы войти въ плоть и возродиться на землѣ, чтобы свершить наколдованія противъ врага сего Эѳіопскаго, который здѣсь во дворѣ пріемномъ“. Горъ, сынъ Панисхи, въ образѣ Сенозириса, сотворилъ дѣйствіе чудесническое посредствомъ заклинаній противъ проклятаго Эѳіопа; окуталъ онъ его огнемъ, что поглотилъ его посреди двора, на глазахъ у Фараона, и знатныхъ его, и народа Египетскаго, засимъ растаялъ Сенозирисъ, какъ тѣнь, возлѣ Фараона и отца своего, Сатми, такъ что не видѣли они его больше.

Больше всего на свѣтѣ изумился Фараонъ, также и знатные его, всему, что видѣли они во дворѣ пріемномъ, говоря: „Не было никогда писца превосходнаго или ученаго, подобнаго Гору, сыну Панисхи, и вновь не будетъ такого послѣ него“. Сатми раскрылъ ротъ свой съ крикомъ громкимъ; ибо растаялъ Сенозирисъ, какъ тѣнь, и не видѣлъ онъ его больше. Фараонъ удалился со двора

пріємнаго съ сердцемъ, весьма опечаленнымъ тѣмъ, что видѣлъ онъ; повелѣлъ Фараонъ совершить приготовленія въ присутствіи Сатми, чтобы оказать ему хорошій пріемъ по причинѣ сына его, Сенозириса, и чтобы укрѣпить сердце его. Когда насталь вечеръ, ушелъ Сатми въ покой свои съ сердцемъ смятеннымъ очень, жена же его, Магитуасхитъ, легла рядомъ съ нимъ; она зачала въ ту же самую ночь, и не замедлила она родить на свѣтъ младенца мужескаго пола, которому дали имя Усиманггоръ. Было же такъ, что никогда не переставалъ Сатми совершать жертвоприношенія и возліянія передъ духомъ Гора, сына Панисхи, во все время.

Конецъ книги сей, что написалъ...

О ТОМЪ, КАКЪ САТНИ-ХАМОИСЪ ОДЕРЖАЛЪ
ПОБѢДУ НАДЪ АССИРІЯНАМИ.

Послѣ Анисиса царствовалъ жрецъ Гефестось, чье имя Сэеонъ. Онъ обращался презрительно съ воинами Египетскими, думая, что никогда не будетъ нуждаться въ нихъ; онъ наносилъ имъ всевозможныя оскорбленія, и, между прочимъ, отнялъ онъ у нихъ надѣлы изъ двѣнадцати аруръ земли, что предшествующіе цари назначили каждому изъ нихъ.

И вотъ, въ послѣдствіи, Санахарибось, царь Арабовъ и Ассиріанъ, повелъ большое войско на Египеть; но тогда воины Египетскіе отказались выступить, и жрецъ, оставшись безсильнымъ, вошелъ въ храмъ и излился жалобами передъ изваяніемъ, при мысли о несчастіяхъ, что грозили ему. Пока онъ жаловался, сошелъ на него внезапный сонъ; ему показалось, что богъ, явившись ему, увѣщевалъ его не терять мужества и удостовѣрялъ ему, что съ нимъ ничего не случится дурного въ походѣ его противъ войска Арабовъ, ибо самъ онъ пошлетъ ему помощь.

Вѣря своему сну, онъ собралъ тѣхъ изъ Египтянъ, что согласились слѣдовать за нимъ, и расположился онъ лагеремъ въ Пелузѣ, ибо оттуда проникаютъ въ Египеть. Ни одинъ изъ воиновъ не послѣдовалъ за нимъ, а лишь

купцы, мастера, люди улицы. И вотъ, когда явился неприятель, чтобы осадить городъ, полевья крысы распространились ночью по ихъ лагерю и изгрызли у нихъ всѣ колчаны, потомъ всѣ луки, вплоть до завязокъ щитовъ, такъ что на слѣдующій день они принуждены были бѣжать безоружными и многіе изъ нихъ погибли.

И теперь каменное изображеніе этого царя стоитъ въ храмѣ Гефестоса. Оно держитъ въ рукѣ крысу, и гласитъ оно въ надписи, что начертана на немъ: „Всякій, кто взглянетъ на меня, да чтитъ онъ бога!“

Горь, быкъ могучій, отягченный вѣнцами и утвердившійся столь же незыблемо на царствахъ своихъ, какъ богъ Атуму, Горь побѣдитель, могучій мечомъ, и истребитель Варваровъ, царь надъ двумя Египтами, Уазимарія - Сатпанрія, сынъ Солнца, Ріамасасу Майяману, возлюбленный Амонра, повелитель Карнака, и круга боговъ, владыкъ Оивскихъ, богъ благой, сынъ Амона, рожденный Мауть, порожденный Гармахисомъ, дитя лучезарное Владыки всемірнаго, порожденное богомъ, супругомъ собственной матери своей, царь Египта, властитель надъ племенами пустыни, государь, что царить надъ Варварами, едва вышла изъ чрева материнскаго, правилъ онъ войнами и онъ призывалъ къ мужеству еще въ яйцѣ, какъ быкъ, что толкаетъ впередъ, ибо быкъ онъ, этотъ царь, иѣкій богъ, что возстаетъ, въ день битвъ, какъ Монту, и очень доблестный, какъ Нуить.

И когда былъ Его Величество въ Нагараинѣ, согласно обычаю его каждаго года, властители со всей земли приходили, согбенные подъ бременемъ даровъ, что приносили они душамъ Его Величества. И крѣпости несли свою дань, золото, серебро, камень лазурный, малахитъ, всѣ душистыя древа Арабіи, на своихъ хребтахъ, и шли они вереницей

одинъ за другимъ. Вотъ, властитель Бахтана велѣлъ принести свои дары, и поставилъ дочь свою во главѣ шествія, дабы привѣтствовать Его Величество и просить у него о жизни. Ибо была она женщина очень красивая, пріязная Его Величеству превыше всего. И даровалъ онъ ей званіе Великой супруги царской, и вписалъ его съ именемъ ея Нафрурія, и когда вернулся онъ въ Египеть, она выполнила всѣ обряды царственной супруги.

И случилось въ году пятнадцатомъ, двадцать второго дня, мѣсяца Пайни, когда Его Величество былъ въ Оивахъ, царственномъ градѣ городовъ, и пѣлъ хвалы во храмѣ Накхунтъ Ионитрарэу, преданный совершенію того, чѣмъ угоденъ онъ былъ своему отцу Амонра, владыкѣ Карнака, въ славный его праздникъ южныхъ Оивъ, пребываніе излюбленное, гдѣ богъ пребываетъ со времени творенія, пришли вдругъ сказать Его Величеству:— „Тамъ гонецъ властителя Бахтана, который пришелъ со многими дарами для царственной супруги“. Приведенный предъ Его Величество съ дарами своими, онъ сказалъ, привѣтствуя Его Величество: „Слава тебѣ, Солнце народовъ чужеземныхъ, ты, которымъ живы мы“, и когда произнесъ онъ обожаніе свое передъ Его Величествомъ, снова возговорилъ онъ къ Его Величеству: „Я прихожу къ тебѣ, Господинъ, владыка мой, по причинѣ Бинтрасхить, Дѣвы-Услады, сестры меньшей царственной супруги твоей Нафрурии, ибо недугъ нѣкій проникъ въ ея члены. Да пошлетъ Твое Величество свѣдущаго, дабы осмотрѣть ее“. Тогда сказалъ Царь: „Приведите мнѣ писцовъ Двойного Чертога Жизни изъ приставленныхъ ко двору“. Какъ только они пришли, Его Величество сказалъ: „Вотъ, повелѣлъ позвать васъ, дабы услышали вы это слово: Приведите ко мнѣ изъ васъ одного, зоркаго сердцемъ сво-

имъ, писца, умѣлаго въ пальцахъ своихъ. Когда царскій писецъ Тотимгаби предсталъ передъ Его Величествомъ, повелѣлъ Его Величество отправиться ему въ Бахтанъ съ гонцомъ этимъ. Едва прибылъ мудрецъ въ Бахтанъ, засталъ онъ Бинтрасхитъ въ состояніи одержимости, и нашель онъ призрака, что вселился въ нее, врага суроваго, котораго трудно поразить. И отправилъ властитель Бахтана другаго гонца къ Его Величеству, и сказалъ: „Господинъ, мой владыка, да повелитъ Твое Величество привести бога, чтобы сразить призракъ“.

Когда гонецъ прибылъ къ Его Величеству, въ году двадцать третьемъ, перваго дня Пакхонса, день праздника Амона, между тѣмъ какъ Его Величество былъ въ Оивахъ, вотъ Его Величество воззвалъ снова, и сказалъ предъ ликомъ Хонсу въ Оивахъ, бога благого совѣта, говоря: „Владыка совершенный, вотъ я снова здѣсь предъ тобой, по причинѣ дочери властителя Бахтана“. Тогда Хонсу Оивскій, богъ благого совѣта, былъ перенесенъ къ Хонсу, что править судьбами, богу великому, который изгоняетъ чужеземцевъ, и Его Величество сказалъ предъ ликомъ Хонсу въ Оивахъ, богомъ благого совѣта: „Владыка совершенный, сдѣлай милость, обрати ликъ твой къ Хонсу, что править судьбами, великому, который изгоняетъ чужеземцевъ, его да направятъ въ Бахтанъ“. И богъ одобрилъ, наклоненіемъ головы своей, сильно, дважды. Тогда Его Величество сказалъ: „Дай ему доблесть твою, дабы направилъ я Величество бога этого въ Бахтанъ, чтобы освободить дочь властителя Бахтана“. И Хонсу Оивскій, богъ благого совѣта, съ силой подтвердилъ главою, дважды, и онъ совершилъ переселеніе доблести чародѣйственной въ Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ, четырежды. Его Величество повѣ-

лѣль, дабы отбыль Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ, на ладѣ большой, сопровождаемой пятью челноками, колесницами и конями многочисленными, которые слѣдовали справа и слѣва. Когда богъ этотъ прибыль въ Бахтанъ, временемъ черезъ годъ и пять мѣсяцевъ, вышелъ тутъ властитель Бахтана со своими воинами и предъ вождями навстрѣчу Хонсу, что править судьбами, и простерся онъ на животъ свой, говоря: „Ты приходишь къ намъ, ты приобщаешься къ намъ, согласно повелѣніямъ царя Двухъ Египтовъ Узимарія-Сатпанрія“. Вотъ, какъ только богъ этотъ подошелъ къ мѣсту, гдѣ была Бинтрасхить, и совершилъ заклинательныя движенія, почувствовала она себя хорошо тутъ же, и призракъ, что былъ въ ней, сказалъ: „Иди съ миромъ, богъ великій, что изгоняешь чужеземцевъ, Бахтанъ есть твой градъ, люди эти — рабы твои, и я самъ, я рабъ твой. И я уйду въ мѣста, откуда пришелъ я, дабы дать сердцу твоему спокойствіе по дѣлу, которое привело тебя, но да повелить Его Величество, да будетъ празднество во имя мое и во имя властителя Бахтана“.

Богъ сдѣлалъ своему прорицателю одобряющій знакъ головой, чтобы сказать: „Да свершитъ властитель Бахтана великое приношеніе этому призраку“. И тѣмъ временемъ, какъ происходило это между Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ, и тѣмъ призракомъ, властитель Бахтана присутствовалъ тамъ, съ войскомъ своимъ, охваченный ужасомъ. И когда свершили великое приношеніе предъ Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ, и призракомъ, и было празднество въ ихъ честь, призракъ отошелъ съ миромъ въ мѣсто, которое пожелалось ему, согласно велѣнію Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ.

Властитель Бахтана возрадовался премного, такъ же какъ весь народъ Бахтана, и онъ совѣщался съ сердцемъ своимъ, говоря: „Поелику богъ этотъ дарованъ былъ Бахтану, я не возвращу его въ Египетъ“. И вотъ, послѣ того, какъ богъ этотъ оставился три года и девять мѣсяцевъ въ Бахтанѣ, когда властитель Бахтана спалъ въ своей постели, онъ увидѣлъ во снѣ этого бога, исходящаго изъ своей раки въ образѣ золотого сокола, который улеталъ въ Египетъ. Когда онъ проснулся, онъ весь дрожалъ. Тогда сказалъ онъ прорицателю Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ: „Богъ этотъ, который пребывалъ съ нами, онъ возвращается въ Египетъ, колесница его да отбудетъ въ Египетъ“. Властитель Бахтана согласился, чтобы этотъ богъ отбылъ въ Египетъ, и онъ далъ ему многочисленные дары, всякихъ благъ, также отрядъ воиновъ, и коней. Когда они прибыли въ Оивы, Хонсу, что править судьбами въ Оивахъ, отправился въ храмъ Хонсу, въ Оивахъ, благому совѣтчику. Онъ возложилъ дары, которые властитель Бахтана далъ ему, предъ Хонсу въ Оивахъ, благимъ совѣтчикомъ, онъ не оставилъ ничего для себя самого. Хонсу же, благой совѣтчикъ, въ Оивахъ, вернулся въ храмъ свой съ миромъ, въ году тридцать третьемъ, девятнадцатаго дня, мѣсяца Мэшира, Царя Уазимарія-Сатпанрія, живого вовѣки какъ Солнце.

Царь Рампсинить владѣль сокровищемъ столь великимъ, что ни одинъ изъ преемниковъ его не только не превзошелъ его, но даже не сумѣлъ и приблизиться къ нему. Чтобы держать его въ достовѣрности, онъ велѣлъ выстроить покой изъ обтесаннаго камня, и пожелалъ, дабы одна изъ стѣнъ выдавалась впередъ и выходила за предѣлы чертога. Но каменщикъ обтесалъ и заложилъ одинъ камень такъ сноровисто, что два человѣка, даже одинъ, могли вытащить его, и сдвигать его съ его мѣста. Когда покой былъ законченъ, царь собралъ туда всѣ свои сокровища, и нѣсколько времени спустя, каменщикъ-строитель, чувствуя, что приближается конецъ его жизни, позвалъ своихъ дѣтей, то были два сына, и изъяснилъ имъ, какъ онъ распорядился ихъ дѣлами, и искусное лукавство, которое онъ примѣнилъ къ постройкѣ царскаго покоя, дабы могли они жить роскошно. И давъ имъ явственно понять, какъ вынимать камень, онъ довѣрилъ имъ нѣкоторые приемы, оповѣщая ихъ, что, если будутъ они хранить ихъ, сдѣлаются они великими казнохранителями царя. И съ этимъ ушелъ изъ жизни, скончавшись.

Посему же дѣти его отнюдь не замедлили приступить къ дѣлу. Они пришли ночью въ царскій дворецъ, и, легко

усмотрѣвъ камень, вытащили его съ его мѣста, и унесли большое количество денегъ. Но когда случай привелся царю открыть свой покой, онъ оказался крайне изумленъ, увидѣвъ лари сильно убывшими, и, не вѣдая, кого обвинить или заподозрить, такъ какъ онъ нашелъ всѣ оставленныя имъ помѣтки невредимыми и цѣльными, и покой весьма хорошо закрытымъ. И послѣ того, какъ онъ дважды и трижды возвращался туда, чтобы посмотрѣть все ли убываютъ лари, наконецъ, дабы устеречь грабителей, чтобы не возвращались они болѣе столь беззащѣнно къ себѣ домой, повелѣлъ онъ сдѣлать нѣкоторыя западни, и поставить ихъ возлѣ ларей, гдѣ были сокровища. Грабители вернулись по своему обычаю, и вошелъ одинъ изъ нихъ въ покой. Но вдругъ, когда приблизился онъ къ ларю, очутился захваченнымъ западней. Тогда, зная опасность, въ которой онъ былъ, быстро позвалъ онъ брата и показалъ ему положеніе, въ которомъ онъ находился, убѣждая его подойти къ нему и отсѣчь ему голову, чтобы не было повода погибать вмѣстѣ, если бы онъ былъ узнанъ. Братъ подумалъ, что онъ говорилъ разумно, и посему исполнилъ такъ, какъ тотъ указалъ ему, и, вставивъ камень, вернулся къ себѣ съ головой брата.

Когда насталъ день, царь вошелъ въ свой покой, но, увидѣвъ тѣло грабителя, захваченнаго въ западню, и безъ головы, былъ сильно испуганъ, — вѣдь не было слѣдовъ ни входа, ни выхода. И будучи въ сомнѣніи, какъ могъ онъ устроиться въ подобномъ походеженіи, онъ рѣшилъ, въ видѣ уловки, велѣть вывѣсить тѣло мертвеца на городской стѣнѣ, и поручилъ нѣсколькимъ стражамъ, схватить и привести ему того, или ту, кого увидятъ плачущимъ, и сожалѣющимъ о повѣшенномъ. Когда тѣло

было такъ подвѣшено, высоко и далеко, мать въ великой скорби, которую она чувствовала, обратилась къ другому своему сыну, и приказала ему, что, чего бы это ни стоило, долженъ онъ принести ей тѣло своего брата, угрожая ему, если бы онъ отказался сдѣлать это, пойти къ царю и объявить ему, что сокровища царя у него. Сынъ, узнавъ, что мать принимаетъ дѣло такъ къ сердцу, и что увѣщеванія, которыя онъ дѣлалъ ей, ни къ чему не привели, пустился на такую хитрость. Онъ навьючилъ нѣсколькихъ ословъ и нагрузилъ ихъ козьими шкурами, наполненными виномъ, и погналъ ословъ передъ собой. Подойдя къ мѣсту, гдѣ были стражи, то-есть туда, гдѣ находился повѣшенный, онъ развязалъ двѣ-три козы шкуры, и, увидѣвъ, что вино течетъ на землю, началъ бить себя по головѣ, произнося громкія восклицанія, какъ бы не зная, къ которому изъ этихъ ословъ долженъ онъ броситься къ первому. Стражи, видя, что большое количество вина разливалось, побѣжали они къ тому мѣсту съ сосудами, почитая столь же выгоднымъ для себя собрать все это разлившееся вино. Торговецъ сталъ поносить ихъ и притворился весьма разгнѣваннымъ. Стражи на это были почтительны, онъ же, спустя нѣсколько, успокоился, и, умѣривъ свой гнѣвъ, отвелъ въ концѣ-концовъ своихъ ословъ съ дороги, чтобы пересѣдлать и нагрузить ихъ снова. Произошелъ, тѣмъ не менѣе, нѣкоторый обмѣнъ замѣчаній съ одной и съ другой стороны, пока одинъ изъ стражей не бросилъ въ торговца насмѣшкой, которая только разсмѣшила того; и онъ далъ имъ еще одну лишнюю козу вина. Тутъ они порѣшили усѣсться какъ были, и пить, прося торговца остаться и выпить съ ними по-товарищески, на что онъ согласился; и видя, что они обращаются съ нимъ кротко въ смыслѣ испива-

нія, отдалъ имъ и оставшіяся козы вина. Когда они напились такъ, что всѣ были мертвецки пьяны, напалъ на нихъ сонъ, и они тутъ же заснули. Торговецъ выждалъ до глубокой ночи, потомъ пошелъ, снялъ съ висѣлицы тѣло своего брата, и, издѣваясь надъ стражами, сбрилъ имъ всѣмъ бороду правой щеки. Нагрузилъ тутъ тѣло своего брата на ослось своихъ, и угналъ ихъ домой, выполнивъ повелѣніе своей матери.

На другой день, когда царь былъ оповѣщенъ, что тѣло грабителя ловко было похищено, чрезвычайно сдѣлался онъ угрюмъ, и, желая, во что бы то ни стало, найти того, кто изловчился на подобную продѣлку, совершилъ онъ нѣчто, чему, что до меня, я не могу повѣрить. Онъ открылъ домъ дочери своей, повелѣвая ей принять, безъ различія, каждаго, кто придетъ къ ней, чтобы имѣть съ ней свое удовольствіе, но, однако, раньше, чѣмъ позволить прикоснуться къ себѣ, принудить каждаго сказать ей, что сдѣлалъ онъ въ своей жизни самое осторожное, и самое злое, и чтобы тотъ, кто расскажетъ ей похождение съ грабителемъ, былъ бы ею схваченъ, и да не упуститъ его изъ горницы. Царевна повиновалась приказу отца своего. Но грабитель, разумѣя, къ чему это клонится, захотѣлъ явиться, перещеголявъ всѣ изощренія царя, и провелъ его слѣдующимъ образомъ. Онъ отрубилъ руку у одного вновь умершаго, и, спрятавъ ее подъ своей одеждой, направился къ дочери царя. Едва онъ вошелъ, она спросила его, подобно другимъ, и онъ рассказалъ ей, что самое тяжкое преступленіе, имъ совершенное, было, когда онъ отсѣкъ голову своему брату, схваченному западней въ сокровищницѣ царя,—равно какъ наиболѣе осторожное, изъ совершеннаго имъ когда-либо, было, когда снималъ съ висѣлицы тѣло своего

брата, напоивъ предварительно стражей. Чуть услышала она это, не преминула она схватить его. Но грабитель, съ помощью тьмы, бывшей въ горницѣ, протянулъ ей мертвую руку, что пряталъ онъ, которую она крѣпко схватила, увѣренная, что это была рука говорившаго; но она была обманута, ибо грабитель имѣлъ время выйти и бѣжать.

Когда случай донесень былъ царю, чрезвычайно дивовался онъ на лукавство и отвагу подобнаго человѣка. Наконецъ, повелѣлъ онъ, чтобы оглашено было по всѣмъ городамъ его царства, что прощаетъ этого человѣка, и что, если захотѣлъ бы онъ предстать предъ нимъ, онъ, царь, облагодѣтельствуетъ его. Грабитель увѣровалъ въ оглашенное царемъ, и явился къ нему. Когда царь увидѣлъ его, весьма былъ пораженъ имъ. Однако же, онъ выдалъ за него замужъ свою дочь, какъ найдостойнѣйшаго изъ мужей, и того, который перелукавилъ всѣхъ Египтянъ, ихъ, что всѣхъ народовъ лукавѣй.

Въ году пятомъ, третьяго мѣсяца Жатвы, дня шестнадцатаго, въ тотъ день, отправился Унамуну, старѣйшій въ чертогѣ храма Амонра, царя боговъ, владыки Карнака, чтобы добыть дерево для лады наиверховнѣйшей Амонра,—царя боговъ,—что пребываетъ на Нилѣ, Аману-сихаить.

Въ день, какъ я пришелъ въ Танисъ, мѣсто, гдѣ находятся Смэндэсъ и Тантаману, я вручилъ имъ повелѣнія Амонра, царя боговъ. Они велѣли прочесть ихъ въ присутствіи своемъ, и они сказали: „Да свершать, да свершать по слову Амонра, царя боговъ, властителя нашего!“ „Я оставался до четвертаго мѣсяца Жатвы въ Танисъ, потомъ Смэндэсъ и Тантаману стали торопить меня вмѣстѣ съ кормчимъ корабля Мангабути, и я отчалилъ въ великое море Сирійское въ четвертый мѣсяць Жатвы, перваго дня. Я прибылъ въ Дору, городъ Цаккалы, и Бадилу, ихъ правитель, велѣлъ принести для меня десять тысячъ хлѣбовъ, жбанъ вина, бычачью ногу. Одинъ человекъ съ моего корабля бѣжалъ; похитивъ золотой сосудъ, вѣсомъ въ пять табону, пять серебряныхъ сосудовъ въ двадцать табону, малый мѣшокъ серебра въ одиннадцать табону, всего пять табону

золота и тридцать табону серебра. Я всталъ рано утромъ, я пошелъ къ мѣсту, гдѣ былъ правитель страны, я сказалъ ему: „Меня ограбили въ твоей гавани. Ты же правитель этой страны, и ты ея каратель, ищи мое серебро! Увы, это серебро, принадлежитъ оно Амонра, царю боговъ, владыкѣ странъ, оно принадлежитъ Смэндэсу, оно принадлежитъ Григору, моему правителю, и другимъ благороднымъ Египта, оно—твое, оно принадлежитъ Макамару, оно принадлежитъ Уаради, оно принадлежитъ Цикарбалю, правителю Библоса“. Онъ сказалъ мнѣ: „Гнѣву твоему, и твоему благоволенію. Но, видишь ли, я не знаю ничего объ этомъ происшествіи, о которомъ ты рассказываешь мнѣ. Если однако грабитель изъ моей страны, что вошелъ на твой корабль, и похитилъ у тебя серебро твое, я возьму его изъ моей сокровищницы, пока не найдутъ вора самолично; но если воръ, что ограбилъ тебя, если онъ твой, если онъ принадлежитъ къ кораблю твоему, останься нѣсколько дней близъ меня, дабы я нашелъ его!“ Я былъ девять дней на якорѣ въ его гавани, потомъ я пошелъ къ нему, и я ему сказалъ: „Итакъ, ты не находишь моего серебра. Я же отбуду, также и кормчій корабля, съ тѣми, что отправляются въ гавань Тира. Ежели ты найдешь мое серебро, сохрани его у себя, и когда возвращаться буду я въ Египетъ, я остановлюсь у тебя, и я возьму его“. Онъ согласился на это, и въ четвертый мѣсяцъ Жатвы, въ день десятый, я снова отплылъ въ великое море Сирійское. Я прибылъ въ гавань Тира, я рассказалъ свою бѣду правителю Тира, и я сѣтовалъ на властителя Доры, который не нашелъ грабителей и который не вернулъ мнѣ моего серебра, но правитель Тира былъ другъ властителя Доры. Онъ сказалъ

мнѣ: „Умолкни, или постигнетъ тебя злосчастье!“ Я отбыль изъ Тира, съ утра, я поплыль внизъ по великому морю Сирійскому, чтобы направиться къ мѣстности, гдѣ былъ Цикарбаль, правитель Библоса. Были же Цаккалы на кораблѣ съ сундукомъ: я открыль сундукъ, я нашель тамъ серебро, тридцать табону, я завладѣль имъ. Я сказалъ имъ: „Вотъ, я беру ваше серебро и оно останется при мнѣ, пока вы не найдете собственное мое серебро. Если скажете вы: „Мы не вѣдаемъ того кто укралъ его, мы не брали его,“ все же я возьму его“. Когда увидѣли они, что я твердъ, они ушли, я же прибыль въ гавань Библоса. Я сошелъ съ корабля, я взяль корабль, въ которомъ содержалось изваяніе Амона, бога Пути, я помѣстилъ туда принадлежащее богу. Властитель Библоса повелѣль сказать мнѣ: „Уйди, ты, изъ моей гавани!“ Я послалъ ему сказать: „Зачѣмъ ты гонишь меня? Или Цаккалы сказали тебѣ, что я взяль ихъ серебро? Но, вотъ, серебро, что имѣли они, было мое собственное серебро, которое было у меня похищено въ то время, какъ я былъ въ гавани Доры. Я же, Амона гонецъ я, котораго Григору, мой правитель, послалъ къ тебѣ, чтобы добыть дерева, нужнаго для лады Амона, и корабль, который Смэндэсъ и Тантаману дали мнѣ, ушелъ обратно тотчасъ же. Ежели желаешь ты, чтобы я ушелъ изъ твоей гавани, дай повелѣніе одному изъ кормчихъ кораблей твоихъ, когда отправятся они въ открытое море, да буду доставленъ я въ Египеть!“ Я провелъ девятнадцать дней въ его гавани, и у него находился досугъ всякій день прислать мнѣ сказать: „Уходи изъ моей гавани“.

Когда же совершалъ онъ жертвоприношеніе своимъ богамъ, богъ схватилъ одного тѣлохранителя, высокаго

изъ высокихъ, и бросилъ его въ судорогахъ. Онъ ска-
заль: „Поднеси бога къ свѣту! Приведи гонца Амона, кото-
рый съ нимъ. Отправь его, повели ему отбыть!“ Тѣмъ вре-
менемъ, какъ одержимый былъ въ содроганіяхъ, той ночью,
я нашель корабль, направлявшійся въ Египеть, я нагрузилъ
туда все, что было моего, и я созерцаль тьму, и я гово-
рилъ: „Да спустится она, дабы я отчалилъ вмѣстѣ съ бо-
гомъ такъ, чтобы око ничье не примѣтило его, кромѣ моего!“
Когда завѣдующій гаванью подошелъ ко мнѣ, онъ сказалъ:
„Останься до завтра, во имя желанія властителя“. Я ска-
заль ему: „Не ты ли тотъ, что удосуживался ежедневно,
чтобы придти и сказать мнѣ: „Уйди ты изъ моей гавани“,
и не говоришь ли ты мнѣ теперь: „Останься здѣсь!“, да-
бы отплылъ корабль, который я нашель, послѣ чего ты
придешь, и ты мнѣ скажешь снова: „Живо, бѣги!“ Онъ
повернулъ спину, онъ ушелъ, онъ сказалъ это власти-
телю, и властитель послалъ сказать начальнику корабля:
„Останься до завтрашняго утра, по волѣ властителя“.
Когда настало утро, онъ прислалъ за мной на вышку,
межъ тѣмъ какъ происходило жертвоприношеніе, во двор-
цѣ гдѣ пребываетъ онъ, на берегу моря. Я нашель его
сидящимъ въ своемъ верхнемъ покоѣ, спиной опершись
на стропила помоста, и волны великаго моря Сирійскаго
бились сзади него. Я сказалъ ему: „Во славу Амона“.
Онъ сказалъ мнѣ: „Сколько прошло донинѣ съ тѣхъ
поръ, какъ ты покинулъ край пребыванія Амона?“ Я от-
вѣтилъ ему: „Пять мѣсяцевъ и одинъ день донинѣ!“
Онъ сказалъ мнѣ: „Ну, ты, будь правдивъ. Гдѣ они, по-
велѣнія Амона, что должны были бы быть въ рукѣ тво-
ей? Гдѣ она, грамота этого верховнаго жреца Амона, что
долженствовала быть въ рукѣ твоей?“ Я сказалъ ему: „Я
вручилъ ихъ Смэндесу и Тантаману“. Онъ очень разгнѣвалъ-

ся, и онъ сказалъ мнѣ: „Итакъ, нѣтъ болѣе предписаній, ни грамотъ въ твоей рукѣ! А гдѣ же онъ, этотъ корабль изъ дерева акаціи, который далъ тебѣ Смэндэсъ? Гдѣ Сирійскіе его моряки! Не для того ли онъ передалъ тебя этому кормчему, когда отплывалъ тотъ, чтобы онъ повелѣлъ убить тебя, и чтобы бросили тебя въ море? Если это такъ, чьимъ именемъ будутъ искать бога, и чьимъ именемъ будутъ искать тебя?“ Такъ сказалъ онъ мнѣ. Я сказалъ ему: „Не Египетскій ли это корабль, не Египетскіе ли это моряки, что плаваютъ за счетъ царя Смэндэса? поелику нѣтъ на немъ моряковъ Сирійскихъ!“ Онъ сказалъ мнѣ: „Не находятся ли въ настоящее время двадцать кораблей въ моей пристани, которые стоятъ въ содружествѣ со Смэндэсомъ? А этотъ Сидонъ, другой этотъ городъ, котораго хочешь ты достигнуть, не находится ли тамъ десять тысячъ другихъ кораблей, что въ содружествѣ съ Уракатилу, и которые плывутъ къ своему дому?“

Я умолкъ въ тотъ знаменательный часъ. Онъ снова заговорилъ, онъ сказалъ мнѣ: „Ты пришелъ сюда, чтобы какде исполнить порученіе?“ Я сказалъ ему: „Я пришелъ за деревомъ для ладьи верховнѣйшей Амонра, царя боговъ. То, что совершилъ твой отецъ, что совершилъ отецъ твоего отца, сверши это и ты“. Такъ я говорилъ ему. Онъ мнѣ сказалъ: „Они, что сдѣлали они, и что ты предлагаешь мнѣ сдѣлать, я сдѣлаю это. Нѣкогда мои свершали это служеніе, ибо Фараонъ, жизнь, здоровье, сила, повелѣлъ привести для нихъ шесть кораблей, нагруженныхъ Египетскими товарами, которые разгрузили въ ихъ складахъ. Ты тоже повели столько же привести и мнѣ!“ Онъ велѣлъ принести записи своего отца, и онъ велѣлъ ихъ прочесть въ моемъ присутствіи, и установили, что всего тысячу табон у серебра было вписано въ его перечень.

Онъ сказалъ мнѣ: „Если бы властитель Египта былъ моимъ владыкой, а я, былъ бы я слугой его, не было бы нужды привозить мнѣ серебро и золото, говоря: „Сверши служеніе Амону“. Не царскій это указъ привозили отцу моему. Я жь, конечно, я, не есмь я твой слуга; я, не слуга я того, кто послалъ тебя. Я громко взываю къ древамъ Ливана, и небо отверзается, и древо остается простертымъ на землѣ на морскомъ побережьѣ. Но да покажутъ мнѣ паруса, что везешь ты, чтобы доставить твои корабли, нагруженные деревомъ, въ Египетъ! Да покажутъ мнѣ канаты, которые ты имѣешь, дабы связать балки, что я срублю для тебя, чтобы дать ихъ тебѣ въ подарокъ! Если я не сдѣлаю для тебя канатовъ, если не сдѣлаю тебѣ парусовъ для твоихъ кораблей, отдѣлка спереди и сзади тяжела, она разобьется, и ты умрешь средь моря. Ибо Амонъ громовникъ, и онъ разобьетъ ковы Сутеху въ свой часъ. И Амонъ бдитъ надъ всѣми странами; если править онъ ими, править онъ и землей Египетской, изъ которой ты приходишь, прежде всего, и совершенствованіе исходитъ отъ нея, чтобы достигнуть той страны, гдѣ я. Что же это за безумныя странствованія заставляютъ тебя совершать?“

Я сказалъ ему: „Ложь! Нѣтъ странствія безумнаго для тѣхъ, къ которымъ принадлежу я! Корабля нѣтъ на Нилѣ, что не подлежалъ бы Амону; море, оно его, и егѣ эти деревья Ливана, о которыхъ говоришь ты: „Они мои!“ но которыя суть владѣнія ладьи Аманусихаитъ, царицы лодокъ. Увы! онъ рекъ Амону, царь боговъ, говоря Григору, моему владыкѣ: „Пошли меня!“, и онъ послалъ меня съ эгимъ богомъ великимъ. Однако, смотри, ты заставилъ пробыть этого бога великаго въ теченіе двадцати девяти дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ прибылъ въ твою

пристань, и ты даже не зналъ, былъ онъ здѣсь или нѣтъ, а не онъ ли тамъ, межъ тѣмъ какъ ты торгуешься изъ за кедровъ Ливанскихъ съ Амономъ, ихъ владыкой? И когда ты говоришь: „Прежніе цари посылали серебро и золото!“, ну да, еслибъ посылали они жизнь и здорovie, не посылали бы они подарковъ вещественныхъ; они же посылали вещественные дары, вмѣсто жизни и здорovie, отцамъ твоимъ. Но Амонра, царь боговъ, это онъ владыка жизни и здорovie. Онъ это владыка отцовъ твоихъ. И они проводили свою жизнь въ жертвоприношеніяхъ Амону. Ты самъ, ты, ты благой слуга Амона. Если ты скажешь: „Я свершу это, я свершу это!“ для Амона, и если ты исполнишь его велѣніе, ты будешь жить, въ невредимости пребудешь ты, въ здравіи пребудешь, благодареніемъ пребудешь для всей страны твоей и народа твоего. Но не вожделѣй вещи Амонра, царя боговъ, ибо левъ, онъ любить свое добро. Теперь же повели позвать ко мнѣ писца моего, да пошлю его къ Смэндэсу и Тантаману, къ покровителямъ, которыхъ Амонъ поставилъ на сѣверѣ своей страны, и да повелятъ они принести тебѣ все, чего бы ни потребовалъ я: „Да будетъ это принесено!“, межъ тѣмъ какъ я вернусь на югъ и провожу тебѣ жалкія подачи твои, все, все!“ Такъ ему говорилъ я. Онъ передалъ мою грамоту своему гонцу; онъ нагрузилъ на корабль мостки, переднюю главу, заднюю главу ¹⁾, и четыре другихъ балки, обтесанныхъ топоромъ, всего семь вещей, и онъ отослалъ ихъ въ Египеть.

Его гонецъ отправился въ Египеть, и онъ вернулся ко мнѣ въ Сирію въ первый зимній мѣсяцъ. Смэндэсъ

1) Ладыя Амона имѣла двѣ головы барана, спереди и сзади.

и Тантаману прислали мнѣ четыре кубка и водовмѣстилице изъ золота, пять серебряныхъ кубковъ, десять кусковъ царскаго полотна, пятьсотъ бычачьихъ шкуръ, пятьсотъ свитковъ папируса, двадцать мѣшковъ чечевицы, тридцать корзинокъ сушеной рыбы; и Тантаману прислалъ мнѣ пять кусковъ царскаго полотна для пяти плащей, мѣшокъ чечевицы, пять корзинокъ сушеной рыбы. Правитель возрадовался, онъ поставилъ триста мужей, триста быковъ, назначилъ начальниковъ надъ ними, чтобы срубить деревья. Они срубили ихъ и дерево пролежало зиму на землѣ, потомъ, въ третій мѣсяць Жатвы, ихъ стащили на берегъ моря. Правитель вышелъ, онъ приблизился, онъ велѣлъ мнѣ сказать: „Приди!“ Когда я проходилъ возлѣ него, тѣнь отъ его зонта упала на меня, и Пэнману, одинъ изъ приверженцевъ, преданный ему, всталъ между властителемъ и мной, говоря: „Тѣнь Фараона, жизнь, здоровье, сила, твоего владыки, падаетъ на тебя!“ Но правитель разгнѣвался на него и сказалъ ему: „Ты оставь его!“ Я подошелъ вплотъ къ нему и онъ спросилъ меня, говоря: „Смотри, служеніе, что свершали мои отцы раньше, я выполнилъ его также, хотя ты и не сдѣлалъ для меня того, что отцы твои дѣлали для меня. Взгляни же ты! весь лѣсъ твой, до послѣдняго дерева, прибылъ и онъ тамъ; дѣйствуй теперь согласно сердцу твоему, приди нагрузить его, ибо не даны ли они тебѣ? Все же не являйся созерцать свирѣпствованія моря, или, если созерцаешь свирѣпствованія моря, созерцай также и мое собственное. Увы! не сдѣлалъ я съ тобой того, что сдѣлали съ посланцами Хамоиса, которые оставались семнадцать лѣтъ въ этой странѣ, и которые здѣсь умерли. Онъ сказалъ своему приспѣшнику: „Проводи его; да увидить онъ ихъ могилу, въ которой они покоятся“. Я сказалъ:

„Не принуждай меня смотрѣть ее. Хамоисъ, люди, которыхъ онъ отправилъ къ тебѣ въ качествѣ пословъ, были изъ его домашней прислуги; богомъ какимъ - нибудь ни одинъ изъ пословъ тѣхъ не былъ. Ты же, ты говоришь мнѣ: „Бѣги, посмотри на твоихъ равныхъ. Зачѣмъ лучше не возрадуешься ты, и не повелишь воздвигнуть скрижаль, на которой ты бы сказала: „Амонра, Царь боговъ, послалъ ко мнѣ Амона Дороги, какъ посла своего божественнаго вмѣстѣ съ Унамуну, какъ посла своего человѣческаго, за деревомъ для ладьи всеверховнѣйшей Амонра, царя боговъ. Я срубилъ деревья, я нагрузилъ ихъ, я снарядилъ ему мои корабли, и моихъ моряковъ, и я отправилъ ихъ въ Египетъ, дабы получить отъ Амона десять тысячъ лѣтъ жизни сверхъ тѣхъ, что мнѣ были суждены: Да будетъ такъ“. Когда, позднѣе, въ иные дни, гонецъ придетъ изъ земли Египетской, который освѣдомленъ будетъ въ письменахъ, и когда прочтетъ онъ твое имя на скрижали, ты получишь воды Аменти, подобно богамъ, что обитаютъ тамъ!“ Онъ сказалъ: „Предметъ это долгихъ обсужденій, то что ты мнѣ сказалъ.“ Я сказалъ ему: „Многочисленныя рѣчи, что мнѣ сказалъ ты, когда достигну я мѣста, гдѣ находится этотъ первый прорицатель Амона, и когда онъ увидитъ, какъ ты исполнилъ твое назначеніе, онъ повелитъ доставить тебѣ дары“.

Я пошелъ на берегъ моря, къ мѣсту, гдѣ находилось дерево, и я замѣтилъ одиннадцать кораблей, которые прибывали изъ открытаго моря, и которые принадлежали людямъ Цаккалы, съ такимъ наказомъ: „Да заключать его въ тюрьму, и ни одинъ изъ его кораблей да не отправится въ Египетъ“. Я сѣлъ, я плакалъ, дѣлоправитель царскій вышелъ ко мнѣ, и онъ мнѣ сказалъ: „Что съ тобой?“ Я сказалъ ему: „Или ты не видишь цапель, что направля-

ются къ Египту? Взгляни на нихъ, онѣ вступаютъ въ свѣжія воды, но увы, доколѣ же пребуду я покинутымъ? Ибо не видишь ли ты тѣхъ, что идутъ, чтобы схватить меня снова?" Онъ пошелъ, онъ сказалъ властителю. Властитель сталъ плакать по причинѣ словъ, что говорили ему, столь печальныхъ. Онъ велѣлъ выйти своему дѣлоправителю, который принесъ мнѣ два жбана вина и одного барана, и онъ велѣлъ привести мнѣ Тантанунтъ, одну Египетскую пѣсенницу, что была у него, говоря: „Спой ему, дабы мысли сердца его стихли!“ И онъ послалъ мнѣ сказать: „Ѣшь, пей, да не томится твое сердце! ты услышишь все, что имѣю я сказать, завтра утромъ!“ Когда настало утро, онъ велѣлъ позвать своихъ людей на свое побережье, онъ сталъ среди нихъ, и онъ сказалъ людямъ Цаккалы: „Что означаетъ ваше прибытіе?“ Они сказали ему: „Мы прибыли въ погонѣ за этими кораблями, совершенно разбитыми, которые ты направляешь въ Египетъ съ нашими проклятыми сотоварищами!“ Онъ сказалъ имъ: „Я не могу заключить въ тюрьму вѣстника Амона на моей землѣ. Дайте мнѣ отправить его, а потомъ вы пуститесь за нимъ и схватите его“.

Онъ снарядилъ меня, онъ отправилъ меня. Я удалился отъ морской пристани, и вѣтеръ забросилъ меня въ страну Алазію. Люди города, тѣ, вышли противъ меня, чтобы убить меня, и притащили меня къ себѣ, въ мѣсто, гдѣ была Гатиби, владычица города. Я нашелъ ее, когда она выходила изъ одного изъ обиталищъ своихъ, чтобы войти въ другое, я воззвалъ къ ней, говоря людямъ, бывшимъ при ней: „Нѣтъ ли кого среди васъ, кто разумѣлъ бы языкъ Египетскій?“ Одинъ изъ нихъ сказалъ: „Я разумѣю его“. Я сказалъ ему: „Скажи госпожѣ моей: „Я слышалъ молву до самыхъ Оивъ, и въ мѣстѣ, гдѣ пребываетъ

Амонъ: „Если въ любомъ городѣ поступаютъ несправедливо, въ странѣ Алазіи поступаютъ справедливо, здѣсь же, вотъ, поступаютъ несправедливо каждый день“. Она сказала: „Увы! что ты тамъ говоришь?“ Я сказалъ ей: „Теперь, когда море свирѣпствуетъ и вѣтеръ забросилъ меня въ страну, гдѣ ты, не допустишь же ты, чтобы они схватили меня, передъ тобою, и убили меня? Поелику я, вѣстникъ я Амона,—конечно,—узри,—меня, искать меня будутъ до конца временъ. Что же до этихъ людей властителя Библоса, которыхъ стараются убить, если владыка ихъ найдетъ позднѣе десять твоихъ людей, не убьетъ-ли онъ ихъ въ отместку?“ Она велѣла созвать свой народъ; ихъ удержали, и она сказала мнѣ: „Иди, отдохни...“

ЗАХВАТЪ ПАНЦЫРЯ.

„Не первый я, что приходитъ къ нему по этому поводу. Онъ—это тотъ, который унесъ его въ крѣпость Зауифрѣ, *Градъ Двухъ Близнецовъ Солнца*, тотчасъ, какъ только захватилъ онъ оружіе изъ ихъ рукъ, и вынесъ его вонъ изъ домовъ ихъ, такъ что ни единое существо въ мірѣ не замѣтило этого. И взялъ онъ его въ свой собственный городъ, что я даровалъ ему, въ области, близъ главнаго управителя стадами Сахми“. Всѣ слова, что юный его слуга сказалъ передъ нимъ, повторилъ ихъ предъ Фараономъ, и два дня употребилъ онъ на произнесеніе ихъ предъ Пѣтубастисомъ, и слова не было на свѣтѣ, которое отсутствовало бы тамъ. Пѣму сказалъ ему: „Горе сердца да пребудетъ надъ Зауифрѣ! Этотъ панцырь, не захватилъ ли ты его къ себѣ? Не протянулъ ли ты руку къ панцырю царственнаго Инароса, дабы унести его въ Зауифрѣ, твой городъ, и не спряташь ли ты его, дабы не вернуть его на прежнее его мѣсто? Дѣйствовалъ ли ты такъ по причинѣ увѣренности своей въ силѣ твоей или, быть можетъ, потому что родъ твой испытанъ въ наукѣ воителя?“ Великій владыка Амона Оивскаго сказалъ ему: „Именемъ Гора! Я не верну тебѣ панцыря безъ боя. Родъ мой не извѣдалъ ли

науку воителя?“ Они разлучились, чтобы приготовить войну, каждый къ себѣ, затѣмъ Пэму младшій отплылъ на своей ладѣ, и послѣ ночи плаванія по рѣкѣ, прибылъ онъ въ Танисъ, дабы сообщить царю о томъ, что Великій Властитель Амона въ Фивахъ свершилъ.

Фараонъ Пэтубастисъ велѣлъ призвать ихъ къ себѣ, правителя Востока, Пакрура, и Пэму младшаго, говоря: „Да повергнутся они ницъ въ присутствіи нашемъ, и да пребудутъ такъ предъ нами“. Стражи и должностные, и начальники шествій сказали: „Да явятся они въ чертогъ застѣданий“. Правитель Востока, Пакруръ, сказалъ: „Очень ли это благородно, то, что свершилъ великій владыка Амона Фивскаго,—покрыть поношеніями царственного Инароса, межъ тѣмъ какъ ликъ того обращень былъ къ слугамъ своимъ?“ Выслушавъ его слова, Фараонъ сказалъ: „Вождь Востока, Пакруръ, и Пэму младшій, не сокрушайтесь въ сердцахъ вашихъ изъ-за словъ, что произнесъ онъ. Жзнью Амонра, владыки Богограда, царя боговъ, великаго бога Таниса, я повторяю тебѣ это, я повелю даровать царственному Инаросу гробницу великую и славную“. Въ мигъ, какъ Пэму услышалъ эти слова, онъ сказалъ: „Фараонъ, великій мой владыка, слова, что произнесъ ты, подобны сладостному благовѣянью для людей Мэндэса, что избѣгли бы моего мщенія! Именемъ Атуму, владыки Солнцеграда, Ра-Горомъ-Хопруи-Маруити, богомъ великимъ, моимъ богомъ, да сберегъ онъ мужей Египта, что подвластны ему, и я воздамъ ему ударъ, что онъ нанесъ мнѣ“. Фараонъ сказалъ: „Сынъ мой Пэму, не покидай путей мудрости, чтобы въ мое время не возникли напасти въ Египтѣ!“ Пэму склонилъ голову и лицо его запечалилось. Царь сказалъ: „О, писецъ, да разошлютъ гонцовъ во всѣ области Египта,

отъ Элефантины до Суану, дабы сказать правителямъ областей: „Ведите вашего чтеца-заклинателя, и вашихъ бальзамировщиковъ изъ чертога божественнаго, несите ваши погребальныя пелены, благовонія ваши, во градъ Бузирись-Мэндэсъ, дабы свершили, какъ предписано Гапису, Мнэвису, Фараону, царю боговъ, прославление, со всѣми обрядами въ честь царственнаго Инароса, согласно повелѣнному Его Величествомъ“. И когда время настало, страны Юга устремились, страны Сѣвера поспѣшили, Востокъ и Западъ приспѣль, и всѣ прибыли они въ Бузирись-Мэндэсъ. Тогда великій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ: „Сынъ мой Пэму, наблюдай за людьми областей Востока, да приготовятъ они погребальныя свои покровы, свои благовонія, своихъ бальзамировщиковъ изъ чертога божественнаго, своихъ верховныхъ кудесниковъ и ихъ помощниковъ, что входятъ въ домъ претворенія веществъ; да направлятсѣ они въ Бузирись, да внесутъ тѣло усопшаго царя Инароса въ покой бальзамированія, да умястятъ его и погребутъ погребеніемъ великолѣпнѣйшимъ, верховнымъ и красивѣйшимъ, подобнымъ тому, что свершаютъ надъ Аписомъ и Фараономъ, царемъ боговъ! Да воздадутъ ему это, потому да перенесутъ его въ гробницу его на паперти Бузириса-Мэндэса!“ Послѣ чего Фараонъ отослалъ дружины Египетскія въ ихъ области и города.

Тогда Пэму сказалъ высокому властителю Востока, Пакруру: „Отецъ мой, могу ли и я возвратиться въ Солнцеградъ, область мою, и отпраздновать тамъ праздникъ, межъ тѣмъ какъ панцырь отца моего Инароса пребудетъ на островѣ Мэндэса, въ Зауифрѣ?“ Высокій властитель Востока, Пакруръ, сказалъ: „Великія то были слова, о, Супдिति, богъ Востока, твои, когда ты рекъ:

„Ты пойдешь противъ воли вѣщаго моего Инароса, если можешь войти въ Солнцеградъ, доколь не принесемъ мы туда съ собою панцырь“. Два властителя отплыли на одной ладѣ, они странствовали, покуда не прибыли въ Танись, и они устремились въ чертогъ совѣщаній къ царю. Въ часъ, какъ царь узрѣлъ властителей Востока, Пакрура и Пэму, и ихъ дружину, смутилось сердце его, и онъ сказалъ имъ: — „Что сіе, государи мои? Не отправилъ ли я васъ въ области ваши, въ ваши города, къ благороднымъ мужамъ вашимъ, дабы справили они въ честь вѣщаго моего Инароса высокое и красивое погребеніе? Что же означаетъ предосудительное сіе поведеніе съ вашей стороны?“ Высокій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ: „Великій мой властитель, но можемъ ли мы вернуться въ Солнцеградъ, и не принести съ собою, въ области и города наши, панцырь царственнаго Инароса, въ чемъ позоръ для насъ предъ всѣмъ Египтомъ? Можемъ ли мы справить въ честь него праздникъ погребенія, доколь панцырь его пребудетъ въ крѣпости Зауифрѣ, и не принесемъ мы его снова въ его мѣсто первичное, въ Солнцеградъ“. Фараонъ сказалъ: „О, писецъ, снеси посланіе съ моимъ повелѣніемъ въ крѣпость Зауифрѣ, великому владыкѣ Амона въ Оивахъ, гласящее: „Не замедли прибыть въ Танись, для нѣкоего дѣла, которое желаю я, чтобы ты свершилъ“. Писецъ запечаталъ письмо, онъ припечаталъ его печатью, онъ вручилъ его нѣкому мужу цвѣтному. Не замедлилъ тотъ отбыть въ Зауифрѣ. Онъ передалъ быстро вѣсть въ руки великому владыкѣ Амона въ Оивахъ, который прочелъ его и не замедлилъ явиться въ Танись, въ мѣсто, гдѣ былъ Фараонъ. Фараонъ сказалъ: „Великій владыка Амона въ Оивахъ, узри, панцырь Озириса, царя Инароса, да бу-

детъ онъ отправленъ въ мѣсто свое первичное, да будетъ онъ перенесенъ назадъ въ Солнцеградъ, въ домъ Пэму, въ мѣсто, откуда ты взялъ его“. Въ мигъ, какъ великій властитель Амона въ Оивахъ услышалъ его, опустилъ онъ голову, и лицо его омрачилось. Фараонъ спросилъ его трижды, но онъ не отвѣтилъ ни слова.

Тогда Пэму приблизился предъ ликъ Фараона, и онъ сказалъ: — „Негръ, Эѳіопъ, пожиратель камеди, или намѣреніе твое, въ силѣ своей увѣренное, сразиться со мной предъ Фараономъ?“ Едва услышали воинства Египетскія эти слова, они воскликнули: „Великій властитель Амона въ Оивахъ желаетъ войны!“ Пэму сказалъ: „Именемъ Атуму, владыки Солнцеграда, великій богъ, мой богъ, не дано было повелѣнія, и почтительность должная царю, она благоволитъ тебѣ. Я на мѣстѣ прочилъ бы тебя, злоцвѣтный“. Великій властитель Амона въ Оивахъ сказалъ: „Жизнью Мэндэса, бога великаго, борьба, она вспыхнетъ въ странѣ, война, она загорится во градѣ, племя на племя возстанетъ, мужа на мужа устремить, изъ-за панцыря, прежде чѣмъ вырвутъ его изъ крѣпости Зауифрѣ“. Высокій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ предъ Фараономъ: „Благо ли то, что великій властитель Амона въ Оивахъ свершилъ, и слова, что молвилъ онъ? Фараонъ увидитъ, кто изъ насъ сильнѣйшій?“ Я низрину на великаго властителя Амона въ Оивахъ, и на область Мэндэса, позоръ ихъ дѣяній и ихъ словъ, тѣхъ, что произнесли они, сказавъ о распряхъ междоусобныхъ: Я пресыщу ихъ войнами, я попытаюсь, дабы битва и война не возникла въ Египтѣ во дни Фараона. Но ежели дозволено мнѣ будетъ, я явлю Фараону бой межъ людьми двухъ щитовъ. И будешь ты свидѣтелемъ того, что случится! Ты увидишь, какъ

горы взорвутся до неба, что стелется надъ землею, и содрогнется земля. Ты увидишь быковъ Писабди, львовъ Метелиса, и ихъ способъ сражаться, и закалится желѣзо, когда согрѣемъ его мы кровью“. Фараонъ сказалъ: „Нѣтъ, о, отецъ нашъ, высокій вождь Востока, Пакруръ, потерпи и не тревожься такъ. Теперь-же, идите каждый въ ваши области и города ваши, и я повелю взять панцырь усопшаго царя Инароса, и перенести его назадъ въ Солнцеградъ, въ мѣсто, откуда былъ онъ похищенъ, ликованіе предъ нимъ, любовь вослѣдъ. Если усомнишься, великая война вспыхнетъ: Сверши же, да не возникнетъ войны у насъ. Сдѣлайте милость, даруйте мнѣ пять дней, и, жизнью Амонра, владыки, царя боговъ, бога моего великаго, когда вступишь ты въ свои области и въ города свои, я повелю перенести панцырь въ мѣсто его первичное. Фараонъ умолкъ, онъ всталъ, онъ приблизился, и Пэму младшій подошелъ къ Фараону, и сказалъ: „Великій мой властитель, именемъ Атуму, бога великаго, если даруютъ мнѣ панцырь и я унесу его въ Солнцеградъ, не отнимая его силой, стрѣлы почіють въ Египтѣ, по причинѣ этой. Но еслибъ даже воинство страны Всея вернулось къ очагамъ своимъ, я пойду во имя Вѣшаго моего, Инароса, и я принесу панцырь въ Солнцеградъ“.

Великій властитель Амона въ Оивахъ сказалъ: „Фараонъ, нашъ повелитель великій, да возможешь ты достигнуть долголѣтія Ра, да соизволитъ Фараонъ повелѣть писцу возвѣстить гласъ мой въ областяхъ моихъ и въ моихъ городахъ, братьямъ моимъ, товарищамъ моимъ, моимъ колесничимъ, тѣмъ, что племени моего, да услышатъ они меня“. Фараонъ сказалъ: „Пусть. Да приведутъ писца“. Когда пришелъ писецъ, велѣніемъ Фараона,

начерталь онъ народамъ области Мэндэса, тоже и Тахосу, вождю воинствъ области и Фрамоони, сыну Ангору, говоря: „Дѣлайте всѣ приготовления, вы и ваши люди. Да будетъ имъ дано пропитаніе, одежда, денегъ изъ царскаго дома, и да получаютъ они повелѣніе къ отбытію. Тѣмъ же, кто вовсе не имѣетъ вооруженія и доспѣховъ, тѣмъ да даруютъ денегъ изъ моей сокровищницы, и засимъ да придутъ ко мнѣ къ озеру Газели, которое будетъ мѣстомъ причала властителей, начальниковъ, воинскихъ вождей, въ виду борьбы города съ городомъ, области съ областью, племени съ племенемъ, которая, вотъ, зачнется. Сверхъ того, да пошлютъ въ дома Ангору, сына Гарбиза, властителя области Палахитить. Равно, да пошлютъ въ дома Тэнипони сына Уцакау, царевича...“ Тогда правители Таниса, и Мэндэса, и Тахаита, и Сэбэннитоса, послали за своими воинствами, и Ангору, сынъ Фараона, разослалъ по своимъ городамъ и къ братьямъ своимъ, дѣтямъ Фараона, и они выстроились предъ палаткой Фараона, каждый по области и по городу своему. Такъ было сдѣлано. Въ часъ, какъ услышалъ Пэму младшій имена царевичей и войскъ областей и городовъ, къ которымъ направлялъ великій властитель Амона въ Оивахъ, заплакалъ онъ, какъ малый ребенокъ. Высокій вождь Востока, Пакруръ, взглянулъ на него, и онъ увидѣлъ, что лицо его опрокинуто, и что печалень онъ былъ въ сердцѣ своемъ, и онъ сказалъ: „Сынъ мой, вождь воинствъ, Пэму младшій, не сокрушайся! Когда услышатъ они происходящее, твои содружные, соединятся они тоже съ тобою.“ Высокій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ Фараону: „Повели придти Сунизи, сыну Уаггора, писцу, дабы написалъ онъ повелѣніе нашимъ областямъ и нашимъ городамъ, нашимъ братьямъ,

и нашимъ мужамъ.“ Фараонъ сказалъ: „Писецъ, сдѣлай все, что повелѣно тебѣ будетъ.“ Высокій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ: „Писецъ!“ Тотъ сказалъ ему: „Къ услугамъ твоимъ, высокий мой повелитель!“ Высокій вождь Востока, Пакруръ, сказалъ: „Начертай быстровѣсть Гаруи, сыну Пэтэхонсу, счетчику участковъ моего города и надѣловъ людей, что тамъ живутъ, гласящую: „Сдѣлай приготовленія съ дружиной Восточной области. Да будетъ дано имъ пропитаніе, одежда; тѣмъ же, у которыхъ вовсе нѣтъ вооруженія и снаряженія, да будетъ имъ даровано это изъ моей сокровищницы, и да отправятся они въ походъ, но да остерегутся совершить какое-либо насиліе, до тѣхъ поръ, пока я на якорѣ въ озерѣ Газели для борьбы, что зачнется, области съ областью, и племени съ племенемъ, по причинѣ Пэму младшаго, сына Инароса, ибо Пэму младшій идетъ сразиться съ великимъ властителемъ Амона въ Оивахъ, за панцырь Инароса, который унесенъ былъ тѣмъ въ крѣпость Зауифрѣ, что на островѣ области Мэндэса!“

„Напиши другую быстровѣсть въ область Восточную, въ городъ Писапди, вождю воителей, Пэтэхонсу, гласящую: „Соверши приготовленія твои, равно и твоя дружина, твоихъ коней, твоего скота, твои лады, и мужей Востока, что должны слѣдовать за тобою всѣ, и это, за панцырь вѣщаго, усопшаго, царственного Инароса, который великій властитель Амона въ Оивахъ унесъ въ крѣпость Зауифрѣ. Я соединюсь съ тобою у озера Газели, по причинѣ распри, что, вотъ, вспыхнула.“

„Напиши другую быстровѣсть Фрамоони, сыну Зинуфи, царевичу Пиманхи, въ выраженія вышеозначенныхъ.

„Напиши еще другую быстровѣсть, царевичу Миннэ-

мэи, сыну Инароса, изъ Элефантины, равно и его тридцати тремъ вооруженнымъ мужамъ, его оруженосцамъ, его домовымъ жрецамъ, его Эфіопскимъ наемникамъ, его пѣхотинцамъ, его конямъ, его скоту.

„Напиши еще другую быстровѣсть Пэму, сыну Инароса младшаго, съ крѣпкимъ ударомъ, гласящую: „Соверши приготовленія твои, такъ же какъ твоя дружина, твои мужи-воители, семь твоихъ домовыхъ жрецовъ“;—въ выраженіяхъ вышеозначенныхъ.

„Напиши еще другую быстровѣсть въ Бузирись, къ Баклулу, сыну Инароса, гласящую: „Соверши твои приготовленія съ твоей дружиной“;—въ выраженіяхъ вышеозначенныхъ.

„Напиши еще другую быстровѣсть на островъ Гераклеополисъ, Анкгору однорукому, гласящую: „Соверши твои приготовленія съ твоей дружиной, равно и вооруженные тѣлохранители,—и напиши еще другое повелѣніе къ Мэндэсу, сыну Пэтэхонсу и жрецамъ его, въ выраженіяхъ вышеозначенныхъ.

„Напиши еще другую быстровѣсть въ Атрибись, къ Сукотесу, сыну Зинуфи, гласящую: „Соверши твои приготовленія, также какъ дружина твоя и мужи вооруженные“.

„Напиши еще другую быстровѣсть Уилуни, сыну Анкгору, царевичу крѣпости Мэитумъ, гласящую: „Соверши твои приготовленія, также и дружина твоя, твои наемники, твои кони, твой скоть!“

„Напиши, наконецъ, еще другую быстровѣсть великому вождю Востока, Пакруру, областямъ его и его городамъ, гласящую: „Совершите приготовленія ваши къ озеру Газели!“

И послѣ этого великій вождь Востока, Пакруръ, ска-

заль: „Сынъ мой Пэму, выслушай слова, что писецъ сказалъ за тебя въ вѣстяхъ твоихъ, къ областямъ твоимъ и твоимъ городамъ. Быстро удались, предупреди великаго властителя Амона въ Оивахъ, и первымъ будь въ силѣ, въ схваткѣ, во главѣ твоихъ братьевъ, что одного съ тобою рода, такъ, чтобъ обрѣли они тебя тамъ все отдавшимъ; ибо, если не найдутъ они тебя тамъ, вернутся въ области свои и въ свои города.“ Я самъ отправлюсь въ Писапди, и я повелю имъ идти въ мѣста, гдѣ будешь ты.“ Пэму младшій сказалъ: „Сердце мое удовольствовано тѣмъ, что ты сказалъ.“ Засимъ высокопоставленные отправились въ свои области и города. Пэму младшій отбыль, онъ вошелъ на плоскую ладью, новую, которая снабжена была всякаго рода благими вещами. Ладья его спустилась по теченію, и черезъ нѣкоторое время Пэму прибыль къ озеру Газели, и ему указали нѣкоторое мѣсто, дабы расположиться тамъ въ отъединенности.

И, межъ тѣмъ какъ все это совершилось, пришли возгласить объ этомъ предъ вождемъ воинствъ, высокимъ властителемъ Амона въ Оивахъ, говоря: „Пэму младшій только что причалиль къ озеру Газели; онъ расположился тамъ въ отъединенности, и онъ тамъ одинъ съ Зинуфи, юнымъ своимъ оруженосцемъ. Соверши же твои приготовленія, такъ же какъ твоя дружина, и да поспѣшать вооружиться. Люди Таниса, Мэндэса, Тахаита и Сэбэннитоса да отправятся съ тобою, и тѣсно да сплотятся они съ тобою, чтобы дать сраженіе Пэму младшему. Ибо тотъ, онъ предупредилъ тебя, и ихъ тамъ лишь двое слабыхъ. Областямъ и городамъ, что за тебя, повели имъ явиться на поле битвы, и напасть на него съ Юга, съ Сѣвера, съ Востока, съ Запада, и да не

прекратятъ они нападеній, пока не ниспровергнутъ его жизнь. Когда придутъ его братья, и узнаютъ о страшной его смерти, сердца ихъ будутъ разбиты этимъ, и ихъ сила тѣмъ самымъ будетъ уменьшена; они возвратятся въ свои области и въ свои города, и ничто не удержитъ ихъ ногъ, и панцырь Инароса никогда не уйдетъ изъ обиталищъ твоихъ.“ Онъ сказалъ: „Жизнью Мэндэса, бога великаго! Съ этимъ именно намѣреніемъ призвалъ я Мэндэса и четыре области, что за меня! Да вооружатъ для меня ладью!“ Ему вооружили ее тотчасъ, и великій владыка Амона въ Фивахъ отчалилъ со своей дружиной и съ оруженосцами своими. И случилось, что дружина и оруженосцы его города были готовы, и они отбыли съ отрядами дружинъ четырехъ областей. Черезъ малое время великій владыка Амона въ Фивахъ достигъ озера Газели, онъ освѣдомился тотчасъ, и узналъ, что Пэму младшій прибылъ туда раньше него.

Когда великій владыка Амона въ Фивахъ привелъ своихъ къ мѣсту, гдѣ находился Пэму близъ озера Газели, онъ сказалъ: „Будемъ биться одинъ на одинъ въ теченіи часа, покуда одинъ изъ насъ двоихъ не будетъ побѣжденъ другимъ“. Въ часъ, какъ Пэму младшій услышалъ эти слова, смутилось его сердце, и онъ подумалъ: „Я сказалъ себѣ, что не будетъ битвы до тѣхъ поръ, пока мои братья не присоединятся ко мнѣ, ибо мое пораженіе повергло бы въ уныніе дружины областей Египта, когда они придутъ сюда“. Тѣмъ не менѣе отвѣтъ Пэму былъ: „Я готовъ къ битвѣ!“ Зинуфи, юный его оруженосецъ, сталъ плакать и сказалъ: „Богъ да поможетъ тебѣ, да будетъ рука твоя счастливой, и да пребудетъ богъ милосерднымъ къ тебѣ! Ты знаешь хорошо, что одинъ средь множества въ зломъ онъ положеніи, и что

отрядъ потерянь, если онъ одинъ. Долженъ ли я называть тебѣ части, которыя находятся здѣсь съ великимъ владыкой Амона Фивскаго, войска Таниса, Мэндэса, Тахаита, Сэбеннитоса, также и высокопоставленныхъ при немъ находящихся? Смотри, ты выходишь на ристалище съ нимъ, когда ни единого нѣтъ изъ нашего рода съ тобой. Увы! если они нападуть на тебя, когда ни одного не будетъ съ тобою изъ воителей твоихъ. Именемъ Атуму, цѣлое воинство приближается для тебя съ поля битвы, и оно спасетъ тебѣ жизнь, великую жизнь:—Не бросай свою жизнь погибели изъ-за безразсудства!“ Пэму сказалъ:—„Братъ мой Зинуфи, всѣ слова, что ты сказалъ, я ихъ думалъ самъ. Но, поелику обстоятельства таковы, что нельзя ужъ не имѣть битвы, до поры, когда братья присоединятся ко мнѣ, я разобью людей Мэндэса, я унижу Танисъ, Тахаитъ, и Сэбэннитосъ, которые не чтутъ меня вовсе среди отважныхъ. Поелику это такъ, братъ мой Зинуфи, мужайся и да принесутъ мнѣ вооруженіе тяжелое пѣхотинца“. Ему принесли его тутъ же и разложили передъ нимъ на постилкѣ изъ свѣжихъ вѣтокъ. Пэму протянулъ свою руку и онъ схватилъ рубаху, сдѣланную изъ многоцвѣтнаго виссона и передъ которой былъ расшитъ серебряными изображеніями, между тѣмъ двѣнадцать пальмъ изъ серебра и золота украшали спину. Онъ протянулъ потомъ свою руку къ другой рубахѣ, изъ полотна библосскаго и изъ виссона града Панамху, шитой золотомъ, и онъ надѣлъ ее. Онъ протянулъ потомъ свою руку къ воинскому плащу, длинной въ три съ половиной локтя, изъ тонкой шерсти, подкладка котораго изъ зальшельскаго виссона, и онъ надѣлъ его. Онъ протянулъ потомъ свою руку къ своимъ мѣднымъ латамъ, что были украшены золотыми ко-

лосьями и четырьмя изображеніями мужскими и четырьмя женскими изображеніями, представляющими боговъ битвы, и онъ надѣлъ ихъ. Онъ протянулъ свою руку къ наколѣннику изъ каленаго золота и онъ надѣлъ его на свою ногу, потомъ схватилъ онъ рукой своей другой наколѣнникъ, и онъ надѣлъ его на свою ногу. Онъ привязалъ потомъ ремни, потомъ онъ надѣлъ на голову свой шлемъ, и онъ отправился къ мѣсту, гдѣ былъ великій владыка Амона въ Оивахъ.

Тотъ сказалъ своему оруженосцу: „Именемъ Мэндэса, юный мой оруженосецъ, принеси мнѣ мое оруженіе!“ Ему принесли его тотчасъ, онъ надѣлъ его, и не замедлил онъ пойти къ мѣсту, гдѣ долженъ былъ произойти бой. Онъ сказалъ Пэму: „Если ты готовъ, сразимся одинъ на одинъ!“ Пэму принялъ, и бой начался, но скоро великій владыка Амона въ Оивахъ возымѣлъ превосходство. Когда Пэму замѣтилъ это, сердце его затомилось. Онъ сдѣлалъ знакъ рукой, и онъ сказалъ Зинуфи, своему юному оруженосцу: „Не колеблясь бѣги къ берегу, чтобъ взглянуть, не прибываютъ ли друзья наши и товарищи наши со своими дружинами“. Зинуфи нашелъ свои ноги, и не колеблясь побѣжалъ на берегъ; онъ ждалъ часъ, онъ наблюдалъ нѣкоторое время съ высоты откоса. Наконецъ, онъ поднялъ свое лицо и онъ замѣтилъ челнъ, окрашенный въ черное, съ бѣлой обшивкой, весь переполненный матросами и гребцами, весь загроможденный вооруженными людьми, и онъ рассмотрѣлъ, что были золотые щиты на обшивкѣ, что былъ высокій золотой водорѣзъ на носу, что было золотое изображеніе на кормѣ его, и что ряды матросовъ управляли снастями; за нимъ слѣдовали двѣ галеры, пять сотень челноковъ, сорокъ плоскодонокъ и шестьдесятъ

малыхъ лодокъ со своими гребцами, столько, что рѣка была слишкомъ узкой для такого количества судовъ, и откосъ былъ слишкомъ узокъ для всадниковъ, колесницъ, для воинскихъ орудій, для пѣхоты. Одинъ вождь стоялъ въ ладѣ. Зинуфи громкимъ голосомъ позвалъ, и онъ кричалъ сильно, говоря: „О вы, люди бѣлой ладьи, люди зеленой ладьи, люди ладьи пестрой, которое изъ вашихъ судовъ поможетъ роду Пэму младшаго, сыну Инароса? Спѣшите къ нему на ристалище, ни пѣшихъ, ни конныхъ, ни колесницъ съ нимъ противъ великаго владыки Амона въ Өивахъ. Люди Таниса, Мэндэса тоже, Тахаита тоже, Сэбэннитоса тоже, помогаютъ они великому владыкѣ Амона въ Өивахъ, бога ихъ, что пребываетъ въ крѣпости Зауифрэ. Братья его, содружные его, его воители поддерживаютъ его всѣ“. Какъ только люди въ ладѣ услышали его, нѣкій военачальникъ всталъ на кормѣ и сказалъ: „Бѣда ужасная, то, что возвѣщаютъ намъ уста твои, оповѣщая намъ, что Пэму и родъ его бьется съ великимъ владыкой Амона въ Өивахъ“. Зинуфи вернулся, чтобы возвѣстить новость. Онъ направился къ мѣсту, гдѣ былъ Пэму, и онъ нашелъ его въ схваткѣ съ великимъ владыкой Амона въ Өивахъ: его конь былъ убитъ и поверженъ на землю. Зинуфи вскричалъ: „Сражайся, богъ мой Пэму, твои братья, дѣти Инароса, спѣшатъ они къ тебѣ!“

Когда великій владыка Амона въ Өивахъ увидѣлъ, что Зинуфи вернулся, повелѣлъ онъ людямъ Таниса, и людямъ Мэндэса, Тахаита тоже, и Сэбэннитоса тоже удвоить напоръ на Пэму. Зинуфи, юный оруженосецъ, нашелъ Пэму сердцемъ отчаявшагося, съ мечомъ залитымъ слезами о конѣ своемъ, и онъ говорилъ: „Ужели они убили тебя, добрый мой звѣрь?“ Когда онъ услышалъ

Зинуфи, онъ приподнялъ свое лицо, и онъ увидѣлъ ладью, переполненную марсовыми и гребцами, снабженную войтелями и матросами, которые пѣли подъ вѣтромъ и которые спѣшили на битву. Онъ закричалъ громкимъ голосомъ юному своему оруженосцу Зинуфи: „Братъ, кто эти люди, тамъ?“— „Это родъ Инароса, что спѣшить на помощь Пэму младшему, сыну Инароса“. Пэтэхонсу, братъ Пэму, что былъ во главѣ ихъ, вызвалъ Анкгору, сына Фараона: тогда всеобщее смятеніе смѣнилось полнымъ порядкомъ, и они вооружились для поединка. Тутъ нѣкій вѣстникъ не замедлилъ отправиться къ мѣсту, гдѣ былъ Фараонъ Пэтубастисъ, дабы рассказать ему о томъ, что произошло между Пэтэхонсу и Анкгору, сыномъ царя. Когда Его Величество узналъ объ этомъ, онъ пришелъ въ ярость: „Что это за злой поступокъ? неужели же, вопреки моимъ повелѣніямъ, Анкгору, дитя Фараона, бьется съ этимъ опаснымъ быкомъ людей Востока! Именемъ Амонра, царя боговъ, моего бога великаго, бѣда дружинѣ Писапди! Поруганіе людямъ Атрибиса, дружинѣ областей Мэндэса, которые истребляютъ отряды Сэбэннитоса въ борьбѣ за родъ высокопоставленныхъ царевичей, сыновъ вѣщаго Инароса! Знамя царственнаго Инароса попрано, доколѣ содружники ихъ прибываютъ. Да приготовятся къ конскому ристалищу, къ цѣпи замкнутаго круга. Повторены были царевичу Пэтэхонсу лжи, чтобы не бился онъ съ Анкгору, царственнымъ наслѣдникомъ, моимъ сыномъ, чтобы не поднималъ онъ своихъ порубежныхъ значковъ, пока не высадутся всѣ отряды и не воздвигнуть знаменъ передъ Фараономъ для цѣпи замкнутаго круга!“ Дружина двухъ скипетровъ и люди двухъ щитовъ отправились въ путь. Когда Фараонъ прибылъ къ мѣсту, гдѣ находился Пэтэхонсу, онъ

увидѣлъ приближенныхъ Пэтэхонсу, и самого Пэтэхонсу, который натягивалъ панцырь изъ плотнаго желѣза. Фараонъ приблизился и сказалъ:— „Не будь злымъ сглазомъ, сынъ мой, не поднимай твое знамя, доколѣ не придутъ сородичи твои!“ Пэтэхонсу увидѣлъ, что Фараонъ Пэтубастисъ возлагалъ себѣ на голову вѣнецъ: Пэтэхонсу возславилъ его и вознесъ ему обычную молитву, и онъ не началъ боя въ тотъ день. Фараонъ повелѣлъ начертать на каменной скрижали указъ въ честь царевича Пэтэхонсу.

Однако, между тѣмъ какъ происходило все это, ладья великаго вождя Востока, Пакрура, причалила къ озеру Газели, и обозы Пэтэхонсу и люди Атрибиса продвинулись дальше къ Сѣверу: назначили сходни для переправы ихъ, и установили сходни для переправы Анкгору, сына Панэмка. Установили сходни для переправы людей Солнцеграда, и для переправы людей Саиса. Установили сходни для переправы обозовъ Миннэмэи, царевича Элефантины. Установили сходни для переправы обозовъ Фрамоони, сына Зинуфи, и дружины Пиманки. Установили сходни для обозовъ Пэбрѣхафа, сына Инароса, и для дружины области Саиса. Установили сходни для ладьи вождя Баклулу, сына Инароса, и дружины области Бузириса. Установили сходни для ладьи Уилуни, сына Анкгору, и дружины Меитума. Установили сходни для Уохсунэфгамула, сына Инароса. Установили сходни для ладьи Пэму младшаго, съ могучей рукой, и другихъ сыновей царственнаго Инароса, равно и для братьевъ вождя, воителей Пэтэхонсу, и для всѣхъ изъ рода вѣщаго Инароса. Кто видитъ прудъ съ его птицами, рѣку и ея рыбокъ, онъ видитъ озеро Газели и рать Инароса на немъ. Они мычали, подобно быкамъ, они были упитаны силой какъ львы, они разъярились какъ льви-

цы. И пришли возвѣстить о томъ Фараону, говоря: — „Двѣ рати прибыли, львы они по шлемамъ своимъ, вооруженьемъ своимъ—быки. Былъ воздвигнуть тогда высокій помость для царя Пѣтубастиса, и воздвигли другой помость для великаго вождя Востока Пакрура, напротивъ перваго. Воздвигли помость для Тахоса, сына Анкгору, и воздвигли еще другой для Пѣтэхонсу, напротивъ того. Воздвигли помость для Уилуни, начальника воителей Мѣнтума, и воздвигли еще другой для царственнаго сына Анкгору, сына Фараона Пѣтубастиса, противъ того. Воздвигли помость для Псинталэса, сына Зауиранамгаи, царевича великаго круга Гануфи, и воздвигли другой для Фрамоони, сына Зинуфи, царевича Пиманхи, противъ того. Воздвигли помость для Анкгору, сына Гарбиза, царевича области Пилакхити, и воздвигли другой для Пѣтэхонсу изъ Мэндэса, противъ того. Воздвигли помость для Анкхофиса, сына Фрамоони, царевича Псоэиса, и воздвигли еще другой для Сукхотэса, сына Тафнаhti изъ Атрибиса, противъ того. Дружины четырехъ областей были выстроены позади великаго Владыки Амона въ Оивахъ, и дружины областей Солнцеграда позади Пѣму младшаго.

Тогда Фараонъ сказалъ:—„О, великій вождь Востока, Пакруръ, я вижу, нѣтъ никого, кто могъ бы удержать столкновение двухъ щитовъ, области съ областью, и города каждаго съ сосѣднимъ его“. Великій вождь Востока вышелъ облаченный въ кольчугу, выложенную лучшею битью изъ лучшаго желѣза и плавленной бронзы, опоясанный воинскимъ мечомъ изъ хорошаго каленаго желѣза, и ятаганомъ по образцу людей Востока, отлитымъ изъ одного куска отъ рукоятки до отточеннаго острія его. Онъ схватилъ стрѣлу, изъ древа Арабіи на одну треть

и изъ золота на другую треть, и одна треть которой была изъ желѣза, и онъ взялъ въ руку золотой щитъ. Великій вождь Востока, Пакруръ, находился посреди отрядовъ изъ Египта, между двухъ знаменъ и двухъ щитовъ, и онъ воззвалъ громкимъ голосомъ своихъ предводителей, говоря:—„Гей, ты, вождь воинствъ, Великій властитель Амона въ Оивахъ! Тебѣ надлежитъ побѣдить Пэму, вождя воителей, младшаго сына Инароса, съ которымъ идутъ семь тѣлохранителей вооруженныхъ, что бывали на полѣ битвы съ божественнымъ сыномъ царственного Инароса, вы же, люди изъ области Солнцеграда, расположитесь противъ многочисленныхъ отрядовъ области Мэндэса. Гей, ты, вождь воителей Пэтэхонсу! Тебѣ надлежитъ побѣдить Анкгору, царскаго наслѣдника, сына Фараона Пэтубастиса. Гей, вы, Пситуэрисъ, сынъ Пакрура, Фрамоони, сынъ Анкгору, Пэтэхонсу, сынъ Бокхориса, и ты, гей, дружина Писапди. Вамъ это надлежитъ побѣдить дружину Сэбэннитоса. Гей, вы, Фрамоони, сынъ Зинуфи, и дружины Пиманки! Вамъ это подлежитъ разбить дружину области Таниса. Гей, ты, Сукхотэсъ, сынъ Зинуфи, вождь дружины области Атрибиса. Тебѣ это надлежитъ побѣдить, равно и Анкгору, сыну Гарбиза, царевичу Тіомэ, вождю стадъ Сахми!“ Онъ выстроилъ ихъ, мужа противъ мужа, и велика была ихъ удалъ, велика ихъ рьяность смертоносная!

И, послѣ этого, случилось, что великій вождь Востока, Пакруръ, обернулся среди стычки, и онъ замѣтилъ нѣкоего военачальника высокаго роста и красивой наружности, который стоялъ на оглобляхъ колесницы, новой и красиво разубраной. Онъ былъ облаченъ въ свои доспѣхи и во все свое оружіе, и сорокъ тѣлохранителей было съ нимъ, суровыхъ и стройныхъ, на своихъ

сорока коняхъ, и сорокъ тысячъ пѣхотинцевъ шли во слѣдъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ, и четыре тысячи другихъ воителей были за нимъ, всѣ хорошо снаряженные. Онъ подъялъ руку передъ великимъ вождемъ Востока, Пакруромъ, говоря:—„Будь ко мнѣ благосклоненъ, о, Бааль, великій богъ, мой богъ. Что же съ тобою, что не дароваль ты мнѣ мѣста въ сраженіи, дабы сопричислить меня къ братьямъ моимъ, сынамъ царственнаго Инароса, отца моего“. Царевичъ Востока, Пакруръ, ему сказалъ: „Который будешь ты изъ мужей нашего рода?“ Военачальникъ ему сказалъ: „Воистину, отецъ мой, царевичъ Востока, Пакруръ, Монтубааль я, сынъ Инароса, что посланъ былъ противъ страны Кхоирисъ. Удалю твоей, отецъ мой, царевичъ Востока, Пакруръ, былъ я взволнованъ, и не могъ я спать въ моей горницѣ, когда привидѣлся мнѣ сонъ одинъ. Пѣвица словъ божественныхъ находилась возлѣ меня и говорила мнѣ:— „Монтубааль, сынъ Инароса, сынъ мой, бѣги, какъ только можешь бѣжать! Не медли больше, но устремись въ Египетъ, ибо я пойду съ тобой къ озеру Газели, по причинѣ битвы и войны, что велутъ дружина Мэндэса и родъ Гарнакхуити, сынъ Смэндэса, противъ братьевъ твоихъ и противъ рода твоего, по причинѣ панцыря, который унесли въ крѣпость Зауифрѣ“. О, отецъ мой, царевичъ Востока, Пакруръ, да означать мнѣ мѣсто въ ристалищѣ; ибо, если не дадутъ мнѣ его, что станется со мною, отецъ мой, царевичъ Востока, Пакруръ?“ Царевичъ Востока, Пакруръ, ему сказалъ:—„Привѣтъ тебѣ, привѣтъ тебѣ, Монтубааль! Ты прибываешь съ отрядами твоими, когда все уже расположено; однако, поелику ты просишь моего повелѣнія, вотъ велѣніе, что я даю тебѣ. Останься въ лады твоей, и не посылай ни

единого изъ людей твоихъ въ битву, ибо я не подамъ тебѣ знака, доколѣ отряды областей не нападутъ на наши корабли: тогда не допусти ихъ произвести опустошеніе на рѣкѣ!“ Монтубааль ему сказалъ: „О, отецъ мой, царевичъ Востока, Пакруръ, я останусь въ моей ладѣ!“ Пакруръ указалъ ему мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ помѣститься, и онъ взошелъ на свой помостъ, дабы слѣдить за превратностями битвы.

Два отряда бились уже съ четвертаго часа утра до девятаго часа вечера, и непрестанно воители побивали другъ друга. Наконецъ, Анкгору, сынъ Гарбиза, царевичъ изъ Тіомэ, поднялся, чтобы освободить другого отважнаго изъ отрядовъ Сэбэннитоса, и они побѣждали къ рѣкѣ. Но Монтубааль былъ на рѣкѣ въ своей ладѣ; онъ услышалъ громкое сѣтованіе, что доносилось отъ дружины, и ржаніе коней, и ему сказали: „Это дружина изъ областей Сэбэннитоса, которая бѣжитъ отъ твоихъ братьевъ“. Онъ сказалъ: „Пребудь со мной, о, Бааль, богъ великій, мой богъ! Вотъ, девятый часъ, и сердце мое смятено, ибо не принялъ я участія въ битвѣ и войнѣ!“ Онъ надѣлъ свою кольчугу, и онъ схватилъ свои воинскіе доспѣхи, и онъ устремился навстрѣчу дружинѣ области Сэбэннитоса, отрядовъ Мэндэса и крѣпости Зауифрэ, Тахаита, силъ Великаго Владыки Амона въ Оивахъ. Онъ понесъ гибель и рѣзню средь нихъ, какъ Сокхитъ въ свой часъ ярости, когда гнѣвъ ея воспламеняется въ сухихъ травахъ. Дружина разсѣялась предъ нимъ, и гибель понеслась предъ ихъ взоромъ, рѣзня средь нихъ; смерть сѣяли средь нихъ неустанно. Донесли о томъ Фараону Пэтубастису, и уста его разразились крикомъ великимъ, онъ устремился внизъ съ возвышеннаго своего помоста. Фараонъ сказалъ: „Великій

вождь Востока, Пакрурь, устремись къ твоимъ воителямъ. Миѣ донесли, что Монтубааль, сынъ Инароса, сѣять гибель и истребленіе среди четырехъ областей. Да прекратить онъ истребленіе моей дружины!“ Великій вождь Востока сказалъ:— „Да благоволитъ Фараонъ отправиться со мною къ мѣсту, гдѣ находится Монтубааль; я повелю, чтобы прекратилъ онъ убіеніе дружины Египетской!“ Пакрурь надѣлъ свою кольчугу, онъ вошелъ на носилки вмѣстѣ съ Фараономъ Пѣтубастисомъ. Они встрѣтили Монтубаала, сына Инароса, на полѣ битвы, и великій вождь Востока, Пакрурь, сказалъ: „Сынъ мой Монтубааль, удались съ поля битвы. Хорошо-ли это, сѣять гибель и поражение среди твоихъ братьевъ, дружинъ Египта?“ Монтубааль сказалъ: „Хорошо ли это то, что сдѣлали эти люди, — унести панцырь отца моего Инароса въ крѣпость Зауифрѣ, хитростью, и ты не сдѣлалъ должнаго, чтобы они намъ вернули его?“ Царь сказалъ: „Сдержи твою руку, о, сынъ мой Монтубааль, и въ часъ, какъ ты попросилъ, это случится. Я повелю отнести панцырь въ Солнцеградъ, въ мѣсто, гдѣ онъ находился раньше, и радость пойдетъ предъ нимъ, и ликованіе за нимъ!“ Монтубааль повелѣлъ протрубить отбой въ своихъ войскахъ. Удалились они съ ристалища, и было такъ, точно никто и не бился.

Они же вернулись, Фараонъ и Пакрурь съ Монтубааломъ, къ битвѣ, къ мѣсту, гдѣ былъ Пѣму, и они нашли его въ схваткѣ съ Великимъ Властителемъ Амона въ Оивахъ. Пѣму полуопрокинулъ своего противника подъ его щитомъ изъ переплетенныхъ камышей: онъ ударилъ ногой, онъ выбилъ щитъ на землю и онъ занесъ свою руку къ мечу своему, какъ бы для того, чтобъ убить. Монтубааль сказалъ: „Нѣтъ, братъ мой

Пэму, не допусти руки твоей до отмщенія этимъ людямъ, ибо человѣкъ не тростникъ, который, если срѣжешь его, онъ снова выростетъ. Поелику Пакруръ, отецъ мой, и Фараонъ Пэтубастись повелѣли, чтобъ не было битвы, да сдѣлаютъ все, что Фараонъ сказалъ относительно панцыря, дабы перенести его въ мѣсто его первичное, и Великій Владыка Амона въ Фивахъ да придетъ, и да вернется онъ въ домъ свой“. И они отошли одинъ отъ другого, но послѣ случилось, что вождь воинствъ, Пэтэхонсу, вызвалъ на поединокъ Анкгору, царскаго наслѣдника, и онъ поглумился надъ нимъ въ насмѣшку. Пэтэхонсу однимъ прыжкомъ наскочилъ на него сзади, и онъ нанесъ Анкгору, царскому наслѣднику, ударъ, суровѣ камня, горячѣ огня, легче дыханія, быстрѣ вѣтра. Анкгору не смогъ ни овладѣть нападеньемъ, ни отразить, и Пэтэхонсу держалъ его, полуопрокинутымъ передъ собой, подъ щитомъ своимъ изъ переплетенныхъ камышей. Пэтэхонсу ударилъ его о землю, онъ поднялъ свою руку, онъ взмахнулъ кривымъ своимъ мечомъ, и громкій ропотъ и глубокій вопль пронесся средь воинствъ Египта, по причинѣ Анкгору, царскаго наслѣдника. Вѣсть не осталась скрытой и въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ Фараонъ: „Пэтэхонсу опрокинулъ Анкгору, твоего сына, на землю, и онъ заноситъ свою руку и кривой свой мечъ на него, чтобы погубить его“. Царь Фараонъ великую отъ этого ощутилъ тоску. Онъ сказалъ: „Будь жалостливъ ко мнѣ, Амонра, владыка, царь Богограда, богъ великій, мой богъ! Я сдѣлалъ все, что могъ, дабы отвратить битву и войну, но меня не послушали!“ Когда онъ сказалъ это, поспѣшилъ онъ, и онъ схватилъ руку Пэтэхонсу. Царь сказалъ: „Сынъ мой Пэтэхонсу, сохрани ему жизнь, отврати твою руку отъ

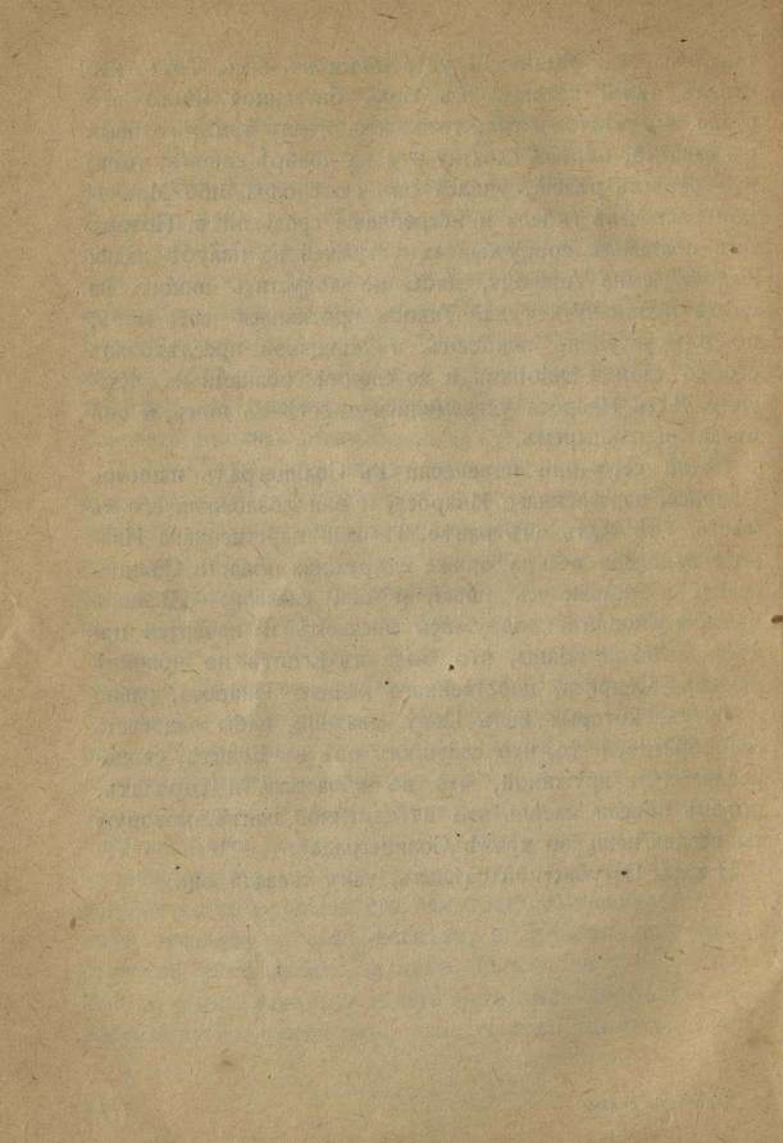
сына моего, побойся, если убьешь ты его, не насталь бы часъ моей кары. Твое отмщеніе, ты возъмѣль его, и ты побѣдилъ въ твоей войнѣ, и рука твоя сильна во всемъ Египтѣ“! Великій вождь Востока, Пакруръ сказалъ: „Отврати твою руку отъ Анкгору, по причинѣ Фараона, отца его, ибо онъ дыханіе его“. И онъ отошелъ отъ Анкгору, царскаго наслѣдника. Фараонъ сказалъ: „Именемъ Амонра, царя Богограда, бога великаго, моего бога, это сдѣлано дружиной области Мэндеса, и Великій Владыка Амона въ Өивахъ повергнуть, и Пѣтхонсу побѣдилъ его, равно и дружины четырехъ областей наиболѣе значительныхъ въ Египтѣ; остается только повелѣть кончить рѣзню“.

Однако, тѣмъ временемъ, какъ случилось это, Миннэмэи приближался по рѣкѣ со своими сорока вооруженными тѣлохранителями, съ своими девятью тысячами Эѳіоповъ изъ Мэроэ, со своими оруженосцами, съ собаками своими изъ Кхазиру, и ратники изъ области Өивъ слѣдовали за нимъ, и рѣка была слишкомъ узкой для людей въ ладьяхъ, и побережный откосъ слишкомъ узокъ для конницы. Когда онъ прибылъ къ озеру Газели, установили сходни для быка воителей, Миннэмэи, сына Инароса, царевича Элефантины, возлѣ ладьи Тахоса, вождя воинствъ области Мэндеса, и возлѣ его воинскаго челна. Миннэмэи воскликнулъ:— „Именемъ Хнуму, владыки Элефантины, бога великаго, моего бога! Такъ вотъ почему призывалъ я тебя, узрѣть панцырь моего отца, Озириса-Инароса, дабы я сталъ орудіемъ его замысла!“ Миннэмэи надѣлъ свою кольчугу и свои доспѣхи, и дружина, что была съ нимъ, послѣдовала за нимъ. Онъ пошелъ на ладью Тахоса, сына Анкгору, и онъ встрѣтилъ девять тысячъ вооруженныхъ ратниковъ, что охраняли панцырь Ози-

риса-Инароса. Миннэмэи устремился на нихъ. Тотъ, кто стоялъ тамъ, готовый къ бою, битвенное мѣсто его стало ему мѣстомъ сна; тотъ, кто стоялъ тамъ, готовый къ схваткѣ, обрѣлъ схватку эту на дозорѣ своемъ; тотъ, кто любилъ рѣзню, упился онъ ею сполна, ибо Миннэмэи расточалъ гибель и истребленіе средь нихъ. Потомъ онъ поставилъ вооруженныхъ стражей на палубѣ ладьи Тахоса, сына Анкгору, дабы не допустить никого на свѣтъ проникнуть туда. Тахосъ противился какъ могъ, но онъ уступилъ наконецъ, и Миннэмэи преслѣдоваль его со своими Эіюпами и со своими собаками изъ Кхазиру. Дѣти Инароса устремились вмѣстѣ съ нимъ, и они овладѣли панцыремъ.

Послѣ сего они перенесли въ Солнцеградъ панцырь Озириса, царственнаго Инароса, и они возложили его въ мѣсто, гдѣ былъ онъ ранѣ. И чада царственнаго Инароса ликовали весьма, также и дружина области Солнцеграда, и пошли къ царю, и они сказали:—„Великій нашъ господинъ, вооружись писаломъ и начертай повѣсть великой войны, что была въ Египтѣ по причинѣ панцыря Озириса, царственнаго нашего Инароса, равно и битвъ, которыя велъ Пэму младшій, дабы завоевать его обратно, и то, что свершилъ онъ въ Египтѣ, съ царевичами и дружиной, что въ областяхъ и городахъ, потомъ повели изсѣчь это на каменной плитѣ, которую ты воздвигнешь во храмѣ Солнцеграда“.

И царь Пэтубастись сдѣлалъ, какъ сказали они.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Потерпѣвшій кораблекрушеніе	5
Приключенія Синугита	11
Царь Хуфуи и кудесники	27
Сказка о двухъ братьяхъ	41
О томъ, какъ Тутій взялъ городъ Юппе	54
Обреченный царевичъ	59
Жалобы Солевара	68
Приключеніе Сатни-Хамонса съ муміями	85
Повѣсть правдивая о Сатни-Хамонсѣ и о сынѣ его Сепозирисѣ	106
О томъ, какъ Сатни-Хамонсѣ одержалъ побѣду надъ ассиріянами	131
Дочь владыки Бахтана и духъ	133
Сказка о Рампсинитѣ	138
Странствованіе Унамуну къ берегамъ Сиріи	143
Захватъ панцыря	154

ИСТОРИЯ и ЛИТЕРАТУРА.

- Бальмонтъ, К.** Край Озириса. Египетскіе очерки. 2 р.
- Беловъ, Г.** Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Пер. Е. Петрушевской, подъ ред. и со вступительн. статьей проф. Д. Петрушевскаго. 1 р. 25 к.
- Богучарскій, В.** Активное народничество семидесятыхъ годовъ. 2 р.
- Брестедъ, Д.** Исторія Египта. Съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева. 2 тома—8 руб.
- Гершензонъ, М.** Грибоѣдовская Москва. 1 р. 25 к.
- Гершензонъ, М.** Декабристъ Кривцовъ и его братья. 2 р.
- Гроссе, Э.** Происхожденіе искусства. Пер. А. Грузинскаго. 1 р. 50 к.
- Дживелеговъ, А.** Александръ I и Наполеонъ. Историч. очер. 1 р. 75 к.
- Ешевскій, С.** Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
- Кальдеронъ.** Сочиненія. Пер. К. Бальмонта. Вып. I. Чистилище св. Патрика. Трагедія. 90 к. Вып. II. Философскія и героическія драмы. Жизнь есть сонъ. Поклоненіе Кресту. Стойкій принцъ. Любовь послѣ смерти. 2 р. 75 к. Вып. III. Врачъ своей чести. Драма ревности. 1 р.
- Корниловъ, А.** Курсъ исторіи Россіи XIX в. Ч. I—1 р. 25 к. Ч. II—1 р. 25 к. Ч. III—1 р. 50 к.
- Корниловъ, А.** Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. 4 р. 50 к.
- Лависъ, Э. и Рамбо, А.** Эпоха крестовыхъ походовъ. Пер. М. Гершензона, съ предисл. проф. А. Савина. 2 тома—4 р.
- Огарева-Тучкова, Н. А.** Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.
- Огаревъ, Н.** Стихотворенія. 2 тома—3 р. 50 к.
- Петрушевскій, Д.** Возстаніе Уота Тайлера. Очерки по исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англій. 2 р. 75 к.
- Розенбергъ, В.** Лѣтопись русской печати (1907—1914 гг.). 70 к.
- Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В.** Русская печать и цензура. 1 р.
- Русскіе Проилеи.** Матеріалы по исторіи русской мысли и литературы, подъ ред. М. Гершензона. Т. I—3 р. 50 к. Т. II—3 р. 50 к. Т. III. И. С. Тургеневъ. 3 р. 50 к. Т. IV—3 р. 50 к.

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.
Москва, Тверской бульваръ, 6.

- Сакулянь, П.** Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ө. Одоевскій. Т. I. Ч. 1 и 2.—5 р. 50 к.
Словацкій, Ю. Три драмы. Пер. К. Бальмонта. 1 р. 60 к.
Ферреро, Г. Величіе и паденіе Рима. Пер. А. Захарова. Т. I. Созданіе имперіи. 1 р. 75 к. Т. II. Юлій Цезарь. 1 р. 75 к. Т. III. Отъ Цезаря до Августа. 3 р. 50 к.
Шелли. Ченчи. Трагедія. Пер. К. Бальмонта. 75 к.
Якушкинъ, В. О Пушкинѣ. 1 р.

ЭКОНОМИЧЕСКІЯ НАУКИ.

- Велецкій, С.** Земская статистика. Съ пред. проф. А. И. Чупрова. 3 тома 7 р.
Кооперація на Всероссійской выставкѣ 1913 г. въ Кіевѣ. 4 р.
Прокоповичъ, С. Аграрный кризисъ и мѣропріятія правительства. 2 р.
Струве, П. Крѣпостное хозяйство. 2 р.
Тотоміанцъ, В. Кооперація въ русской деревнѣ. 2 р. 60 к.
Чупровъ, А. А. Очерки по теоріи статистики. 2 р. 50 к.
Чупровъ, А. И. Крестьянскій вопросъ. 1 р. 20 к.
Чупровъ, А. И. Изъ прошлаго русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 2 р.
Чупровъ, А. И. Курсъ политической экономіи. 2 р.
Чупровъ, А. И. Исторія политической экономіи 80 к.
Шмоллеръ, Г. Наука о народномъ хозяйствѣ. 50 к.

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНІЯ и ПЕДАГОГИКИ.

- Бине, А. и Симонъ, Т.** Ненормальныя дѣти. 1 р.
Бреаль, М. Древніе языки въ среднемъ образованіи. 75 к.
Гильдебрандъ, Р. О преподаваніи родного языка въ школь и о національномъ воспитаніи и образованіи. 1 р.
Гиршъ, М. Народные университеты. 20 к.
Демени, Ж., Филиппъ, I., Расинъ, П. Курсъ теоріи и практики физическаго воспитанія. 1 р. 75 к.
Компере, Г. Умственное и нравственное развитіе ребенка. 2 р.

- Паульсенъ, Ф. Образование. 15 к.
Ришаръ, Г. Экспериментальная педагогика. 1 р. 40 к.
Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
Сперанскій, Н. Борьба за школу. 1 р. 20 к.
Форель, А. Гигіена нервовъ и духа. 1 р. 50 к.

СЕРІЯ ПО БІОЛОГІИ.

Подъ общей редакціей проф. М. А. МЕНЗБИРА.

Собраніе иллюстрированныхъ руководствъ по всѣмъ отдѣламъ науки о жизни для студентовъ, преподавателей, врачей, ветеринаровъ, агрономовъ, любителей естествознанія и для самообразования. Каждая отдѣльная книга представляетъ законченное цѣлое; все же собраніе составитъ полную энциклопедію биологій.

- Борисякъ, А. Курсъ палеонтологіи. Ч. I. Безпозвоночныя. 2 р. 40 к.
Ч. II. Позвоночныя. 2 р. 40 к.
Вейсманъ, А. Лекціи по эволюціонной теоріи. Пер. В. Елпатьевскаго и Г. Рихтера подъ ред. проф. В. Львова. 2 р. 40 к.
Веттштейнъ, Р. Руководство по систематикѣ растений. Пер. проф. С. Ростовцева. Т. I. 1 р. 20 к. Т. II. Ч. I. 1 р. 40 к. Т. II. Ч. II. 2 р. 60 к.
Видерсгеймъ. Строеніе человѣка. Пер. проф. М. Мензбира. 1 р. 50 к.
Гексли-Розенталя. Основы физиологій. Пер. проф. В. Львова. 2 р.
Гексли, Г. Ракъ. Введеніе въ изученіе зоолог. Пер. Г. Ярцева. 1 р. 50 к.
Гребнеръ, П. Географія растений. Переводъ съ многочисленными передѣлками и дополненіями проф. М. Голенкина. 2 р. 50 к.
Карпентеръ, Г. Насѣкомыя, ихъ строеніе и жизнь. Пер. В. Герда. 1 р. 75 к.
Клебсъ, Г. Произвольное измѣненіе растительныхъ формъ. Матеріалы для будущей физиологій развитія. Пер. проф. К. Тимирязева. 1 р.
Лехе, В. Человѣкъ, его происхожденіе и эволюціонное развитіе. Пер. проф. М. Мензбира и С. Усова. 2 р. 60 к.

- Маршалъ, М.** Развитие челоѳческаго зародыша. Пер. В. Львова.
1 р. 25 к.
- Мейеръ, А.** Практическій курсъ анатоміи растений. Пер. Г. Риттера.
80 коп.
- Ньюманъ, А.** Бактеріи. Пер. Е. Гурвичъ подъ ред. В. Воронина.
1 р. 75 к.
- Паркеръ, Т.** Лекціи по элементарной біологіи. Пер. В. Львова.
2 р. 50 к.
- Розенталь, И.** Общая фізіологія. Введеніе въ изученіе естеств.
наукъ и медицины. Пер. В. Елпатъевского и Г. Риттера, подъ
ред. акад. кн. И. Тарханова. 3 р.
- Уоллэсъ, А. Р.** Дарвинизмъ. Пер. проф. М. Мензбира. 2 р. 40 к.
- Шиплей, А. и Мэкъ-Брайдъ, Э.** Курсъ зоологіи. Пер. В. Львова
и М. Мензбира. 3 р.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

- Беклей, А.** Побѣдители въ жизненной борьбѣ. Великая семья
позвоночныхъ. Пер. проф. В. Львова. 2 р.
- Беклей, А.** Краткая исторія естественныхъ наукъ. Пер. проф. В.
Львова. 2 р.
- Бемъ, А. и Давыдовъ, Ш.** Учебникъ гистологіи челоѳка, со вклю-
ченіемъ микроскопической техники. Пер. проф. В. Львова. 3 р.
- Кабановъ, Н.** Очерки по фізіологіи здороваго и больного челоѳ-
ческаго организма. Т. I. Фізіологія отдѣльныхъ органовъ. 2 р.
40 к. Т. II. Обмѣнъ веществъ. Нервная система. Инфекція.
Внѣшнія условія заболѣваній. Наслѣдственность. 2 р. 40 к.
- Кабановъ, Н.** Учебникъ—атласъ анатоміи. 4 р. 50 к.
- Кимминсъ, К.** Химія жизни и здоровья. Пер. подъ ред. проф. В.
Тимоеева. 80 к.
- Лассаръ-Копъ.** Введеніе въ химію. Пер. А. Герценштейнъ, подъ
ред. проф. Зелинскаго. 1 р. 20 к.
- Лицлявскій и Г. Лунгвитцъ.** Радиоэлементы въ медицинѣ. Руковод-
ство по біологіи, фармакологіи и клиникѣ радія, мезоторія,

Изданія М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ.

Москва, Тверской бульваръ, 6.

торія Х, актинія и ихъ эманаций. Для студент. и врач. Пер. со второго изд. подъ ред. д-ра Н. М. Кишкина. 2 р. 50 к.

Мензбиръ, М. Введеніе въ изученіе зоологіи и сравн. анатоміи 3 р.
Міз, Г. Жизнь и ея проявленія. Пер. съ допол. С. Нагибина и Л. Кречетовича. 1 р. 50 к.

Июръ, П. Химія огня. Пер. подъ ред. проф. В. Тимоеева. 85 к.

Нерясть и Шенфлиссъ. Основанія высшей математики. Краткій учебникъ дифференціального и интегрального исчисленія въ приложеніи въ области естествознанія. Пер. М. Дукельскаго, под. ред. прив.-доц. А. Грузинцева и проф. В. Тимоеева. 2 р. 25 к.

Столътовъ, А. Общедоступныя лекціи и рѣчи. Съ портретомъ и біографическимъ очеркомъ, составлен. проф. К. Тимирязевымъ. 1 р. 25 к.

Страсбургеръ, Э. Курсъ гистологіи растений. Руководство къ самостоятельнымъ занятіямъ микроскопической ботаникой и введеніе въ микроскопическую технику. Пер. В. Дейнеги. 1 р. 75 к.

Тимирязевъ, К. Жизнь растений. Десять общедоступныхъ чтеній. 1 р. 60 к.

Фроммель, В. Радиоактивность. Пер. А. Котляревскаго. 40 к.

150

2503

2 РУБ.

12.10.1918
1918

2018814357

